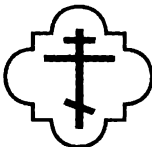

ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ АГАФОНОВ

РАТНЫЕ ПОДВИГИ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

**Протоиерей
Николай Агафонов**

**РАТНЫЕ ПОДВИГИ
ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА**

Москва
2013

УДК 281.9
ББК 86.372
А 20

*Допущено к распространению
Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 13-306-0455)*

А 20 Протоиерей Николай Агафонов. Ратные подвиги православного духовенства – М.: Благовест, 2013. – 352 с.

ISBN 978-5-9968-0283-8

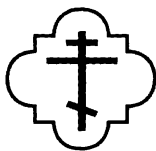
Православное духовенство не только благословляло на ратный труд воинов, не только молилось о даровании «победы на сопротивных», но зачастую и само принимало участие в ратном деле, проявляя при этом беспримерное мужество и удивительную храбрость. Священник на войне ободрял малодушных, выносил с поля боя раненых и ухаживал за ними, принимал исповедь умирающих, причащал их Святыми Дарами и отпевал убитых на поле брани. А ещё он вдохновлял солдат своим личным примером, идя в бой впереди атакующих с Крестом в руках.

Деяния этих славных воинов в рясах изложены в этой книге. Молитвенно поминать их имена, и слагать в своих сердцах их подвиги — наш христианский долг.

**УДК 281.9
ББК 86. 372**

ISBN 978-5-9968-0283-8

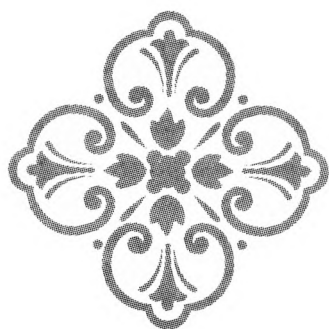
© Агафонов Н. В., – текст, 2013
© Издательство «Благовест» – текст,
оформление, оригинал-макет, 2013

*Меч служит внешней борьбе,
но во имя духа;
и потому, пока в человеке
жива духовность,
призвание меча будет состоять
в том, чтобы его борьба
была религиозно осмыслена
и духовно чиста.*

И.А. Ильин

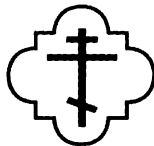

ОТ АВТОРА

Православная Церковь, чуждая сектантского пацифизма, всегда благословляла своих чад сражаться с врагами Отечества, не щадя живота своего. Святитель Филарет, митрополит Московский, ныне причисленный к лику святых, говорил: «Люби врагов своих, бей врагов Отечества и ненавидь врагов Божьих». Отдать жизнь за Родину — значит, исполнить заповедь Христа о жертвенной любви к ближним, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15,13). «Всякий народ, — пишет русский философ И.А. Ильин, — переживает во время войны такое духовное и нравственное напряжение, которое, в сущности говоря, всегда превышает его силы: от него требуется массовое самопожертвование, тогда как самопожертвование есть проявление высокой добродетели; от него требуется сила характера, храбрость, победа духа над телом, беззаветная преданность духовным реальностям...» И вот, чтобы поддержать в народе «такое духовное и нравственное напряжение», православное духовенство не только благословляло на ратный труд воинов, не только молилось о даровании «победы на сопротивных», но зачастую и само принимало участие в ратном деле, проявляя при этом беспримерное мужество и удивительную храбрость. Священник на войне ободрял малодушных, выносил с поля боя раненых и ухаживал за ними, принимал исповедь умирающих, причащал их Святыми

Дарами и отпевал убитых на поле брани. А ещё он вдохновлял солдат своим личным примером, идя в бой впереди атакующих с Крестом в руках. Это уже ратный подвиг, который был характерен для полковых священников с XVIII и до начала XX века. Но ещё до возникновения института полковых священников в армии русское духовенство принимало самое деятельное участие в военных походах и битвах. Известный русский историк В.Н. Татищев указывает следующие случаи участия священнослужителей в войнах: «Сергий, игумен Радонежский, Димитрию Донскому двух воинов постриженных послал, и побиты; Старые Русы поп Петра с войском на Литву ходил и победил; костромской игумен Серапион в нашествие татар Казанских, собрав монахов и попов, татар победил. Может же, того более было, да истории до нас не дошли». На самом деле таких примеров в истории было намного больше. Достаточно вспомнить героическую оборону монастырей, когда иноки проявляли чудеса храбрости. Так, в XVI веке монахи Псково-Печерского монастыря не только с оружием в руках обороняли родную обитель на её стенах, но и по благословению игумена нападали на обозы поляков, чтобы отбить у них пленных русских людей, угоняемых в неволю. В героической обороне Троице-Сергиевой лавры от поляков в 1608–1610 годах так же активно участвовали монахи, а старцы Ферапонт и Макарий даже возглавили конную атаку иноков.

Кто-то может сказать, что участие духовенства в сражениях противоречит церковным канонам, и формально будет прав, но, надо полагать, преподобному Сергию виднее было, где закон, а где благодать. Деяния этих славных воинов в рясах уже принадлежит истории, и помнить молитвенно их имена, и слагать в своих сердцах их подвиги — наш христианский долг.

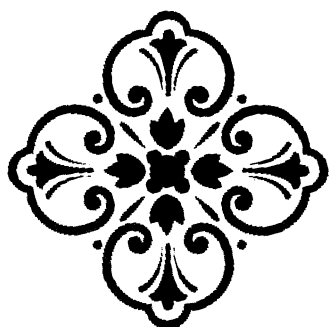

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ДУХОВЕНСТВО
С ОРУЖИЕМ В РУКАХ
ЗА СВЯТЮЮ
ПРАВОСЛАВНЮЮ ВЕРУ
И РУССКУЮ ЗЕМЛЮ**

с XIV по XVIII век

СВЯТЫЕ БРАТЯ ПЕРЕСВЕТ И ОСЛЯБЯ

Брянские бояре

Пересвет и Ослябя были родными братьями и происходили из боярского рода, служившего Брянским князьям. В те времена было обычным явлением иметь два имени, одно славянское, идущее ещё из дохристианских времён на Руси, другое же давалось по святцам при крещении ребёнка. Так, Пересвета называли Александром, а Ослябя — Андреем. Время рождения братьев можно определить приблизительно не ранее 1320-1325¹ годов. Дети из знатных семей на Руси как минимум получали начальное образование, то есть учились писать и читать. Но главной наукой для боярских детей была воинская наука. Ребёнок с детских лет учился держаться в седле, стрелять из лука, владеть мечом и копьём.

¹ В этих подсчётах я исхожу из предположения, что, когда в 1380 году Пересвет и Ослябя вышли сражаться на поле Куликово, им не должно было быть более 55-60 лет. Возраст для того времени и так довольно-таки преклонный. Только при условии сохранившегося телесного здоровья человек в этом возрасте способен выдержать тяжелейшие физические нагрузки битвы на мечах и копьях, да и то в течение лишь небольшого промежутка времени.

Образ русского боярина, созданный позднейшей литературой и кинематографией, представлял этакого тяжеловесного, неповоротливого в своих долгополых шубах, высокомерно-спесивого или добродушно-туповатого бородача. Однако с действительностью этот образ имеет мало общего. На самом деле бояре древней Руси — это в первую очередь закалённые в частых походах воины. Сильные, ловкие и отважные, они украшали себя не только дорогими каменьями и мехами, но и многочисленными шрамами, полученными на полях сражений. Многие из бояр были талантливыми полководцами, прекрасно знающими тактику и стратегию боя, умеющими строить полки и управлять ими. В среде бояр было немало и мудрых советников князя, а также опытных дипломатов в посольских службах.

Ранняя юность Пересвета и Ослябя совпала с очень беспокойным временем для Брянского княжества. Когда братья только ещё достигли возраста, при котом могли быть зачислены в княжескую дружину (15-20 лет), в Брянске княжил Глеб Святославович. Его отец, князь Святослав, когда-то вёл упорную борьбу за свой удел с князем Василием Александровичем (правнуком князя Ростислава Мстиславича). Этот князь Василий при помощи татар взял верх, и Святослав в 1310 году был убит в схватке с татарами прямо у крепостных стен Брянска. Татары посадили на Брянское княжение Василия Александровича, но в 30-е годы Глеб Святославович вновь отвоевал себе отцовский престол, прогнав с него князя Димитрия Романовича. Но, став Брянским князем, Глеб сам перенял тактику своего врага, когда-то сгубившую его отца. Он наладил в Орде обширные свя-

Пересвет и Ослябя

зи и стал приводить татар в княжество для войны со своими соседями. Естественно, такая политика быстро разорила Брянскую землю, и Глеб вынужден был значительно увеличить налоги. В ответ на ужесточение податей брянцы в 1340 году подняли восстание. Всё произошло на Николин день, 6-го декабря. Жители Брянска собрали вече и призвали на него князя. Глеб Святославович пришёл на вече и пытался усмирить взбунтовавшийся народ угрозами, но это только подлило масло в огонь. В ответ на угрозы князя вече вынесло ему смертный приговор. В это время в Брянске проездом находился митрополит всея Руси Феогност, он как раз молился в соборе. Туда и побежал князь Глеб, надеясь найти защиту под святыми сводами хра-

ма. Разъярённая толпа преследовала его по пятам. Вбежав в собор, князь кинулся в ноги митрополиту, прося у него защиты. Митрополит Феогност, человек опытный, умевший в своё время успокоить даже новгородское вече, так и не смог утихомирить взбунтовавшихся брянцев. Как митрополит не убеждал, не умолял проявить снисхождение и христианское милосердие к брянскому князю, его не слушали. Глеба схватили, выволокли из церкви и убили. На княжение вновь вернулся князь Дмитрий Романович. Год спустя он выдал свою дочь замуж за сына Ивана Калиты и отца княжича Дмитрия, будущего героя Донского.

В такой политической обстановке под началом Брянского князя Дмитрия Романовича и начинали своё служение юные бояре Пересвет и Ослябя. Старший брат Пересвет служил в дружине князя, а его младший брат Ослябя был направлен нести службу в город Любутск, входивший тогда в состав Брянского княжества. Любутск находился на правом берегу Оки, недалеко от Литовской границы и являлся передовой крепостью Брянского княжества на северо-западных границах. Так что ратных дел и у Пересвета, и у Ослябяти хватало. Оба брата славились как доблестные воины и храбрые богатыри. Князь Дмитрий Романович, заняв Брянский стол и породнившись с Московским княжеским домом, встал под покровительство Московского князя. Это накладывало свои обязательства, и брянская дружина должна была участвовать в совместных военных походах с дружиной Московского князя. В этих походах и оттачивалось военное искусство Пересвета. «Был же сей хоробрый Пересвет, егда в мире бе, славный богатырь, велию силу и крепость имея, ве-

личеством и широтою всех превзыде, и смыслен зело к воинственному делу и наряду», то есть слыа умеющим уставлять полки. «Андрей сотню гнал, а Александр двести гнал, когда сражались», — так о братьях-богатырях отзывались современники.

В 1356 политическая обстановка в Брянском княжестве изменилась. В этом году ярлык на Брянское княжение от хана получил Василий, который был из рода смоленских князей. Но, не пробыв на княжении и года, он умер. После его смерти в Брянске случился «мятеж от лихих людей, и змятня велия». Этим не преминул воспользоваться литовский князь Ольгерд. Он захватил Брянское княжество и в этом же 1356 году передал его своему сыну Дмитрию Ольгердовичу. Брянские бояре Пересвет и Ослябя продолжали служение при новом Брянском князе, как ранее служили при Дмитрии Романовиче. Всё изменилось после смерти Ольгерда, последовавшей в 1377 году. Литовский престол занял сын Ольгерда Ягайло. Но его не захотели признать родные братья: Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский. Оба они рассорились с Ягайло и в 1379 году отъехали в Москву вместе с боярином Дмитрием Боброком, талантливым воеводой, внесшим большой вклад в победу на Куликовом поле.

Таким образом, 1379 год стал годом перемен для братьев Пересвета и Ослябяти. Московский князь Димитрий Иоаннович, дал бывшему брянскому князю на кормление город Переяславль-Залесский. В этот древний русский город, родину великого князя Александра Невского и перебрался Димитрий Ольгердович со всем двором. Вместе со своим князем в Переяславль-Залесский последовали Пересвет и Ослябя.

Троицкие иноки

К времени переезда в Переяславль-Залесский Пересвет и Ослябя пришли в тот возраст, когда надо было оставлять службу в дружине князя и думать о своей дальнейшей судьбе. Троице-Сергиев монастырь находился как раз на границе земель московских и переяславских. Нет сомнения, что Пересвет и Ослябя были много насыщены от людей о его необыкновенном игумене, вот и решили посетить Троицкую святую обитель, чтобы испросить благословения и совета у преподобного Сергия.

Монастырь, окружённый деревянным тыном с несколькими избами и бревенчатым храмом в честь Пресвятой Троицы, внешне не производил на посетителей впечатления. Наоборот, беднота и скудность вызвали разочарование, как о том выразился один мужичок, пришедший в обитель преподобного Сергия повидать прославленного и величественного игумена. «Всё худостно, всё нището, всё сиротинско», — сетовал этот мужичок. В обиходе монастырской братии Троицкой обители Пересвет и Ослябя могли видеть столько же недостатков, сколько заплат на сермяжной ряске её игумена. Но зато они увидели и другое. Увидели, как дружны между собою и приветливы к пришельцам насельники. Как каждый инок делает своё дело и каждый работает с молитвой, и все молились после работы. В иноках Троицкого монастыря чувствовался скрытый огонь, который без искр и вспышек обнаруживался живительной теплотой, обдававшей всякого, кто вступал в эту атмосферу труда и молитвы. Но не только это впечатление подвигло братьев проситься на

послушание в тихую, бедную обитель, а прежде всего светлый образ её игумена, дивного подвижника — преподобного Сергия. Блаженный Епифаний, составитель жития святого Сергия Радонежского, пишет: «Как оленей привлекают к себе источники вод, так и жаждущих спасения влекли к себе благодатные дарования души Сергиевой». Пересвет и Ослябя шли к преподобному Сергию затем, чтоб попросить у него молитв и благословение, услышать от него слово духовного назидания, открыть ему свои скорби душевные и в беседе со святым старцем найти себе утешение и подкрепление. Всё это бывшие воины нашли сполна, а потому свой жизненный путь, достойно пройденный в ратных трудах и подвигах, решили также достойно завершить в подвигах духовных под водительством дивного игумена, покорившего их сердца.

В те далёкие времена многие воины, обременённые на склоне лет душевными и телесными ранами, уходили в монастырь, чтобы стать воинами Царя Небесного. Этот обычай был широко распространён на Руси. Существует предание, согласно которому Александр (Пересвет) принял монашеский постриг в Ростовском Борисоглебском монастыре, основанном по благословию преподобного Сергия Радонежского. Затем Пересвет перешёл в Троицкий монастырь, чтобы быть вместе с братом. Во всяком случае в 1380 году мы видим обоих братьев в обители Живоначальной Троицы.

Благословение преподобным Сергием монахов-воинов — Пересвета и Ослябяти

«Попущением Божиим, за грехи наши, по наваждению дьявола поднялся князь восточной страны, по имени Мамай, язычник верой, идолопоклонник и иконоборец, злой преследователь христиан. И начал подстрекать его дьявол, и вошло в сердце его искушение против мира христианского, и подучил его враг, как разорить христианскую веру и осквернить святые церкви, потому что всех христиан захотел покорить себе, чтобы не славилось имя Господне среди верных Богу. Господь же Наш, Бог, Царь и Творец всего сущего, что пожелает, то и исполнит», — так начинает автор своё сказание о Мамаевом побоище.

Преп. Сергей Радонежский. Рис. А. Кившенко

Все эти полтора века до Мамаева побоища Русская Земля жила в горе и слезах, не имея мира в своём доме и не зная радости. Жила горечью унижения и страдания. Ордынцы жгли и разоряли жилища, оставляя после себя «дым и пепел», насиловали и убивали, уводили в полон людей, угоняли скот. По словам автора «Задонщины», Софрония Рязанца: «Русская Земля сидит невесела». Но вот наконец-то чаша терпения переполнилась и гнев народа вскипел бурей. Настал час отмщения. Окрепла и утвердилась воля русских людей к освобождению от угнетателей.

И встаёт вопрос: что воодушевило князя Дмитрия Донского? Что заставило русское воинство выйти на Куликовом поле? Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Здесь-то мы и должны обратиться к образу печальника Земли Русской — преподобному Сергию, игумену Радонежскому.

Преподобный Сергей был сыном своего времени, но как истинный духовный гений он стал выше своего века. Он мог видеть не только настоящее, но и созерцать будущее. И, созерцая это будущее, он вёл за собой других людей к подлинной духовной свободе. Трудями и подвигами святой Сергей жил в настоящем, а духом устремлялся в будущее. Его называют «печальником Земли Русской», а это значит, что Преподобный постоянно заботился о своём народе, оберегал его молитвенным покровом, всегда хранил в своём сердце любовь к нему. Своей жизнью, своим примером Преподобный звал русский народ к единению по образу Пресвятой Троицы. Печалование об Отечестве игумена Радонежского проявилось в его

непосредственном участии в событиях, связанных с Куликовской победой. Историк Ключевский писал о Преподобном: «Примером своей святой жизни, высотой своего духа, он поднял упавший дух русского народа, пробудил в нём доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в помощь Божию... Своею жизнью, самой возможностью такой жизни преподобный Сергей дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нём ещё не всё доброе погасло и замерло, помог ему заглянуть в свой собственный мрак и разглядеть там всё ещё тлевшие искры того же огня, которым горел он. И вот мы видим, что народ, сто лет привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашёл в себе мужество встать, но и пошёл искать татарских полчищ в открытой степи и там навалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многочисленными костями. Как это случилось? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором и боялись подумать их деды?... Мы знаем одно, что преподобный Сергей благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения, и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах преподобного Сергея, под его благодатным воспитанием...»¹

Первым своим долгом Великий князь Дмитрий Иоаннович счёл посетить обитель Живоначальной Троицы, чтобы там помолиться и принять напутственное благословение от Преподобного Сергея на задуманное им ратное дело. В сопро-

¹ Никон, архимандрит. Житие и подвиги... Сергея, игумена Радонежского. — Троице-Сергиева Лавра, 1898. — С. 169-170.

вождении своего брата, Владимира Андреевича и других князей, прибывших в Москву для участия в походе на Мамай, а так же отборной дружины, Дмитрий Иванович сразу после праздника Успения отбыл из Москвы в Троицкую обитель.

В святой обители Великий князь Димитрий помолился в храме Святой Троицы и собирався сразу же после благословения Преподобного отправиться назад в Москву. «Ты уже знаешь, отче, — говорил князь игумену, — какое великое горе сокрушает меня, да и не меня одного, а всех православных: ордынский князь Мамай двинул всю орду безбожных татар, и вот они идут на мою отчину, на Русскую землю, разорять святыя церкви и губить христианский народ... Помолись же, отче, чтобы Бог избавил нас от этой беды!» Святой старец успокоил Великого князя надеждою на Бога и предложил отслушать Божественную литургию, так как день был воскресный и читалась память святых мучеников Флора и Лавра. По окончании литургии игумен пригласил Димитрия Иоанновича вместе с другими князьями и воеводами вкусить хлеба-соли. Гонцы один за другим приносили князю известия о приближении Мамаю к пределам Русским, и он, обеспокоенный этим обстоятельством, просил преподобного отпустить его поскорее. Но Преподобный старец на это произнёс со значением: «Это твоё промедление двойным для тебя послушанием обернётся. Ибо не сейчас ещё, господин мой, смертный венец носить тебе, но через несколько лет, а для многих других теперь уж венцы плетутся». Князь Димитрий, не смея огорчить святого старца отказом, согласился. По окончании трапезы Преподобный Сергей окропил святою водою Великого Князя и

всех бывших с ним. Какое-то время Преподобный беседовал с князем, уверяя, что Господь и Пречистая Богородица не оставят его без помощи. По окончании беседы Димитрий Иванович преклонил колени перед игуменом, и тот, осеняя его святым крестом, во всеуслышание произнёс: «Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов!» А затем, понизив голос, сказал тихо одному Великому князю: «Ты победишь врагов твоих». Эти пророческие слова святого игумена взволновали князя так, что на его глазах выступили слёзы. И тут Великий князь решился высказать свою не совсем обычную просьбу, которую, по всей видимости, уже обдумывал заранее, поскольку знал, о чём и ком будет просить. «Дай мне, отче, двух воинов из своей братии — Пересвета Александра и брата его Андрея Ослябя, тем ты и сам нам поможешь». Но преподобный Сергей, словно ожидал от князя именно эту просьбу, не задумываясь, сразу же исполнил её, повелев Пересвету и Ослябяти изготовляться на дело ратное. С трепетным восторгом приняли доблестные иноки новое послушание от своего любимого игумена. Перед тем как отпустить иноков с князем, преподобный Сергей постриг обоих братьев в Великую схиму. Возлагая на Пересвета и Ослябя облачение схимников, украшенное изображением креста Христова, преподобный Сергей приговаривал: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное, да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!» Уже поручая схимников Великому князю, святой старец сказал: «Передаю тебе, возлюбленный княже, моих оруженосцев и послушников, которых ты сам избрал!» Благословляя Пересвета и Ослябя, преподобный Сергей взволнованно говорил им на

прощанье: «Мир вам, братья мои! Твёрдо сражайтесь как славные воины за веру Христову и за всё православное христианство с погаными».

Святой Игумен сам проводил гостей до святых ворот обители и преподал им, а через них и всему православному воинству своё благословение и молитвенное напутствие.

Куликово поле

Так Пересвет и Ослябя оказались в войске князя Димитрия. Это свершилось по Промыслу Небесному, Божией воле, ибо святые старцы как духоносные пророки — от себя ничего никогда не делают. Появление среди русского воинства двух всадников в чёрных монашеских одеяниях, идущих по благословению самого Сергия Радонежского на брань, чтобы пострадать за веру и обрести вечное спасение, неизбежно должно было произвести в рядах русских ратников огромное впечатление, послужить им примером. Воины-монахи стали для русских воинов залогом справедливости их будущей битвы. Теперь в сознании русских воинов Куликово поле явилось «судным местом», где два войска собрались не просто помериться силами, но где должен был пройти Суд меры и правды Бога над человеком, где решался вопрос: быть ли Русской Земле и Русскому государству.

По преданию, когда русское войско шло к месту битвы, Пересвет на одной из стоянок молился в келье отшельника. Уходя после молитвы, Пересвет оставил в келье свой монашеский яблоневый посох. Уже после Куликовой битвы, возвращаясь домой, великий князь Димитрий построил возле этой кельи часовню в честь своего небесного по-

кровителя, святого воина великомученика IV в. Дмитрия Солунского. Впоследствии здесь был основан мужской Димитриевский Рязский монастырь, что в 7 км от города Скопина. Этот посох, называемый «Пересветова дубинка», до сего дня хранится в краеведческом музее г. Рязани.

Перед самым выступлением великого князя произошло ещё одно чудесное событие: во Владимире были открыты нетленные мощи благоверного князя Александра Невского, прадеда Дмитрия Иоанновича. Случилось это так. Инок-пономарь той церкви, где находилась гробница князя, спал ночью на паперти. Внезапно пробудившись, он увидел, что свечи, стоящие перед иконами, сами собой загорелись, а к гробу подошли два старца, вышедшие из алтаря. Обратившись к лежащему там князю, они воззвали к нему, понуждая встать и выйти на помощь правнуку, идущему на бой с иноплеменниками. Князь встал из гроба и вместе со старцами сделался невидимым. Инок рассказал о своём видении. Наутро гроб был выкопан и в нём обнаружены нетленные мощи Александра Невского. Видимо, об этом событии Дмитрий Иоаннович узнал ещё до битвы. Это чудо явилось для князя Дмитрием достоверным свидетельством незримой помощи со стороны его великого предка и придало ему ещё большую решимость. Подойдя к реке Дон, он повелел всему войску переправиться на южный берег, а затем приказал разрушить за собою все мосты и переправы.

После переправы, вечером 7 сентября русские войска были выстроены в боевые порядки между руслами Дона и Непрядвы. Большой полк и весь двор московского князя встали в центре. Ими командовал московский окольный Тимофей Ве-

льяминов. На флангах стали полк правой руки под командованием литовского князя Андрея Ольгердовича и полк левой руки князей Василия Ярославского и Феодора Моложского. Впереди, перед большим полком стал сторожевой полк князей Симеона Оболенского и Иоанна Тарусского. В дубраву вверх по Дону был поставлен засадный полк во главе с Владимиром Андреевичем и Дмитрием Михайловичем Боброком-Волынским.

В этот же вечер князь Дмитрий Иванович объезжал войска, делая смотр. Во время смотра полков князь воодушевлял ратников словами: «Отцы и братья мои! Господа ради сражайтесь и святых ради церквей, и веры ради христианской, ибо эта смерть нам ныне не смерть, но жизнь вечная. Ни о чём, братья, земном не помышляйте, не отступим, ведь и тогда венцами победными увенчает нас Христос Бог и Спаситель душ наших».

В тот же вечер татарские передовые части, тесня русских разведчиков, увидели построившиеся полки князя Димитрия. В ночь на 8 сентября и сам князь Дмитрий с Боброком так же выезжали на разведку и издали осматривали татарские и свои позиции.

Ранним утром 8 сентября 1380 года всё войско стояло в полной готовности к битве. В этот ответственный момент преподобный Сергей не оставил русских воинов без ободрения и укрепления. Неожиданно явились посланные преподобным Сергием вслед за войском монахи во главе с иноком Нектарием. Они привезли из Троицкого монастыря Богородичную просфору и личное письмо («грамотку») игумена Радонежского. Грамотка Троицкого игумена увещала Великого князя сражаться мужественно за дело Божие и пребывать

*Молитва Пересвета
перед поединком. Худ. П. Рьженко*

в несомненном уповании, что Бог увенчает его дело счастливым успехом. Летописи сохранили окончание грамоты, где говорилось: «Чтобы ты, господине, таки пошёл, а поможет ти Бог и Троица».

В е л и к и й Князь прочитал грамотку, вкусил от святой просфоры и, воздев руки, громко произнёс

молитву из чина Панагии: «Велико имя Пресвятыя Троицы! Пресвятая Госпоже Богородице, спаси нас! Тоя молитвами, Христе Боже, и за молитвы святых Чудотворцев Петра и Алексия, и Преподобного игумена Сергия помогай нам на сопротивные силы и спаси нас!»

Быстро разнеслась по полкам весть о посланцах Сергиевых. В их лице великий печальник Русской земли как бы сам посетил и благословил Русское воинство накануне самой битвы. Это посещение в такую важную и решительную для всех минуту было сколько неожиданно, столько же и благовременно. Теперь и слабые духом воодушевились мужеством и каждый воин, ободрённый надеждою на молитвы великого старца, бесстрашно шёл на

битву, готовый положить душу свою за святую веру Православную, за своего Князя любимого, за дорогое своё Отечество.

Куликова битва принадлежит к числу самых крупных сражений в истории России и всей Европы до XV века. Она может быть приравнена только к таким сражениям, как Каталунское (451 г.), спасшее Европу от гуннов, и Турское (732 г.), остановившее продвижение в Европу арабов. История знает немало примеров, когда в сражениях достижение победы зависело не от численного преимущества воинов или количества боевого оружия, а от силы и крепости духа сражающихся. Такой духовный фактор в силах противостоять самому грубому натиску внешней силы. Так и сейчас, на Куликовом поле, врагу противопоставлялась внутренняя убеждённость русских воинов в своей правде и необходимости победы ради этой правды.

Ранним утром, 8-го сентября, густой туман покрывал Куликово поле. Русские полки стояли в молчании. Кто-то шептал молитвы, кто-то из воинов негромко переговаривался. Ранняя зоря, предвестница солнечного восхода, была ещё не в силах разогнать молочную пелену тумана, скрывавшего до времени татарские полчища. Но о близости Мамаевых воинов можно было догадаться по ржанию лошадей и бряцанью оружия. Неторопливо и величаво выплывало из-за горизонта небесное светило. И чем выше оно поднималось, тем ниже к земле опускался туман, растекаясь белым киселём по ложбинкам и низинам широкого поля. Когда же туман рассеялся, то на Куликовом поле обнаружили две рати, самым своим видом знаменующие противостояние мрака и света. Татар-

ские полчища, поскольку солнце восходило из-за их спин, виделись тёмными, как замечает летописец, а «доспехи же русских сынов, будто вода, что при ветре струится, шлемы золочёные на головах их, словно заря утренняя в ясную погоду, светятся; яловцы же шлемов их, как пламя огненное, колышутся». Посреди войска развевалось алое великокняжеское знамя с изображением Нерукотворного Спаса и множество других христианских стягов. Зазвучали боевые трубы, и от звука трубного стали в возбуждении ржать кони.словно соревнуясь с русскими музыкантами, начали надсадно реветь татарские трубы. Но вскоре русские трубачи взяли вверх, татарские трубы словно онемели, а русские загремели ещё громче.

Великий князь Димитрий встал на высоком холме, обозревая стройные ряды своих войск. Лёгкий ветерок развевал его знамёна. На ярком осеннем солнце блестели оружие и доспехи и были слышны громкие восклицания: «Боже, даруй победу Государю нашему!»

Радостно было видеть князю Димитрию свои полки, выстроенные по совету твёрдого воеводы Дмитрия Боброка Волынца, но при мысли, что многие тысячи его храбрых воинов вскоре падут на поле бранном, омрачалось чело князя. Он преклонил колена и, простирая руки к золотому образу Спасителя, сиявшему вдали на великокняжеском знамени, начал горячо молиться.

После молитвы он сел на коня и объехал все полки, воодушевляя воинов. Князь называл своих ратников «верными товарищами и милыми братьями». И со всех сторон ему несло в ответ: «Готовы головы наши сложить за Христа и Отечество, и за тебя, Великий Княже!»

Великий князь, вооружённый железною палицею, готовился вступить в бой впереди своего полка, чтобы личным примером вдохновлять своих воинов. «Мне должно, — говорил он, — общую с вами пить чашу, смерть ли, или живот — едино с вами вкушу!» Но усиленные просьбы всех русских князей и воевод не вдаваться без нужды в опасность и щадить свою дорогую жизнь для общей пользы едва удержали его от такого великодушного порыва. На время он покорился их желанию и оставил за собою только общее распоряжение ходом битвы.

Ратные подвиги Пересвета и Ослябяти

Близился полдень, но ни та, ни другая сторона не вступали в битву, которая по традиции того времени должна была начаться с поединка двух самых лучших воинов от обеих сторон. Пространство, отделявшее Русские передовые полки от несметных татарских полчищ, было не более трёх вёрст. Кое-где уже начались случайные сшибки небольших отрядов с той и другой стороны.

Но вот с татарской стороны выехал на коне поединщик. Осадив разгорячённого скакуна напротив передового русского полка, он, грозно потрясая копьём, стал вызывать на единоборство кого-либо из русских витязей. Автор «Сказания о Мамаевом побоище» говорит, что был этот богатырь «видом подобен древнему Голиафу: пяти сажень высота его и трёх сажень ширина его». Этого воина устрашающей наружности звали Челубей Тамир-Мурза, а родом он был печенег. По преданию, Челубей не только отличался огромной силой, но и особым мастерством военной выучки. Некоторые источ-

ники указывают, что Челубей был непобедимым воином-поединщиком, которого татарские войска нанимали специально для подобных поединков.

Прошло несколько минут томительного ожидания. Никто из русских воинов не решается бросить вызов Челубею. Это происходило не потому, что русские боялись смерти, нет, они были готовы к ней и доказали это в Куликовской битве. Боялись, прежде всего, ответственности перед своими собратьями. Ведь подобному поединку в те времена придавалось большое сакральное значение. Поражение в нём расценивалось как предвестник поражения всего войска, а победа же, наоборот, давала моральное преимущество.

«Татарский Голиаф» между тем продолжал гарцевать на виду передового полка, глумясь и насмехаясь над нерешительностью русских и не замечая, что его внимательно разглядывает один из воинов передового войска в странной чёрной одежде с белыми крестами. Это был Пересвет. От опытного взгляда воина-монаха не ускользнуло, что древко копья Челубея на два с половиной локтя длиннее обыкновенного. Это значительно утяжеляло копье и оттого оно не годилось для обычного воина. Но Челубей не был обычным воином. Его невероятная сила позволяла легко носить такое длинное копье, предназначенное именно для поединков. В этом случае оно делало Челубея практически неуязвимым. При сшибке копье Челубея доставало до противника раньше, чем тот мог приблизиться к нему для удара своим копьем. Челубей не только убивал противника, мощным ударом пробивая кольчугу, но и заодно сшибал его с седла, раньше чем копье того доставало до Челубея. Всё это пометил и оценил Пересвет. На мгновение он задумался, а за-

тем решительно направился к князю Димитрию, стоящему в окружении других князей. Подъехав к ним, он сказал: «Не смущайтесь этим несколько: велик Бог наш и велика крепость Его! Гордый татарин не мнит найти среди нас равного себе витязя, но я желаю с ним переведаться, я выхожу против него во имя Господа Сил! Готов воспринять венец Царства Цebesного!»

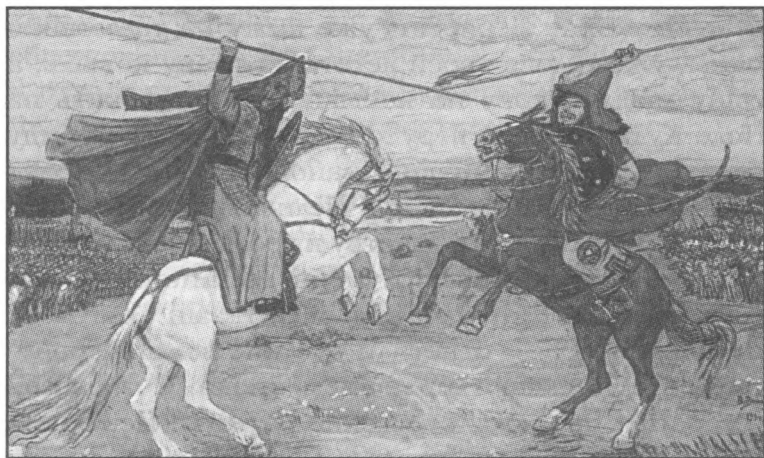
В душе Пересвета звучали напутственные слова святого старца: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное, да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!» Монах решительно снял с себя шлем и броню. Его грудь теперь защищало только тонкое полотно монашеской рясы. И именно облачение схимника и становилось залогом его предстоящей победы в этом поединке.

Русский богатырь-инок окропил себя святою водою и простился с Андреем Ослябтей. «Хорошо бы, брат, в то время старому помолодеть, а молодому чести добыть, удалим меч испытать», — сказал Пересвет, обнимая родного брата, а тот с грустью отвечал: «Брат Пересвет, уже вижу на теле твоём раны, уже голове твоей лететь на траву ковыль, а сыну моему Якову на ковыли зелёной лежать на Поле Куликовом за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

Поклонился Пересвет и Великому князю, а затем всему русскому воинству и громко воскликнул: «Отцы и братия! Простите меня, грешного!» — «Бог тебя простит, благословит и молитвами Сергия да поможет тебе!» — ответили русские воины, тронутые до слёз самоотвержением инокa. С тревогой в сердцах провожали русские ратники Пересвета и молились: да поможет ему Бог, как в древности помог Давиду одолеть Голиафа.

Поединщики между тем съехались в центре поля и обмерили друг друга взглядами. Челубей с удивлением разглядывал необычное чёрное одеяние Пересвета, украшенное белыми крестами. Он не сомневался, что под этой необычной одеждой скрывается кольчуга. Затем богатыри разъехались на расстояние, необходимое для разбега. Развернув коней, они быстро понеслись навстречу друг другу, держа наперевес тяжёлые копья. Пронзительные вопли неслись из мамаева полчища, подбадривая Челубея, а русские воины молились: «Боже, помоги рабу своему, Пересвету!»

Вот наконец они сшиблись. Всё произошло так быстро, что зрители не могли сразу разобрать, что же именно произошло. Однако все увидели, как свалился с коня поражённый копьём Пересвета Челубей, а сам Пересвет рысью направился в сторону русских полков. Ужас охватил золотоордынских воинов, в то время как русские рати взревели восторженными голосами.

Поединок Пересвета. Худ. В.М. Васнецов

А всё случилось, как и рассчитывал Пересвет. Копьё Челубея легко прошло сквозь незащищённое тело монаха и эта сквозная рана позволила Пересвету приблизиться к противнику на удар своего копья. Монах, не только пробив кольчугу, убил Челубея, но именно благодаря сопротивлению металла кольчуги тот был сброшен с коня. При падении копьё Челубея, которое он продолжал держать в руке, вырвалось из пронзённой груди Пересвета. Монах, со смертельной раной, из последних сил всё же доскакал на своём коне до русского воинства и испустил дух на руках товарищей.

Да, оба воина-поединщика поразили друг друга смертельно. Но в глазах той и другой стороны победа осталась за Пересветом, ведь он вернулся с поединка на коне.

Сохранилось предание, что Ослябя после гибели на его глазах брата первым ринулся в сражение и своим примером увлёк за собою русских воинов. Тогда-то и «закипела битва кровавая, — пишет святой Димитрий Ростовский, — заблестели мечи острые, как молнии, затрещали копья, полилась кровь».

Между тем, как началась грозная Куликовская битва, в обители Живоначальной Троицы святой игумен Сергей собрал всю братию и стал возносить сердечные молитвы за успех великого дела. Телом Преподобный стоял на молитве во храме Пресвятой Троицы, а духом был на поле Куликовом, прозревая очами веры всё, что совершалось на нём.

...И сшиблись после поединка смертного сыновья Руси с сильною ратью басурманскою. Ударились копьями гибельными о доспехи железные, загремели мечи булатные, словно молнии, сверкая.

Великий стук и свист от летящего града стрел поглотили тишину. Белая ковыль-трава обагрилась черною (красною) живительною влагою, окрасившись цветом мученичества честных воинов русской земли, цветом победным сил добра над силами зла. Древний бытописатель горестно замечает: «Была крепкая брань и злая сеча, так что кровь лилась, как вода, и пали мёртвыми бесчисленное множество с обеих сторон... И некуда было ступить коням от множества мёртвых тел, лежащих на земле. Не только оружием убивали, но и руками душили друг друга, а кто падал на землю, тот умирал под конскими копытами, а другие задыхались от великой тесноты, потому как не могло вместить поле Куликово всё множество воинов, сошедшихся между реками Дон и Мечей».

Не выдержал и великий князь: он сошёл с коня, отдал его своему любимому боярину (Михаилу Бренко), повелел ему вместо себя быть под знаменем. Затем достал бывший у него на персях под одеждою крест с частицами Животворящего Древа, поцеловал его и ринулся в битву с татарами в доспехах простого воина.

Рассказывают, что в ходе битвы Дмитрий Донской получил ранение и упал с коня, а инок Ослябя перенёс его в безопасное место в рощу и оставил возле берёзы, под которою затем и нашли князя. Сам же Ослябя вновь ушёл сражаться. Известно, что после битвы Ослябя остался жив и какое-то время служил при Московском митрополите Киприане. Во всяком случае достоверно известно, что в 1398 году Ослябя ездил в Константинополь с посольством, которое московский князь Василий Дмитриевич направлял туда для переговоров об оказании помощи Византии, переживавшей

Утро на Куликовом поле. Худ. А.П. Бубнов

опустошительные набеги турок. Сын Ослябяти — Яков, судя по всему, сражался в составе знаменитого Засадного полка и сложил голову в битве.

После битвы князь Димитрий стал обходить Куликово Поле, усеянное телами его дорогих соратников и политое русскою кровью. Как говорит летописец: «Даже деревья от великой печали преклонились». Увидев Пересвета-монаха и тут же поблизости лежащего знаменитого богатыря Григория Капустина, великий князь воскликнул: «Видите, братья, своего зачинателя, ибо этот Александр Пересвет, пособник наш, был благословлён игуменом Сергием и победил великого, сильного, злого татарина, от которого многие люди испили бы смертную чашу».

Эпилог

Восемь дней хоронили героев, за Веру и Отечество живот свой положивших. Там же, на поле Куликовом, срубили церковку Рождества Богородицы над братской могилой у реки Непрядвы, поскольку

битва произошла в день этого великого праздника. А Пересвета повезли хоронить в Симонов монастырь, что близ Москвы. Погребли воина-монаха рядом с храмом Рождества Пресвятой Богородицы (тогда ещё деревянным) в «каменной палатке».

Димитрий Донской пробыл на Москве четыре дня и затем направился в монастырь Живоначальной Троице, к игумену Сергию. Преподобный встретил его с крестами близ монастыря и изрёк: «Радуйся, господин князь великий, и веселись твоё христоролюбивое войско!» Игумен спросил его о своих любимцах. Великий же князь отвечал ему: «Твоими, отче, любимцами, а моими служебниками победил своих врагов. Твой, отче, вооружитель, названный Пересвет, победил подобного себе. А если бы, отче, не твой вооружитель, то пришлось бы, отче, многим христианам от того пить горькую чашу!»

Отслужили поминальную Великую панихиду о всех убиенных, и с тех пор, названная Димитриевскою, родительская суббота стала служить в Церкви из года в год до сего дня.

После смерти Ослябяти его похоронили рядом с братом в Симоновом монастыре. По одной из версий, саркофаги Пересвета и Ослябяти были обнаружены в XVIII в., при разборе старой колокольни храма. Позднее над этим местом было сооружено чугунное надгробие с сенью, уничтоженное в 1920-х гг. В 1928 году храм Симонов монастырь был закрыт и могилы героев Куликовской битвы оказались на территории созданного здесь завода «Динамо» (это рядом с метро «Автозаводская»). Надгробия Пересвета и Ослябяти использовались как платформа для электромотора, несмотря на то, что их имена упоминались в учебниках истории. И только в связи с 600-летием Куликовской битвы,

в 1980 году, могилы Пересвета и Ослябяти были отнесены к памятникам, охраняемым государством. В 1988 храм был отделён от завода. Однако, по ряду данных, тела Пересвета и Ослябяти никогда не были подняты и ныне покоятся в трапезной храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове «под спудом», то есть точное местоположение захоронения не идентифицировано.

Сейчас на предполагаемом месте захоронения Пересвета и Ослябяти в трапезной храма Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове установлено деревянное надгробие, копирующее по форме первое, чугунное. Могила открыта для посещения.

Некоторые исследователи считают, что Челубей был не простым воином. Существовала секта воинов, исповеданием которой являлось одно из древнейших буддийских верований, именуемое «бон(г)-по». Это древнее поклонение космосу и не просто планетам, стихиям и эфиру, но духам-богам, обитающим в них. Челубей был самой высокой степени посвящения в бон. По сказанию, он был непобедим: триста боёв, и во всех «враг» был повержен! Поэтому с ним мог справиться не просто ратник, но воин Христов, облечённый духовною, Божией силою. В этом состоит сакральный мотив посылы именно монахов-воинов. Но всё это, по моему мнению, не больше как экзотерические домыслы.

Александр Пересвет и Родион (Андрей) Ослябятя причислены Русской православной церковью к лику святых. День памяти их отмечается 7 сентября, а также на Неделе Всех Святых, в земле Российской просиявших (2-е воскресенье после Святой Троицы), в день Всех Московских святых (воскресенье перед 8 сентября), Всех Тульских святых (22 сентя-

бря), Всех Брянских святых (3 октября), Всех Радонежских святых (6 июля) и 24 августа.

В честь Ослябяти и Пересвета были названы в конце XIX века броненосцы Российского флота, погибшие в Цусимском сражении 1905 года. В настоящее время в боевом составе Тихоокеанского флота России находятся большие десантные корабли «Ослябя» и «Пересвет».

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

Игумен Тихон и ратные подвиги монахов Псково-Печерского монастыря

Два десятилетия Россия вела кровопролитную войну за выход к Балтийскому морю. Успешно начатая Ливонская война настолько встревожила Запад, что против России выступили сразу две Западные державы: Польша и Швеция. Польский король Стефан Баторий в 1580 году захватил Великие Луки, и таким образом боевые действия с Польшей за Ливонию перенеслись на исконные земли Московского государства. В то же время с севера в Россию вторглись войска шведского короля, захватив город Корелу (ныне — Приозёрск).

В следующем, 1581 году, король Баторий двинул свою армию под Псков. Здесь, под стенами древнего русского города должна была решиться судьба нашего Отечества.

По дорогам северо-западной России бесконечной вереницей тянулись обозы с пушками, ядра-

Стефан Баторий под Псковом. Худ. Я. Матейко

ми, плотницким инструментом для изготовления тур и штурмовыми лестницами, бочки с порохом. В разноплеменной армии, идущей от Полоцка к Пскову, слышалась немецкая, польская, литовская и венгерская речь. Но ни эта разноязычная речь, ни мычанье быков, тянущих повозки, ни ржанье лошадей не могли заглушить стон и воплей угоняемых в плен русских крестьян и горожан. Баторий не повёл армию через разорённую двадцатилетней войной Ливонию. Он пошёл обходным путём через русские земли, оставляя за собой пепелища городов, сёл, осквернённых храмов и тысячи трупов убитых младенцев, стариков, изнасилованных женщин и девиц. Огромная армия польского короля пополнялась провиантом за счёт грабежей русских земель. Баторий рассчитывал ещё до осенних дождей взять богатый Псков и расплатиться со всеми наёмниками. А наёмники польского короля были опытные вояки, уже закалённые в постоянных сражениях многочисленных военных кампаний Европы.

Псков, тем временем предупреждённый о наступлении Батория, готовился к обороне. В наместнических палатах воеводы обсуждали план обороны города, а в Троицком соборе тоже проходило совещание. И здесь главным «духовным воеводой» был игумен Печерского монастыря Успения Пречистой Богородицы Тихон. Читали послание архиепископа Великого Новгорода и Пскова Александра. Вместе с Печерским игуменом письмо архиепископа слушали протопоп соборной церкви Святой Троицы Лука и протодиакон Алексей. Архиепископ Александр слал своё архипастырское благословение воеводам, воинам и всем псковичам на оборону города. В послании Новгородский владыка особо обращался к церковному притчу, наставляя его неустанно совершать в соборе молебны во время осады города. Архипастырь Новгородский призывал весь клир церковный и народ к посту, к беспрестанному молению, к чистоте и целомудрию, к братолюбию и добрым делам.

Старшинство игумена Печерского монастыря никто из клириков Пскова не оспаривал, и Тихон без колебаний взял на себя всю ответственность за духовное состояние в городе, в тревоге ожидавшем осаду. Дух народа в предстоящей борьбе может оказаться важнее крепости стен, и игумен Тихон это хорошо понимал, а потому отдал распоряжение читать послание архиепископа по всем храмам города Пскова. Когда армия Батория подошла к Пскову, Тихон организывает крестный ход вдоль городских стен, чтобы укрепить дух защитников. С крестами, чудотворными иконами и со святыми мощами благоверного великого князя Гавриила-Всеволода псковского чудотворца крестный ход с торжественным пением шёл вдоль

крепостных стен. Игумен Тихон окроплял святою водой и стены, и ратников, и народ. Вот как пишет об этом свидетель событий: «Мужи и жены с малыми младенцами, с плачем и рыданием молясь об избавлении града Пскова; и все вместе, как любящие братья, священнический чин и воинский, и все мужчины и женщины, от мала и до велика, непрестанно с мудрой смиренностью и братской любовью в сердцах своих Бога молили и в смиренной мудрости находили утешение. Не мнили о себе высоко, не возносились горделиво в сердцах своих, не хвастались надеждами своими, но только все вместе и сердцем, и устами повторяли: «Надежда наша и упование, Живоначальная и Неразделимая Троица; стена наша и защита, и покров, Пренепорочная Богородица; помощники наши и молебники за нас Богу, все святые избранники Божии, первый среди них — воевода, великий начальник ликов ангельских, архангел Михаил со всеми святыми небесными силами». Эта молитва и этот крестный ход по свидетельству очевидца: «Зажгли сердца всех жаждой подвига. Вера в благородное дело — умереть за веру христианскую — сделала тела их твёрже алмаза».

Как только выяснилось, что поляки намерены приступить к городу со стороны Покровской и Свиной башни, туда направляется игумен Тихон с крестным ходом. И так он будет поступать впредь. Где тяжело, где происходит решающее сражение, там появлялся игумен Тихон и благословлял крестом, и святой водой окроплял, и на подвиг воодушевлял.

Понимая, что удержать город без помощи Божией против армии, многократно превышающей защитников, будет очень сложно, игумен Тихон

задумывает смелое предприятие. Он решается доставить в Псков из своей обители два самых почитаемых чудотворных образа Божией Матери — «Успения» и «Умиления». С этой целью из осаждённого Пскова в монастырь отправляются игумен Мартирий и казначей Снетогорского монастыря Рождества Богородицы Иона Наумов.

Между тем поляки два дня обстреливают стены города из более чем двадцати тяжёлых орудий. В результате этой бомбардировки почти полностью сбита Покровская башня и сильно повреждена Свиная. Когда в стене образовались большие проломы, в них устремились бесчисленные орды наёмников. Метким огнём из пушки «Барс», стоявшей на Похвальской горке, псковские пушкари снесли верхние ярусы двух захваченных врагом башен, а безымянные герои, сознательно жертвуя жизнью, проникли в подземелья Свиной башни и взорвали её вместе с неприятелем. Всё мужское население Пскова, способное держать оружие, устремилось к проломам, чтобы вместо стен заслонить родной город своими телами. Псковитяне сражались храбро. Однако силы были не равны, и ещё неизвестно, как бы обернулись события, если бы в самый критический момент битвы игумен Тихон не привёл к пролому крестный ход, чтобы молитвой поддержать дух русских людей. Ожесточённая битва в проломе продолжалась. Но когда польско-литовские воины всё же проникли за городские укрепления, случилось чудо. В пылу сражения ни поляки, ни псковичи сразу и не заметили несущихся к пролому трёх всадников. Всадники были в монашеских одеждах, поверх которых сверкали воинские доспехи. От быстрого бега коней наметки монашеских клобуков развевались, словно кры-

Осада Пскова. Худ. К.П. Брюлов

ля птицы. В руках двух воинов-монахов были свя-
тые образа, третий расчищал им путь увесистой
палицей. Подскочив к пролому, один из монахов
громко воскликнул: «Не бойтесь, православные
христиане, Богородица с милостью и защитой
идёт к нам на помощь со всеми святыми! Вста-
нем же крепко и устремимся все вместе на литов-
скую силу!» В этом воине-монахе защитники узна-
ли известного всему Пскову игумена Мартирия, и
громкие крики радости огласили поле битвы. Ещё
два монаха — келарь Печерского монастыря Арсе-
ний Хвостов и казначей Снеготорского монастыря
Рождества Богородицы Иона Наумов — держали
в руках чудотворные образа «Успения» и «Умиле-
ния» Божией Матери. Все трое монахов, как заме-
чает летописец, «по плотскому рождению — дети
боярские, когда жили в миру, то были искусными
воинами». Взирая на чудотворные образа, радост-
ные псковитяне восклицали: «Умрём все вместе за

христианскую веру, но не отдадим града Пскова польскому королю Стефану!» Это неожиданное явление чудотворных икон придало защитникам такое сильное воодушевление, что враг был остановлен в проломе. Однако положение продолжало оставаться угрожающим, а между тем по городу уже разнеслась весть о чудесной помощи прибывших из Печерского монастыря икон. «Тогда, — пишет летописец, — все бывшие в Пскове женщины, по домам сидевшие, хоть немного радости в печали узнали, получив благовую весть и забыв о слабости женской, и мужской силы исполнившись, все быстро взяли оружие, какое было в доме и какое им было по силам. Молодые и средних лет женщины, крепкие телом, несли оружие, чтобы добить оставшихся после приступа литовцев; старые же женщины, немощные телом, несли в своих руках короткие верёвки литовские орудия в город ввезти». Женщины, неустрашимые в своей праведной ярости, опережая друг друга, бежали к пролому с одной лишь мыслью: умереть рядом со своими отцами, мужьями и сыновьями. Сам летописец, восхищённый храбростью псковитянок, пишет: «Женщины, мужской храбрости исполнившись, с литвою бились и одолевали литву, другие приносили воинам камни, и те камнями били литовцев на стене города и за нею, третьи уставшим воинам, изнемогшим от жажды, приносили воду и горячие их сердца утоляли водою». Вот тут-то польские рыцари, не выдержав стремительного натиска защитников, дрогнули, а затем и побежали.

Разъярённый неудачей, Стефан Баторий ещё несколько раз предпринимал штурм города, но все его отчаянные попытки разбивались о мужество и храбрость псковских защитников. Секретарь по-

ходной канцелярии Батория ксёндз Ян Пиотровский с изумлением записывал в своём дневнике: «Не так крепки стены (Русских), как (их) твёрдость и способность обороняться». После более чем тридцати не принесших успеха штурмов Баторий был вынужден приступить к длительной осаде города.

Когда игумен Тихон убедился, что опасность взятия Пскова штурмом миновала и враг приступил к длительной осаде, он возвращается в Печерский монастырь. У игумена были свои планы борьбы с католическими захватчиками. При Печерском монастыре располагался небольшой гарнизон стрельцов человек в двести-триста. Тихон отрядил несколько монахов на разведку, предвидя, что поляки вскоре захотят переправить свою добычу в Литву. Кроме материальных ценностей, основной добычей католических интервентов были русские пленные. Участь большинства из этих пленных была печальна. Многие из них предназначались для продажи на невольничьих рынках востока и потому могли навсегда лишиться утешения православной веры. Этого Тихон допустить не мог. Он сформировал из стрельцов и монахов лёгкие отряды для нападения на обозы.

В конце октября Тихон наконец-то дождался вестей от разведчиков. В сторону Ливонии, под охраной усиленного польско-литовского отряда воинов, двигался обоз в тридцать подвод с награбленным добром. При обозе было много русских пленных. Путь обоза лежал мимо Печерской обители. Монахи и стрельцы напали на обоз, и пленники были освобождены. На другой день проезжал ещё один обоз поляков под охраной трёхсот вооруженных человек. При обозе, гружённом награбленным добром, было много русских пленников. И вновь отряды

из Псково-Печерского монастыря напали на обоз у речки Пачковки и разбили поляков. Местность была открытая, а потому неприятель издали увидел угрозу нападения и успел рассеяться, обратившись в бегство. Кроме награбленного добра и пленников, у поляков были отбиты два колокола, взятые из Кобылинской волости в погосте Напольном от храма св. Николая Чудотворца. Эти колокола тогда же были подвешены в Печерском монастыре на Никольской колокольне, что над монастырскими воротами, где находятся и до настоящего времени.

Убежавшие поляки доложили королю о нападении монахов. В монастыре содержалось уже более тридцати пленных, среди которых были не только поляки, но и венгры, а так же немцы. Узнав о нападении монахов на его обозы, разгневанный Баторий 29 октября послал к Печерскому монастырю многочисленное войско из поляков и немцев под предводительством курляндца Кетлера и Юрия Хранбека. Прибывшее войско окружило монастырь с восточной и южной стороны.

Пятого ноября вражеские войска обстреляли монастырь из пушек и разбили стену возле Благовещенского храма. В этот пролом тотчас же устремился многочисленный неприятельский отряд. Игумен Тихон велел принести к пролому главную монастырскую святыню — чудотворную икону Успения Божией Матери. Слова молитвенного пения сопровождалась лязганьем оружия, стонами раненых и умирающих. Жестокая сеча продлилась до глубокой ночи, но все приступы были отражены. Мало того, сам Кетлер, а с ним и несколько его воинов были взяты в плен. Второй военачальник Юрий Хранбек, в числе многих, был ранен. Баторий, узнав об этом поражении, пришёл в неопи-

суемую ярость и послал новый отряд под началом знаменитого венгерского вождя Борнамиса. Хитрый мадьяр решил штурмовать монастырь сразу с двух сторон одновременно, чтобы разделить и так небольшие силы защитников. Может быть, эта военная тактика и принесла бы успех, но игумен Тихон хорошо организовал оборону. В ней участвовали все монахи, способные держать оружие. Пожилые монахи, старцы, в то время как их молодые собратья отражали приступ неприятеля сразу в двух местах, возносили свои усердные молитвы к Богу и Царице Небесной. Женщины и дети, спасавшиеся в монастыре, помогали защитникам. Они заряжали ружья и пищали. Некоторые из женщин, увлечённые примером иноков монастыря, даже сами брались за холодное оружие и на стенах отражали нападавших. Третьи лили на головы врагов, поднимавшихся по лестнице, кипятки. Таким образом и этот приступ против святой обители обратился к новому посрамлению врага.

Ксёндз Ян Пиотровский на этот раз записал в своём дневнике следующее признание: «Немцам не везёт в Печорах, были два штурма, и оба несчастны. Пробьют пролом в стене, пойдут на приступ, а там дальше ни с места. Это удивляет всех, одни говорят, что место заколдовано, другие — что место свято, но, во всяком случае, подвиги монахов достойны удивления». Эти свидетельства, пусть и врага, нам дороги как признание и похвала ратного подвига монахов.

Героическая осада монастыря продолжалась два месяца и пять дней. Выдержав осаду, монастырь оттянул на себя часть войск от Пскова и тем облегчил городу оборону. Необходимо отметить, что именно неудача, постигшая короля Стефана

Батория под Псковом, заставила его пойти на перемирие с царём Иваном IV.

Ливонская война для России в целом была проиграна, но благодаря героической обороне Пскова и Псково-Печерского монастыря условия мирного договора оказались благоприятными для нашего Отечества. По Ям-Запольскому перемирию 1582 года поляки отказались от претензий на Смоленск. Все слуги и крестьяне Псково-Печерской обители, отведённые поляками в плен, были выкуплены игуменом Тихоном и возвращены домой. Славная оборона монастыря явила миру беспримерный молитвенный и ратный подвиг монахов Псково-Печерской обители, возглавляемой игуменом Тихоном.

* * *

В конце 1583 года игумен Тихонов на соборе в Москве был избран на Казанскую кафедру. Вскоре состоялась его хиротония в сан архиепископа Казанского, и герой Псковской обороны отбыл в свою епархию, считавшуюся второй по значению после Новгородской. В Казанской епархии святителю Тихону предстояла встреча с будущим Патриархом Московским и всея Руси Ермогеном, в то время ещё служившим священником церкви святого Николы Гостиного. Звали казанского священника Ермолаем. Архиепископ Тихон, будучи сам великим патриотом земли русской и борцом с католической интервенцией, сумел разглядеть в этом священнике своего единомышленника и открыл ему дорогу к святительскому служению. В 1587 году, когда священник Ермолай или овдовел, или по обоюдному согласию с супругой решил уйти в монастырь, архиепископ Тихон благословил его на иноческий постриг с именем Ермогена. Через год Тихон по-

ставил Ермогена в архимандриты Преображенского монастыря города Казани, а уже на следующий, 1589 год, вместе с новым архимандритом архиепископ Тихон отправился на собор в Москву, где решался вопрос об учреждении в России патриаршества. После выборов патриарха Иова святитель Тихон попросился у патриарха на покой, а вместо себя на Казанскую кафедру рекомендовал своего любимого клирика — архимандрита Ермогена, будущего духовного вождя и спасителя Отечества от католической интервенции Польши.

Удивительно всё же складываются судьбы людей. Как не видеть во всём этом благой Промысл Божий над нашим Православным Отечеством.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Подвиг священномученика архиепископа Тверского Феоктиста

В смутное время только одно сословие духовное не запятнало себя пред церковью и отечеством. В духовенстве особенно сияла доблесть.

Н.М. Карамзин

То, что Лжедмитрий являлся орудием иезуитов в их далеко идущих планах по окатоличиванию России, сомневаться не приходится. Как только в январе 1605 года Самозванцу сдались первые южные города, папа Римский Павел V в письме к нему начал величать его «государем всей

России, московским, новгородским, казанским и прочее», напоминая самозванцу о данном обещании просветить русских, сидящих во тьме и «сени смертной», обещая прислать ему католических епископов. Но планам иезуитов не суждено было сбыться. Самозванец правил недолго и 17 мая 1606 года был убит. Заговор против Самозванца, организованный князем Василием Шуйским, позволил последнему претендовать на престол. Но с воцарением Василия Шуйского беды России не закончились. И хотя второй Самозванец объявился только через год, но к его появлению всё это время шла подготовка. В Россию с Запада был послан «воевода царя Димитрия» — Иван Болотников.

Болотников, недавно столь превозносимый как вождь так называемой «крестьянской войны», прибыл в Россию из Кракова, а прежде того побывал и в Венеции. В Венецию этого «революционера» привезли католические монахи, выкупив из турецкого плена. Теперь будущему «крестьянскому вождю» надо было отрабатывать затраченные на него католиками деньги. Главная задача Болотникова состояла в том, чтобы подготовить почву для второго Самозванца, на которого теперь делали ставку отцы иезуиты. С этой целью по России упорно распространяются слухи о том, что царь Дмитрий не убит, а умудрился убежать в Литву и теперь посылает своего главного воеводу, чтобы вернуть своё «законное отцовское наследие».

Вновь над Россией сгущаются тучи. В конце августа 1606 года в Москву стали поступать тревожные вести о том, что в северских городах объявился Иван Болотников, выдававший себя за главного воеводу царя Дмитрия Иоанновича. Один за другим русские города присягают новому само-

званцу, и Болотников, обрастая изменниками, неудержимо движется к Москве. Тревога в столице нарастала. Обнадёживало лишь то, что Новгород и Псков пока не отшатнулись к самозванцу. Опасались за Тверь, ведь уже многие города тверской епархии, такие как Ржев, Зубов, Старица, Погорелое Городище, присягнули на верность второму Самозванцу. Вот тут-то в Москву и пришло первое утешительное известие из Твери.

Когда к Твери подошли отряды сторонников Лжедмитрия, то оборону города, при полном бездействии светских властей, возглавил Феоктист, архиепископ Тверской и Кашинский. Смелый и решительный архиерей, видя, что воеводы тверские пребывают в растерянности и уже готовы сдать город врагу, сам призвал священников и всех клириков церковных взяться за оружие. По благословению владыки вооружились дети боярские, служившие при архиерейском дворе, и вся челядь тверского архиепископа. Затем Тверской святитель обратился к простому народу и убедил посадский люд пойти на врагов без сомнения и страха.

В результате этих решительных действий Тверского архиерея изменники, подступившие к Твери, были разбиты наголову. Несколько сотен взяты в плен. Их архиепископ направил в Москву на царский суд.

Эта была первая победа над мятежниками, и она имела большое нравственное значение для России. Подвиг Тверского архиепископа сразу же понял и оценил патриарх Ермоген. Вдохновляя русских людей примером владыки Феоктиста, патриарх в своих грамотах писал: «Тверской епископ Феоктист с тверскими людьми своя, Богом порученныя ему паствы, ту живущими во граде людьми, и

не с воинскими, на воинских многу победу показаша, — надеющиеся бо на Господа врагом страшны, всем дивны, горе бо зрят, сию речь уповают на Господа, сотворившего небо и землю, и вопиют радостными гласы: «С нами Бог, разумеите, языцы, и покарайтесь, яко с нами Бог!»¹

Эпидог

Дальнейшая судьба архиепископа печальна. Крамольники не простили смелому архиерею его ратных подвигов. Как писал Карамзин: «В Духовенстве особенно сияла доблесть, Феоктист, крестом и мечём вооружённый, до последнего издыхания боролся с изменою и, взятый в плен, удостоился венца страдальческого».

К сожалению, мы не знаем, как и при каких обстоятельствах в руки тушинцев попал святитель Феоктист. Тверь была разоряема ими несколько раз, особенно сильно в 1609 году, когда стала местом большого сражения тушинских отрядов с армией молодого полководца Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Святитель Тверской Феоктист, захваченный тушинцами, долго томился в плену, в их лагере. Когда же Тушинский лагерь распался, шайки бандитов бежали кто куда, прихватив с собою святителя Феоктиста.

Это произошло зимой 1609-1610 годов. Что произошло на пути с отважным архипастырем,

¹ Богомольная грамота митрополиту Ростовскому и Ярославскому Филарету о молебствии во всех церквах по случаю войны царя Василия Иоанновича с приверженцами второго самозванца / Патриарх Ермоген. Изд. «Православная энциклопедия». М., 1997. С. 89

неизвестно. Авраамий Палицын пишет: «Тверского архиепископа Феоктиста обезчестившие и во мнозех соблазнах и муках в бедстве на пути к царствующему граду смерти предаша: и ратным обычаем от правоверных взято бысть тело его, отончены кости оружие и в знамениях животных кровоядных начертанно...»

Не совсем понятно, что означают слова «ратным обычаем от правоверных взято тело его»? Не пытался ли отбить своего архипастыря кто-то из тверитян? Наконец, «отончены кости оружие и в знамениях животных кровоядных начертанно» — то есть на теле его были следы ран от оружия и от зубов хищников. Это может значить, что святителя травили зверями или что его тело найдено со следами от зубов волков. Несомненно одно: святитель Феоктист мученически закончил свою святую жизнь, исполненную любви к Православной вере и Отечеству.

На Архиерейском Соборе 2000 года архиепископ Феоктист причислен к лику святых.

Священномучениче Феоктисте, моли Бога о нас!

Неустршимый протопоп Углицкий Афанасий

Когда в 1609 году поляки вместе с изменниками приступили к Ростову, то горожане, не надеясь на крепость стен, предложили митрополиту Филарету (Романову) бежать вместе с ними в Ярославль. Филарет отказался покинуть город, желая испить чашу страдания вместе со своей паствой. «Кровью надо спасать Отечество», — говорил им святитель.

Видя бегство народа, митрополит Филарет с немногими воинами и гражданами закрылся в Ростовском Соборе и стал служить литургию. Все исповедались, причастились Святых Таин, а затем стали с молитвой ожидать неминуемой смерти. Войдя в город, поляки вместе с мятежниками стали ломать железные двери храма. Митрополит попытался усюветить изменников в совершаемом ими святотатстве и молил помиловать ни в чём не повинных людей, прибегнувших для защиты под покровительство Божьего храма. В ответ архиерею слышались только дикий рёв и яростные крики нападавших. Когда соборные двери пали и в храм ворвалась обезумевшая толпа изменников, священники и миряне окружили своего митрополита и яростно отбивались от врагов. Среди защитников митрополита в Ростовском соборе был и Углический протопоп Афанасий. Храм вскоре наполнился трупами убитых. У нападавших был большой численный перевес, а потому вскоре все защитники были или перебиты, или ранены.

Митрополита схватили, сорвали с него архиерейские облачения и выволокли из собора. Затем принялись грабить храм. Сняли золото даже с гробницы святителя Ростовского Леонтия и разделили между собою по жребию. Самого митрополита повезли в Тушинский стан, как узника, босого, в рваном польском кафтане и в татарской шапке.

Чудом Божиим протопоп Афанасий остался жив и вернулся в свой город Углич, где вскоре ему предстояло совершить свой последний ратный подвиг во имя веры и Отечества.

Настала очередь испить чашу страданий и городу Угличу, где когда-то пролилась кровь благоверного царевича Димитрия, именем которого

враги терзали русское Отечество. Когда поляки и литовцы ворвались в Углич и стали грабить, насиловать и убивать жителей, протопоп Афанасий организовал оборону в своём соборе. Целых три дня он со священниками и горожанами храбро бился с врагами. Наконец полякам удалось выбить тараном церковные двери. Они ворвались в собор. Но отважные защитники, предводимые своим пастырем, не думали складывать оружие и сдаваться на милость победителя. В эту милость они не верили. Сражение продолжалось. Хотя из-за численного превосходства врагов это сражение походило больше на страшную резню. Как свидетельствуют современники, кровь лилась даже через порог храма. Протопоп Афанасий, проявляя чудеса храбрости и отваги, сражался до последнего издыхания, пока весь не был посечён мечами. Тогда он пал на плиты своего родного собора как истинный былинный герой.

Царство Небесное тебе, приснопамятный отче Афанасие, и во блаженном успении вечный покой!

Героическая оборона Троице-Сергиевой Лавры

В Смутное время начала XVII века наша знаменитая духовная твердыня — Троице-Сергиева обитель — явила собою также и пример должного сопротивления врагам-еретикам. Обитель преподобного Сергия — главный оплот Православия и средоточие всех путей к северу — была выстроена во имя Живоначальной Троицы в 64 верстах от Москвы. Аавра со времени Иоанна Грозного была

обнесена каменными стенами вышиной в четыре и толщиной в три сажени, с башнями, острогами и глубоким рвом.

23 сентября 1608 г. польские войска под предводительством Яна-Петра Сапеги приступил к осаде Троице-Сергиевой лавры, этого «курятника», как называли её с презрением поляки. Вначале у Сапеги вместе с Лисовским было до 30 тысяч человек (поляков и войск «вора» — Лжедмитрия II), но так как осада затянулась и Сапега вынужден был рассылать отряды в разные стороны, то иногда у него бывало не более 10 тысяч. Защитников же лавры было всего около полутора тысячи человек, в том числе дворян, боярских детей, казаков и разных людей — 1 300 человек и до 200 человек иноков, способных носить оружие, из которых многие были прежде воинами и теперь поверх ряс надели ратные доспехи. В лавру, кроме того, собралось множество стариков, женщин и детей из окрестных деревень и сожжённых вокруг мона-

Осада Троице-Сергиевой лавры. Худ. В.П. Верещагин

стыря посадов, так что теснота в ней была большая. Затем здесь же находилась бывшая королева ливонская Мария Владимировна, в иночестве Марфа, и инокиня Ольга, в миру царица Ксения Борисовна Годунова.

Архимандритом монастыря был доблестный старец Иосаф, а воеводами — окольный князь Григорий Борисович Роща-Долгорукий и дворянин Алексей Голохвастов. Продовольствием и боевыми припасами монастырь был снабжён неплохо, но было мало заготовлено дров.

Архимандрит Иосаф привёл воевод и всех ратных людей к присяге у гроба преподобного Сергия, что они будут биться крепко и «без измены» против врагов Православия и Отечества. Монахам, негодным для ратного дела, он повелел непрестанно совершать богослужение и пение молебнов преподобному Сергию. Защитники же его обители готовились всеми силами к отражению врага. Одна половина их всегда находилась на стенах и башнях, вооружённая пушками и пищальями, а другая предназначалась для замены убитых и больных и для производства вылазок. Во главе этих вылазок, требующих особого мужества, часто становились храбрые иноки.

Патриарх Ермоген как мог из Москвы поддерживал осаждённых. Он настойчиво убеждал Шуйского оказать помощь Троице-Сергиевой лавре, говоря: «Если будет взята обитель Преподобного, то и весь предел русский погибнет до моря океана, тогда придёт и царствующему граду конечная теснота».

Поляки послали в монастырь требование сдать крепость, обещая милости и грозя в противном случае захватить монастырь силой и истребить его

защитников. Отвечая им, защитники монастыря писали: «Знайте, что и десятилетний христианский отрок в обители посмеялся вашему безумству предложить нам оставить своего православного государя и покориться ложному царю, врагу и вору. Мы и за богатства всего мира не нарушим крестного целования». «Да ведает ваше тёмное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православных христиан, — писал архимандрит Иосаф в ответ на предложение поляков о сдачи монастыря. — Какая польза человеку возлюбить тьму больше света и преложить ложь на истину. Как же нам оставить вечную святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покориться еретическим законам, которые прокляты четырьмя вселенскими Патриархами? Или какое приобретение оставить нам своего православного государя Царя и покориться ложному врагу, и вам, латыне иноземной, уподобиться, жидам или быть ещё хуже их?»

Получив такой ответ, поляки попытались взять монастырь штурмом, но были отбиты. Тогда началась осада. С 3-го октября и на протяжении шести недель враги палили по обители из 63-х орудий. А в это же время вдоль монастырских стен ежедневно совершался крестный ход. Церковные службы порой прерывались залетающими в храмы ядрами. Так, в память об этом в Троицком соборе до настоящего времени сохранились железные двери с отверстием от вражеского ядра. Однако большинство ядер летело мимо зданий и падало в пустыри или монастырские пруды. Видя в малоуспешных действиях вражеских пушек явное доказательство милости Божией к обители св. Сергия, все укрепились духом в ожидании приступа,

*Оборона Троице-Сергиевой лавры.
Худ. С.Д. Милорадович*

исповедались и приобщились Святых Тайн. Многие приняли пострижение, чтобы умереть в иноческом чине. Несмотря на неприятельский огонь, вдоль стен обители ежедневно совершались крестные ходы со святыми иконами...

Вместе с тем иноки деятельно рассылали грамоты в неприятельский стан к казакам и русским «ворам», убеждая их покаяться и отложиться от врагов православной веры. Все первоначальные попытки овладеть обителью приступом были отбиты. Скоро поляки с негодованием стали писать «вору» в Тушино про иноков Сергиевой лавры, что эти «черные вороны, возгнездившиеся в гроб каменный, и докуда седатые пакоствуют нами повсюду...»

Ни пушечные обстрелы, ни приступы, ни лазутчики не помогли полякам овладеть лаврой. Тогда поляки возложили особую надежду на подкоп, но осаждённому стало известно о нём. Двое

посадских крестьян пробрались внутрь подкопа и взорвали его, пожертвовав своими жизнями. После такого героического поступка осаждавшие решили взять обитель измором или при помощи измены.

Несмотря на прекращение активных действий, защитников монастыря ожидали новые тяготы. Из-за тесноты, недостатка хорошей воды и свежей пищи в монастыре началось «моровое поветрие», унесшее около тысячи человек. «И умножилась смерть в людях, — повествует очевидец, — сорок дней стоял тёмный сумрак и злой смрад, усопших хоронили с утра до вечера сначала в могилы, а потом уже без разбору — в одну яму». К концу 16-тимесячной осады в монастыре осталось менее 200 защитников, а из числа постриженных до осады осталось в живых только шесть монахов. В конце концов польские банды бежали, услышав о приближении главных сил русского царя. Защитники обители долгое время не верили в то, что осада закончилась. Лишь только через 8 дней в Москву с радостным известием был послан троицкий инок. 12 января 1610 г. мужественные защитники Лавры радостно встретили войска князя-освободителя М.В. Скопина-Шуйского.

В решающую минуту Лавра своим доблестным стоянием стала примером для народа, начавшего собираться в ополчение для освобождения своей земли. По словам знаменитого историка Николая Михайловича Карамзина, «дела, совершённые хотя и в пределах смиренной обители монашеской, людьми простыми, низкими званием, но высокими душою... стали основанием спасения всего русского государства».

Когда в 1619 году в Москву прибыл Иерусалимский Патриарх Феофан, он посетил и Троице-Сергиев монастырь. Патриарх пожелал увидеть иноков, которые участвовали в сражениях. Ему были представлены несколько монахов и среди них «зело стар и пожелтевший в сединах инок Афанасий». Патриарх спросил его: «И ты ходил на войну и начальствовал над воинами?» Афанасий, поклонившись, ответил: «Да, Владыко Святой, понужден был слезами кровными». — «А что свойственно тебе, — вновь спросил инок патриарх, — иночество ли в молитвах или подвиг перед всеми людьми?» — «Всякая вещь и дело, Владыко Святой, — отвечал Афанасий, — в своё время познаётся, я же что делаю и делал — исполняю послушание», — и, обнажив голову, показал патриарху рану, нанесённую ему вражеским оружием, и сказал: «Вот подпись латинян на голове моей, ещё же и в теле моём шесть памятей свинцовых обретаются, а сидя в келье, в молитвах, возможно ли было найти таких будильников к воздыханию и стенанию? А всё это было не по нашей воле, но по воле пославших нас на службу Божию». Патриарх был поражён тем, что над воинственным одушевлением господствует дух иноческого благочестия, смирения и простоты. Он благословил Афанасия, поцеловав его и прочих его сподвижников, и отпустил с похвальными словами.

После осады Лавры в истории России монахи ещё только один раз будут сами участвовать в обороне своей обители. Это случится в 1854 году, когда на Соловецкий монастырь нападёт английская эскадра и монахи будут храбро защищать свою обитель, стреляя из монастырских пушек по английским кораблям.

Славный Новгородец — протопоп Амос

В июле 1611 года шведы, воспользовавшись бедственным положением России, терзаемой внутренними распрями и католической интервенцией поляков, захватили Великий Новгород. Несмотря на предательство, позволившее им войти беспрепятственно в Новгород, нашлись граждане, не пожелавшие отдать родного города без боя. Символом героического сопротивления врагу стал протопоп Софийского собора Амос Иванович, которого историк Карамзин называет последним славным Новгородцем в истории.

Свой рассказ об Амосе мы начнём с событий, происходивших почти за три года до взятия шведами Новгорода. В конце 1608 г. в Новгороде произошло восстание, в результате которого был убит воевода Михаил Игнатьевич Татищев¹. По поручению Михаила Васильевича Скопина-Шуйского

¹ Михаил Игнатьевич Татищев начал свою службу при дворе Ивана Грозного, затем участвовал в походе царя Бориса Годунова в Серпухов и в битве с крымцами. В 1599 году Михаил Игнатьевич стал думным дворянином и был отправлен послом Польшу. Он выполнял также и иные поручения и предпринял поездку в Грузию с дипломатической миссией. В 1606 году Татищев на званом обеде у Лжедмитрия I имел смелость обличить его в веротступничестве и нарушении народных обычаев, за что был брошен в тюрьму, а затем сослан в Вятку. Стараниями князя Василия Шуйского, благоволившего к Михаилу Игнатьевичу, Татищев был освобождён. Впоследствии он принял участие в заговоре, приведшем к убийству самозванца и воцарению Василия Шуйского. В 1608 Шуйский назначил Михаила Татищева вторым воеводой в Новгород, но должность эта оказалась роковой для Татищева: он был убит Новгородцами во время мятежа.

(находившегося в Новгороде для переговоров о военной помощи со Швецией и для сбора ратных людей) была назначена комиссия для описи и оценки имущества убитого воеводы. Во главе комиссии стоял дьяк Иван Тимофеев. В комиссию входили дьяки и купцы, а от духовных лиц был назначен протопоп Софийского собора Амос, который к тому же являлся духовником убиенного воеводы. Среди описываемого имущества были две иконы — образ Спасителя и образ Николы Чудотворца. Золотые оклады этих икон были украшены жемчугами и дорогими камнями, а у Николы Чудотворца кивот был серебряный, а на кивоте резаны чудеса святого Николы. Возможно, по совету самого Скопина-Шуйского или по личному сговору дьяка Тимофеева с протопопом Амосом эти две иконы решили преподнести царю Василию Шуйскому в подарок, а потому в общий список имущества их не внесли. Вскоре в Москве произошли события, спутавшие все планы протопопа и дьяка. Умер их покровитель, воевода Скопин-Шуйский, а вскоре и царя Шуйского свергли с престола. Протопоп с дьяком решили не объявлять об иконах, чтобы их в свою очередь не обвинили в утайке этих образов из-за корысти. Они решили дождаться выбора нового царя и преподнести ему эти драгоценные образа в дар.

С того времени минуло три года, и в марте 1611 года под Новгород явился 4-тысячный отряд шведов. Его возглавлял известный полководец Якоб Делагарди, который прибыл от шведского короля с предложением избрать на русский престол шведского принца Густава Адольфа.

Пока шли переговоры со шведами, в Новгороде всё бурлило от разногласия двух партий: сто-

ронников и противников шведов. Дьяк Иван Тимофеев не был сторонником идеи водворения на русский престол иностранца, да ещё и не православного. Его политические противники решили опорочить дьяка. Для этого в апреле 1611 года они обвинили Тимофеева в том, что он вместе с протопопом Амосом утаил два образа из опальной «рухляди» Татищева.

Из дела, открытого по этому доносу, выяснилась близость Тимофеева и протопопа Амоса к покойному Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Дьяк Тимофеев на допросе показал, что сам князь Скопин-Шуйский велел передать образа протопопу Амосу. «А как поехал из Великого Новгорода боярин князь Михайло Васильевич Шуйской, то приказал те образы дать софийскому протопопу Амосу по его просьбе потому: сказал де протопоп князю Михаилу Васильевичю, что Михайло Татищев был ему сын духовной, и те де образы приказал ему при себе по своей душе и по своих родителях, и те де образы по боярскому приказу отданы протопопу Амосу».

Сам же протопоп Амос на допросе признал себя виновным в том, что вначале заперся и не сказал всей правды про те образы, потому что хотел вести их в Москву к новому царю «ково нам государя Бог даст».

Образа были возвращены в казну и переданы в Софийский собор, а Тимофеев и протопоп Амос были присуждены к денежному штрафу. Но для протопопа на этом всё не закончилось. За воеводским судом его ждал церковный, владычный суд. Митрополит Новгородский Исидор наложил на священника прещение в службе. То есть протопопу отныне запрещалось совершать любое церковное

богослужение. Это ещё не было лишением сана, но всё равно являлось очень тяжким наказанием для церковного клирика, да ещё для такого как Амос. Ведь, будучи настоятелем кафедрального собора, он был первый среди белого духовенства. В этом тяжком положении для нашего героя и застали его не менее трагичные события, разворачивающиеся вокруг его родного города.

В мае 1611 года во главе крупного отряда в Новгород прибыл представитель Первого ополчения Василий Иванович Бутурлин. Выбор пал на Бутурлина не случайно. Он был сторонником союза со Швецией против Польши. Ещё в войске Скопина-Шуйского Бутурлин завёл дружеские отношения со шведским генералом Делагарди. Новгородские власти встретили земского воеводу с честью. После прибытия Бутурлина Новгород продолжал настаивать на том, чтобы шведы не приближались к городу, а после заключения соглашения и вовсе покинул страну.

Но у шведов были другие планы, и Делагарди, вопреки требованиям новгородцев, 2-го июня приблизился к Новгороду и встал лагерем у Хутынско-го монастыря. Новгород был совершенно не подготовлен к осаде. Уже после прихода шведской армии воеводы предприняли меры для ремонта крепости, но осмотр городских укреплений показал, что они находились в плачевном состоянии. В случае штурма из города было невозможно даже взойти на крепостную стену из-за отсутствия лестниц.

Переговоры шли тяжело, но всё же 2 июля в Новгород из ополчения пришло официальное известие о состоявшемся под Москвой 23 июня приговоре ополчения предложить русский престол шведскому принцу Густаву Адольфу. Однако

Делагарди не собирався иди под Москву на помощь ополчению. С его стороны переговоры имели только одну цель — обеспечить захват новгородских земель. Потому он в этот же день, 2 июля, подвинул своё войско ещё ближе к новгородским стенам — из Хутынского в Колмов монастырь. Несмотря на этот недружелюбный шаг со стороны шведов, Бутурлин продолжал переговоры с Делагарди. Передвижение войска Делагарди ближе к новгородским стенам вызвало обострение борьбы внутри города между сторонниками и противниками соглашения со шведами, и антишведские настроения прорвались наружу.

Около шведского лагеря располагался русский конный отряд, с которым у шведов 8 июля произошла стычка. В этой стычке победа оказалась на стороне русского отряда, что немало вдохновило Новгородцев. Дальнейшие переговоры стали невозможны. Осаждённые сожгли деревянные строения и «порубили сады и рощи» вокруг города. Уничтожение окрестных дворов до предела накалило обстановку в самом городе. В Новгороде укрылись окрестные жители, которые «на несколько миль заблаговременно всё стащили в город». С крепостных стен они с болью наблюдали, как горят их дома. 12 июля новгородцы сделали ещё одну вылазку в стан шведов.

Делагарди перешёл к активным военным действиям. Он сделал вид, будто собирается атаковать северную часть Софийской стороны, а сам, пользуясь темнотой, скрытно перебросил свои полки на западную сторону города к Чудинцовым воротам, где его ожидал предатель — холоп Ивана Лутохина Иван Шваль. Этот изменник открыл шведам Чудинцовы ворота и тайком запустил их в город.

Шведы вошли в город и начали резать сонных защитников. Но гарнизон, даже застигнутый врасплох, всё же оказал врагу сопротивление. Бой был неравным, и почти все воины новгородского гарнизона полегли, защищая свой родной город.

Сражалось также и простые горожане. В описи Новгорода 1617 г. упомянуты новгородцы, погибшие во время штурма: 30 человек и 2 семьи с Софийской стороны и 12 человек с Торговой. Среди них были убитые «в остроге», т.е. на крепостной стене.

Вот как описывает эти события историк Карамзин: «Ночью с 15 на 16 Июля Делагарди, объявив своим чиновникам, что враждебный Новгород, великий именем, славный богатством, не страшный силами, должен быть их лёгкою добычею и важным залогом, с помощью одного слуги изменника, Ивана Швала, внезапно вломился в западную часть города, в Чудинцовские ворота. Все спали: обыватели и стража. Шведы резали безоружных. Скоро раздался вопль из конца в конец, но не для битвы: кидались от ужаса в реку, спасались в крепость, бежали в поле и в леса; а Бутурлин Московскою дорогою с Детьми Боярскими и стрельцами, имел однако ж время выграбить лавки и дома знатнейших купцов. Сражалась только горсть людей под начальством Головы Стрелецкого, Василия Гаютина, Атамана Шарова, Дьяков Голенишева и Орлова; не хотела сдаться и легла на месте. Ещё один дом на Торговой стороне казался недолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Там мужествовал Протоиерей Софийского храма, Аммос, с своими друзьями, в глазах Митрополита Исидора, который на стенах крепости пел молебны и, видя такую доблесть, из-

дали давал ему благословение крестом и рукою, сняв с него какую-то эпитимию церковную. Шведы сожгли наконец и дом, и хозяина, последнего славного Новгородца в истории! Уже не находя сопротивления, они искали добычи; но пламя объело вдруг несколько улиц, и Воевода Боярин Князь Никита Одоевский, будучи в крепости с Митрополитом, немногими Детьми Боярскими и народом малодушным, предложил Генералу Делагарди мирные условия».

В описании подвига протопопа Амоса Карамзин ошибочно пишет, что его дом был на Торговой стороне. На самом же деле двор протопопа находился на противоположной от Торговой Софийской стороне, куда и вторглись шведы через Чудинцовые ворота. Шведы продвигались по Великой улице¹ через весь Неревский конец² к Детинцу³. Дом протопопа Амоса находился недалеко от Кремля в начале Розважской (Розважа) улицы, у Волхова. Рядом с протопоповым двором находился Розважский Никольский монастырь. Здесь же было пересечение с Великой улицей, и шведы никак не могли миновать дом Амоса, где бесстрашный священник, вооружив всю свою семью и собрав соседей, способных держать оружие, поджидал врага.

¹ Великая улица — главная улица Неревского конца. Она вела от Владимирской проездной башни Новгородского кремля к северу, в сторону Зверина монастыря.

² Неревский конец — весь Новгород делился на районы, которые назывались концами. Например: Плотницкий конец, Загородский конец и т.д. Неревский конец происходит от слова «нерева» — так именовалось племя, жившее здесь когда-то.

³ Детинец — Новгородский кремль.

Когда шведы уже предвкушали скорый грабёж богатого Новгородского кремля, спешили по Великой улице, на пересечении с Розважской улицей путь им неожиданно перегородили русские защитники во главе в протопопом Амосом.

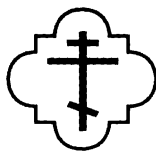
Встретив ожесточённый отпор, шведы пытались взять двор протопопа штурмом, но были отбиты. Между тем во владычном дворе Кремля, на башню, называемую Круглой или Красивой, взошёл митрополит Исидор. Владыке Новгородскому с башни было хорошо видно начавшееся сражение шведов с русскими защитниками протопопова двора. Увидев, как храбро сражается Амос, митрополит стал за него горячо молиться.

Между тем шведы убедились в бесплодности своих попыток взять штурмом двор протопопа и Розважский монастырь, на стенах которого не менее храбро сражались монахи и жители Новгорода. Они направили к дому протопопа парламентёров, которые стали уговаривать Амоса сложить оружие. Ему и всем защитникам была обещана жизнь, но бесстрашный священник отверг это предложение и продолжал сражаться. Тогда разъярённые шведы подкатили под ограду монастыря и протопопова двора бочки с порохом и взорвали их. Двор загорелся, но Амос вместе со своими сторонниками продолжал сражаться и в огне. Митрополит, видя такой подвиг подвергнутого церковному наказанию священника, обливаясь слезами, благословил издали Амоса и снял с него наложенную им епитимью.

Так геройски погиб последний славный новгородец протопоп Амос. Вечная ему память!

По окончании Смутного времени мы уже не встречаем документированных свидетельств личного участия в ратных делах духовных лиц. Единственный известный нам случай прямого участия в ратном деле священника с оружием в руках упомянут в «Деяниях Петра Великого». Там говорится, что «олонецкий поп Иван Окулов в 1702 году, собрав охочих людей до тысячи человек, ходил за шведский рубеж, разбил четыре неприятельских заставы, побил до 400 шведов и со взятыми рейтарскими знамёнами, барабанами, оружием и лошадьми возвратился в торжестве; чего же забрать не смог с собою, то предал огню».

Именно с Петра Великого, создавшего регулярную армию и флот, открывается новая страница участия духовенства в ратном служении Отечеству в качестве полковых и корабельных священников...

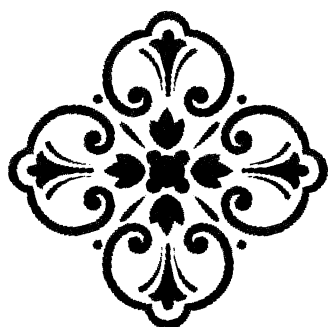

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**ПОДВИГИ
ПОЛКОВЫХ
СВЯЩЕННИКОВ**

с XVIII по XIX век

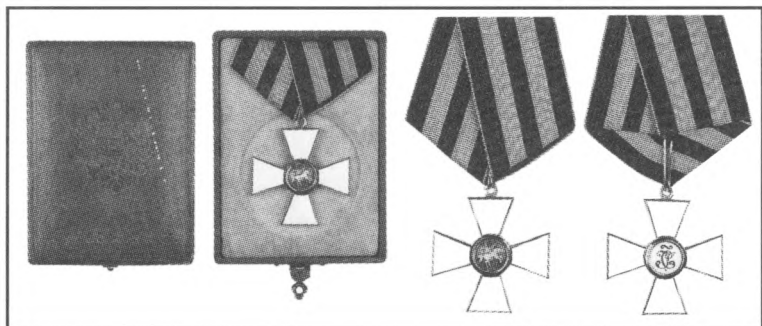

Орден воинской доблести

Святой Георгий на Руси издавна считался покровителем воинов. Идея создания военного ордена имени Святого Георгия принадлежала Петру Великому, но учреждён он был лишь в царствование Екатерины II в 1769 году.

Этим орденом могли награждаться только воинские чины, при этом подчёркивалось, что «ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Святого Георгия за воинские подвиги; достаивается же оно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всём по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием». Потому заслужить этот орден стало высшей честью для офицеров и генералов.

Стоит однако отметить, что в России все награждённые орденами назывались кавалерами, это правило не распространялось только на священнослужителей. Законом было установлено, что «лица духовного звания... по приличию их сана, не именуясь кавалерами, сопричисляются к орденам». С 1796 года священнослужители, пожалованные орденами, именовались кавалерами Императорского ордена. С 1821 года духовные лица, пожалованные орденами, именовались по закону не кавалерами, а «сопричисленными» ор-

Орден св. Георгия Победоносца 4 ст.

дену. Реально это абсолютно никак не меняло их сословного, социального, финансового или иного положения. Практически «кавалер» ордена от «сопричисленного» ордену ничем не отличался.

В официальной, но не предназначенной для опубликования переписке по Военному ведомству, священнослужители, пожалованные орденами, вплоть до революции именовались «кавалерами». На памятнике герою Крымской войны священнику Иоанну Пятибокову, установленному в 1897 году в городе Вильно, значилось: «Кавалер ордена св. Георгия».

Все льготы, положенные награждённым Георгиевскими орденами, священники получали в полном объёме, включая производство в потомственные дворяне. Таких кавалеров в рясах было всего восемнадцать человек за всю историю награждения орденами святого Гергия Победоносца.

Но была и другая награда, вторая по значению после ордена св. Георгия. Священнослужители, совершившие в военное время подвиги с опасностью для жизни, награждались золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Это была не только очень почётная, но и относительно редкая

боевая награда. До русско-японской войны ею были награждены всего 111 человек.

Награждённые наперсным крестом на Георгиевской ленте священники были настоящие герои, явившие русскому воинству пример беззаветного служения Отечеству на полях сражений. Они безропотно переносили тягости походной жизни, с крестом в руке ходили в первых рядах воинов на штурм крепостей и в атаку, безбоязненно напутствовали больных и умирающих под неприятельскими выстрелами, терпели раны, заключение в плену и самую смерть. О некоторых героических пастырях, кавалерах ордена Георгия Победоносца и награждённых наперсными крестами на Георгиевской ленте мы и поведём наше повествование.

ВТОРАЯ ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ

Священник Трофим Куцинский — герой взятия Измаила

16 августа 1787 года русский посланник в Константинополе Яков Булгаков был схвачен и посажен в Семибашенный замок — крепость византийских времён, служившую главной тюрьмой Османской империи. Так отреагировала Турция на отказ Санкт-Петербурга вернуть ей Крым. Если бы не поддержка ведущих европейской держав: Англии, Франции, Пруссии и Швеции — то вряд ли турецкий султан Селим III осмелился бы объявить России войну. Европу же очень не устраивали итоги предыдущей Русско-турецкой кампании

1768-1774 гг., ведь отныне торговые корабли России могли беспрепятственно проходить через проливы Босфор и Дарданеллы, а за военные издержки султан должен был уплатить контрибуцию. Англия от одной только мысли, что кто-то может потеснить её на морских просторах, не могла спокойно спать. Будучи сама колониальной хищницей, она подозревала Россию в намерении посягнуть на её колонии. Она запретила заход в свои порты русской эскадре, готовившейся к отплытию из Балтийского в Средиземное море. Запад, привыкший загребать жар чужими руками, стал подталкивать Турцию к войне с Россией, обещая ей всяческую поддержку. Но в этой войне запад крупно просчитался. Ведь у России были такие талантливые полководцы, как адмирал Ушаков и генерал Суворов.

Первый удар турки нанесли по Кинбурнской крепости, расположенной у входа в Днепровский лиман. Турецкий десант встретил 4-тысячный гарнизон крепости во главе с генералом Александром Суворовым. Артиллерийским огнём русские заставили турецкий флот отойти, а потом стремительно атаковали неприятеля. Атаку возглавил сам Суворов, который в ходе боя получил ранение. Вражеский десант был разгромлен. Эта победа стала первым крупным успехом русских в начавшейся войне.

В 1788 году русская армия взяла Хотин и осадила Очаков. 6 декабря 1788 года в 23-градусный мороз русские пошли на приступ очаковских укреплений. Преодолев ров и вал и сломив яростное сопротивление врага, русские ворвались в город. В ходе этой битвы получил ранение в голову Михаил Кутузов.

Летом 1789 года турки попытались перехватить инициативу. 30-тысячный корпус Османа-паши форсировал Дунай и двинулся на Фокшаны. Союзники России австрийцы запросили помощи. И тогда 10-тысячный корпус Суворова, за сутки преодолевший 60 километров, с ходу атаковал лагерь Османа-паши.

9 часов турки оказывали упорное сопротивление, но затем отступили. А уже в сентябре на реке Рымник Суворов разгромил четырёхкратно превосходившую турецкую армию. Причём русские потеряли всего 45 человек убитыми и 133 ранеными. За свой триумф Суворов получил титул графа Рымникского. Но самая громкая победа русского оружия — взятие Измаила — была впереди.

Штурм Измаила

Крепость Измаил считалась неприступной. Перед войной она была перестроена под руководством французских и немецких инженеров, значительно усиливших её укрепления. Два приступа к крепости не принесли успеха, и тогда, 25 ноября 1790 года, командование войсками под Измаилом было поручено Суворову. Потёмкин предоставил ему право действовать по своему усмотрению: «продолжением ли предприятий на Измаил или оставлением оного». В своём письме к Александру Васильевичу он отметил: «Моя надежда на Бога и на Вашу храбрость, поспеши, мой милостивый друг...»

И Суворов поспешил.

7 декабря Суворов отправил коменданту крепости знаменитый ультиматум: «24 часа на размышление и воля. Первые мои выстрелы уже неволя. Штурм — смерть». Мехмет-паша надменно отве-

*Портрет Суворова.
Худ. Ю.Х. Садиленко*

тил: «Скорее небо упадет на землю и Дунай потечет вспять, чем падёт Измаил».

Штурм был назначен на 11 декабря. Суворов обратился к войскам со словами: «Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия русского... Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза от-

ступала. Нам остаётся в третий раз или победить, или умереть со славою».

Артиллерийская подготовка началась за сутки до штурма. С утра 10 декабря русская артиллерия с суши и с кораблей вела непрерывный огонь по укреплениям и батареям противника. Артподготовка продолжалась до начала атаки.

11 декабря 1790 года в 5 часов 30 минут колонны русских воинов двинулись на штурм крепости.

Левее Бендерских ворот крепости к глубокому рву Толгаларского укрепления подошла 4-я колонна бригадира Орлова. Часть колонны уже сумела преодолеть ров и по поставленным лестницам

поднималась на вал, когда остальная часть была ещё по другую сторону рва. В этот момент Бендерские ворота растворились и большая колонна янычар устремилась в ров. Янычары двинулись вдоль рва, рассекая штурмующих на две части. Выйдя во фланг казачьей колонны, неожиданно ударили по ней.

Положение казаков сделалось отчаянным: их пики разлетались под ударами сабель, и, будучи обезоруженными, они гибли во множестве. Победа склонялась то на одну сторону, то на другую. Суворов немедленно понял опасность этого положения и вызвал резервы. В бой был брошен Полоцкий мушкетёрский полк под началом своего храброго командира — Яцунского. Вместе с полком в бой шёл полковой священник Трофим Куцинский.

Полоцкий полк ударил на неприятеля в штыки, но в самом начале атаки командир полка был смертельно ранен. Оставшись без командира, полк дрогнул и остановился в нерешительности у самого вала. Видя это, отец Трофим поднял высоко Святой Крест и среди не стихающей канонады пушек, грохота разрывов и выстрелов, властно прозвучал голос священника: «Стой, ребята! Вот вам командир!» При этих словах отец Трофим первым бросился в самую гущу сражения, не выпуская из руки креста. Воодушевлённые отвагой своего пастыря, солдаты, которых ничего уже не могло удержать, опрокинули янычар.

Во время этой атаки две турецкие пули ударили в Святой Крест. Священник, спасённый Святым Крестом от смерти, продолжал смело идти дальше и одним из первых взошёл на турецкий вал. И уже здесь, на крепостной стене, он получил ранение в левую ногу с повреждением кости.

Награда

Современники вспоминают, что Суворов «каждую победу, каждую удачу приписывал Подателю всех благ и тотчас спешил в церковь, где на клиросе пел с певчими и читал Апостол». Солдатам он говорил: «Молитесь Богу, от него победа, чудо богатыри! Бог нас водит, он наш генерал».

На следующий день после взятия Измаила, на штурм которого, по словам Суворова, «можно пускаться один раз в жизни», состоялся благодарственный молебен. Отец Трофим как герой дня совершал этот молебен в присутствии всех генералов, офицеров и солдат. Закончился молебен салютом из всех взятых в крепости орудий и благодарными речами А.В. Суворова к своим чудо-богатырям.

О подвиге отца Трофима Куцинского Суворов донёс по команде, и князь Г.А. Потёмкин всеподданнейше представил священника к награде 27 июля 1791 г. в таких выражениях: «Полоцкого пехотного полка священник Трофим Куцинский, во время штурма Измаильского, одобряя солдат к храброму с неприятелем бою, предшествовал им в самом жестоком сражении. Крест Господень, который он, яко знамение победы для воинов, носил в руках, пробит был двумя пулями. Уважая таковую его неустрашимость и усердие, осмеливаюсь просить о пожаловании ему креста на шею».

Высочайшим указом Ея Императорского Величества, Государыни Императрицы Екатерины II, священнику Трофиму Куцинскому был пожалован золотой наперсный крест, украшенный бриллиантами, на Георгиевской ленте и торже-

ственно возложен на него в г. Яссах 17 октября 1791 года, Амвросием, архиепископом Екатеринославским.

Кроме того, по повелению императрицы Екатерины тем же архиереем священник Куцинский был возведён в сан протоиерея, а в награду от казны был пожалован единовременно 500 рублями и ежегодной пожизненной пенсией в 300 рублей.

Надо отметить, что протоиерей Полоцкого мушкетёрского полка Трофим Егорович Куцинский первым из духовных лиц получил золотой наперсный крест на Георгиевской ленте. Полковой историк Кузнецов написал об отважном священнике такие строки:

*В начале схватки командир
Яцунский раненый свалился.
И полк во рвах остановился,
И дрогнул (орошён мундир
Полковника текущей кровью —
Убит?!)... Но вдруг перед толпой
Встанёт священник полковой,
С крестом в руках, в устах с любовью:
«Ребята! Кто же за Царя,
За Веру, Родину святую?!
Кто, к ним любовью горя,
Не защитит их? Испытую».
Шагнул вперёд священник, вот,
За ним один, другой толкнулись —
И все до одного вперёд,
На Измаил, как вихрь, рванулись!
И завязался жаркий бой.
Тот славный бой, которым гордо
Мы можем хвастать и твёрдо
Смотреть перед собой.*

«Не бывало крепости крепче, не было обороны отчаяннее обороны Измаила, но Измаил взят», — эти слова из донесения Суворова Потёмкину высечены на памятнике, установленном в честь великого русского полководца.

Измаил был взят, через год турки подписали мирный договор и признали права России на Крым, Кубань и Грузию. Взятие непреступного Измаила имело огромное значение, поскольку резко изменило стратегическую обстановку в войне в пользу России. Турция вынуждена была перейти к мирным переговорам. И в этом есть, пусть невеликая, но всё же заслуга скромного полкового священника Трофима Егоровича Куцинского.

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ СВЯЩЕННИКА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬКОВСКОГО

Путь к священству

Василий Васильковский родился в 1778 году. Его юные годы прошли в небольшом провинциальном городке Севске. В те годы Севск, хотя и был всего лишь уездным городом Белгородской губернии, но уже являлся центром епархии со своим епископом¹. А в тот год, когда родился Василий, при Преосвященном Амвросии (Подобедове) в Севске и была открыта Духовная Семинария, где нашему герою предстояло получить образование.

¹ Севская Епархия образована в 1764 году как викарная Московской Епархии.

В Севской семинарии было 7 классов. Ученики низших классов назывались «элементориями», средних — «риторами и пиитами», старших звали «богословами и философами». Кстати, одновременно с Васильковским в семинарии обучался будущий Киевский митрополит Филарет (Амфи-театров) (1779-1857). О высоком уровне обучения в Севской семинарии говорит тот факт, что эту семинарию в своё время окончил А.И. Галич (1783-1848), будущий учитель словесности юного Пушкина. Лицейисты очень любили Галича за веселье и живые уроки. В своём стихотворении «Пирующие студенты» Пушкин напишет:

*Апостол неги
и прохлад,
Мой добрый Галич,
wale!*

Севскую семинарию окончит поэт и литератор С.Е. Раич (1795-1855), будущий наставник Ф.И. Тютчева, а с 1827 по 1831 год преподаватель русской словесности у М.Ю. Лермонтова. Потому неудивительно, что полковник Т.Д. Загорский в «Списке о поведении полкового священника», датированном 5 января 1811 г., отмечает у отца Василия Васильковского не только такие качества, как порядочность, рассудительность, но и владение искусством красноречия, знания математики, физики, географии и истории, владения иностранными языками — латынью, греческим, немецким и французским.

По окончании семинарии Васильковский женится, избрав для себя путь скромного приходского священника. В 1804 году, в возрасте 26 лет, его рукополагают в священный сан и назначают на служение в Ильинскую церковь города Сумы. При церкви была школа, и это позволяет нам предпо-

лагать, что причиной назначения Васильковского в клир Ильинской церкви была нужда в грамотном священнике для преподавания детям.

В Сумах Васильковский прожил недолго. Умирает его жена, и молодой вдовец оставляет приходское служение. Вместе со своим четырёхлетним сыном Симеоном отец Василий уезжает на жительство в Старохарьковский монастырь, по всей видимости, чтобы залечивать свои душевные раны.

Преображенский Старохарьковский монастырь располагался в живописной местности, окружённой садами и дубовыми лесами, недалеко от Харькова, на пути к Киеву. Это место считалось святым и целебным, так как здесь из-под земли били сразу три источника. Один источник называли «глазной водой», второй был от внутренних хворей, а третий «женский».

В Старохарьковском монастыре на послушании жил ровесник отца Василия, известный малороссийский писатель и драматург Григорий Федорович Квитка (1778-1843). Квитка был слеп, но в шесть лет исцелился от «глазного» источника. Это сделало его человеком весьма религиозным, и на 23 году жизни он поступил послушником в Старохарьковский монастырь. Здесь он пробыл с 1801-1805 год, но и по оставлении монастыря вёл полумонашескую жизнь, почасту навещая обитель. Здесь, в Старохарьковском монастыре, Квитка, несомненно, встречался с отцом Василием.

15 июля 1810 года тихая жизнь отца Василия при монастыре закончилась и началась другая, наполненная тревогами и волнениями в ратных трудах и походах. Он был назначен священником 19-го Егерского полка и вместе с эти полком при-

нимал участие почти во всех крупных сражениях Отечественной войны 1812 года, проявив при этом необыкновенное мужество и отвагу. Впрочем расскажем обо всём по порядку.

Сражение под Витебском

Отечественная война стала первой войной, в которой 19-му Егерскому полку довелось участвовать со времени его формирования в 1797 году. В начале кампании 1812 года 1-я Русская армия, возглавляемая Барклаем де Толли, отступала и 19-й егерский полк, находясь в арьергарде¹, прикрывал это отступление. Но в военных действиях полк так и не участвовал, поскольку французы слабо преследовали армию, тоже уклоняясь от сражений. Настроение и чувства солдат при этом отступлении хорошо описаны М.Ю. Лермонтовым:

*Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»*

Подобные настроения царили и в 19-ом Егерском полку, а потому у полкового священника отца Василия было немало забот духовного порядка. Дух уныния в войске может нанести урон армии не меньший, чем проигранное сражение. И здесь работа священника важна, как никогда.

¹ Арьергард (франц. *arriere-garde* — тыловая охрана), орган походного охранения, предназначенный для охранения войск, совершающих отход или марш от фронта в тыл.

Участник этого марша, артиллерийский офицер Н.Е. Митаревский писал в своих воспоминаниях: «Шли почти день и ночь, несмотря ни на дождь, ни на грязь, без регулярного распределения отдыхов, варили есть, когда случится, редкую ночь проводили на месте. Вообще поход нашего корпуса от Лиды до Двины был самый иррегулярный... Случалось, что солдаты, идя, забывались и падали, что особенно было заметно в пехоте. Один упадёт — заденет другого, тот опять — двух, трёх и т.д., падали целыми десятками с ружьями со штыками, но при этом никогда не было несчастных случаев». Отец Василий не только сам стойко переносил все тяготы военного похода, но и своей молитвой, благословением и добрым пастырским словом поддерживал малодушных и смирял нетерпеливых.

Только 20 июня полк присоединился к главным силам 1-й Русской армии. 29 июня егеря перешли реку Двину по мосту у Дриссы и стали у деревни Прудники, левее укрепленного лагеря. Отступая к Витебску, Барклай де Толли надеялся соединиться со 2-й Западной армией, находящейся под командованием Багратиона, для решительного сражения с французами. Наполеон, который тоже давно искал генерального сражения с русской армией, устремился к Витебску. Французы успели отрезать дорогу на Витебск 2-й армии, и Багратион принял решение двигаться на Смоленск. Не зная об этом и отступая из Полоцка, Барклай де Толли 23 июля (13 по ст. стилю) достиг Витебска и стал здесь ожидать Багратиона, в то время как к нему приближался Наполеон с главными силами. 1-я Русская армия оказалась перед выбором: либо отступить дальше на Смоленск, либо оставаться на месте и по мере сил задержать продвижение французов,

Молебен перед боем. Худ. Д. Слепушкин

пока не подойдёт Багратион. Барклай решил, по возможности не вступая в генеральное сражение, затягивать время частными боями, пользуясь лесистой и пересечённой местностью. Такому решению способствовала раздробленность сил Наполеона, корпуса которого шли разбросанным фронтом и испытывали большие трудности в снабжении.

Самое крупное и кровопролитное сражение произошло 15 июля у деревни Островно в двадцати километрах от Витебска, в котором участвовал и 19-й Егерский полк.

Перед началом сражения отец Василий Васильковский окропил боевые знамена полка, затем воинов, стоявших в батальонных колоннах, а когда раздался призыв боевой трубы, полковой священник двинулся вместе со своим полком на врага.

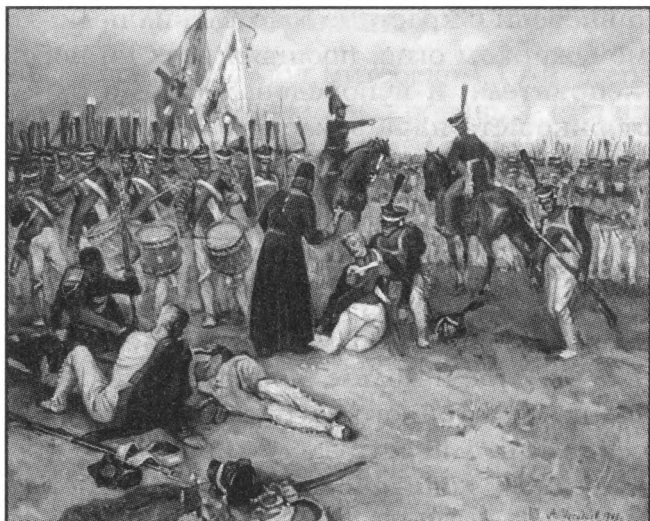
Французы с удивлением наблюдали, как среди белых пантопонов егерей, идущих на них в атаку, мелькает чёрная ряса священника, воздевшего

высоко над собою серебряный крест. Бой был горячий, лицо отца Василия и рука с воздетым крестом почернели от порохового дыма. В пылу сражения священник давно уже потерял свою скуфью и ряса его была в нескольких местах изодрана, но он продолжал идти в первых рядах наступающего полка, не обращая внимания на свист пуль и грохот пушечных ядер. Когда же на землю, подкошенный пулей или осколком пушечного ядра, падал очередной егерь, отец Василий спешил к нему. Если удавалось, то причащал умирающего, прочитав над ним короткую молитву, если нет, то закрывал глаза покойнику и, перекрестившись, шептал заупокойную молитву, а затем вновь спешил в гущу сражения.

Рядом с отцом Василием с визгом врезалось в землю ядро, и его лицо словно ожгло огнём. Это рикошет из мелких острых камней изранил левую щёку священника. Отец Василий протёр рукою от пыли глаза, размазывая кровь по лицу, поднял крест и вновь устремился на передовую линию, увлекая за собою солдат.

Острую боль в руке и удар в грудь отец Василий почувствовал одновременно. Пуля, предназначенная священнику, угодила в крест и, расщепив его нижнюю часть, застряла в кипарисном древе. При этом отцу Василию оторвало мизинец. От контузии в грудь стало нечем дышать, в глазах потемнело, и священник, потеряв сознание, упал. Егеря вынесли раненого пастыря с поля боя.

Эта битва продолжалась с раннего утра и до 5-ти часов вечера. Потери полка составили 250 человек, почти пятая часть всего состава. Но свою главную задачу 19-й Егерский полк в составе арьергарда 1-й армии выполнил: он задержал

За веру и Отечество. Худ. А.С. Чагадаев

армию Наполеона и дал соединиться под Смоленском Русским армиям.

27 июля в час дня 1-я армия Баркляя бесшумно двинулась тремя колоннами в Смоленск, о чём французы не догадывались. Лесистая местность скрыла отход русских, о котором Наполеон узнал только утром следующего дня. Французы не могли понять, куда ушла армия Баркляя де Толли. Преследовать её они тоже не могли.

Начальник 24-й пехотной дивизии генерал-майор Лихачёв в своём обращении к члену Святейшего Синода его Высокопреподобию обер-священнику армии и флота протоиерею И.С. Державину так писал о героическом священнике: «Во вверенной мне дивизии 19-го Егерского полка священник Василий Васильковский во время бывшего 15 июля 1812 г. близ города Витебска сражения по искреннему его усердию находился при начале

оного впереди с крестом, благословил полк, потом в самом жарком огне, поощряя всех на побеждение неприятеля, и исповедовал тяжело раненых, где от рикошета ядра землёю в левую щёку получил рану, но и с оною находился ещё в сражении, пока вторично получил в крест, бывший у него на груди, удар пулею и от оной сильную в грудь контузию; я долгом поставляю о таковой отличности священника Васильковского сообщить Вашему высокопреподобию и просить покорнейше за ревность его к вере и пользе Монаршей о исходатайствовании пристойного награждения, которого он по всей справедливости заслуживает».

Благодаря ходатайству генерал-майора Лихачёва отец Василий был награждён камилавкой¹. Кипарисовый крест в серебряной с позолотой ризе, спасший священника Васильковского от неминуемой гибели, затем долгие годы хранился в церкви 19-го Егерского полка. Он имел в высоту около 30 сантиметров. На его лицевой стороне был гравирован год формирования полка — «1797». На тыльной стороне его рукояти имелась трещина, стянутая винтом. В нижней лицевой части креста крепилась расколовшая его в бою неприятельская пуля, а на оборотной стороне была сделана надпись: «Ранен в сражении 15 июля 1812 г. при г. Витебске, — продолженная по бокам креста, — с отбитием мизинца священнику Василию Васильковскому».

¹ Камилавка — головной убор в Православной церкви фиолетового или чёрного цвета в виде расширяющегося кверху цилиндра. В Русской Церкви камилавка стала употребляться со второй половины XVII века, заменив собой скуфью. В 1798 году камилавка была отнесена к числу церковных наград.

Бородино

После сражения под Витебском 19-й Егерский полк не раз участвовал в кровавых стычках с французами под Смоленском и наконец 24 августа прибыл на занятую нашими войсками позицию у села Бородина. Полк расположился в оврагах у батареи Раевского.

Весь день 25 августа шло приготовление к бою. По фронту русских войск пронесли чудотворную икону Смоленской Божией Матери. Князь Кутузов, встретив икону, поклонился ей до земли. Ночь на 26 августа была сырая и холодная. В русском лагере царили тишина и молчание, нехотя разводили бивачные огни. У французов, напротив, было слышно ликование и пылали огромные костры.

В исходе 6-го часа утра сражение началось артиллерийским огнём. Французы атаковали село Бородино, лежащее за речкой Колочей и занятое Лейб-Гвардии Егерским полком.

На взятие батареи Раевского французы кидали большие силы, это был один из самых жарких участков Бородинского сражения. Особенно туго пришлось 19-му Егерскому полку в 4 часа дня, когда в атаке французской кавалерии Груши, поддержанной свежою пехотой, главный удар пришёлся по нему. Ряды полка были прорваны атакой французских карабинеров дивизии Дефранса. Полк выручил 2-й дивизион 2-й гвардейской конной батареи, устлавший поле трупами прорвавшего ряды егерей неприятеля, и Кавалергардский и Лейб-Гвардии Конный полки своими атаками помогли окончательно оправиться всей 3-й бригаде дивизии.

Бородинское сражение длилось 12 часов, всё это время полковой священник Василий Василь-

ковский был на передней линии сражения. Он исповедовал и причащал раненых, а так же подбадривал солдат полка, призывая их, не щадя живота, послужить царю, Отечеству и вере.

В 6 часов вечера сражение прекратилось. Потери с обеих сторон были огромны. Князь Кутузов, не желая потерять последние наши войска, ночью приказал отступать к Москве.

Под Малоярославцем

Позади осталось Бородинское сражение и арьергардные бои, пожар Москвы. 7 октября Наполеон выступил из Москвы на Калугу, но Кутузов решил преградить ему путь через Малоярославец, чтобы не дать армии Наполеона захватить Калугу, а направить его по им же разорённому пути на Смоленск.

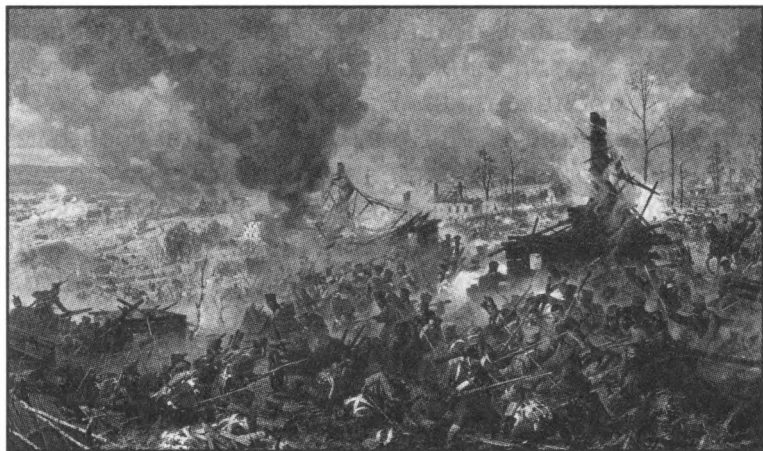
Первым 12 октября прибыл к городу и завязал бой 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова. Понимая важность удержания Малоярославца до подхода основных сил армии Кутузова, генерал Дохтуров направил в город 19-й Егерский полк. Сражение при Малоярославце продолжалось 18 часов, и потери убитыми и ранеными простирались до 6 000 человек с каждой стороны.

Город Малоярославец восемь раз переходил от французов к русским. 19-й Егерский полк находился в сражении с 6-ти часов утра примерно до 5-ти часов вечера, то есть около 11-ти часов.

Вновь, как и под Витебском, полковой священник Василий Васильковский проявил в этом сражении небывалый героизм. Он бесстрашно шёл с крестом в первых рядах егерей своего полка и был тяжело ранен пулей в голову.

В своей докладной записке к Кутузову генерал Дохтуров ходатайствует о награждении отца Василия такими словами: «Священник Васильковский в этом бою всё время находился с крестом в руке впереди полка и своими наставлениями и примером мужества поощрял воинов крепко стоять за Веру, Царя и Отечество и мужественно поражать врагов, причём сам был ранен в голову». Кутузов, высоко оценивший подвиг полкового священника, обратился к Императору с рапортом, в котором писал о подвиге отца Василия.

12 марта 1813 г. главнокомандующий Русскими армиями Кутузов в Калише, где находилась Главная квартира, подписал приказ по армии № 53, один из пунктов которого гласил: «19-го Егерского полка священник Васильковский в сражении при Малом Ярославце, находясь впереди стрелков со крестом, благоразумными наставлениями и личною храбростию поощрял нижних чинов сражаться без ужаса за Веру, Царя и Отечество, причём

*Бой за Малоярославец 12 (24) октября 1812 года.
Худ. А. Аверьянов*

жестоко был ранен в голову пулею. В сражении же при Витебске оказал он таковую же храбрость, где и получил рану пулею в ногу. Начальническое засвидетельствование о столь отличных неустрашимых в сражениях поступках и ревностной службе Васильковского подносил я Государю Императору, и Его Величество высочайше указать соизволил наградить его орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса».

Это был первый в истории Гергиевского ордена случай, когда им награждали священника. Орден был вручен отцу Василию 17 марта 1813 года.

Эпилог

О дальнейшей судьбе отца Василия известно только то, что он вместе со своим полком участвовал в заграничном походе и там скончался от полученных ран 24 ноября 1813 года в возрасте 35-ти лет.

Подвиг отца Василия станет примером для полковых священников на все последующие годы. Но ради справедливости надо сказать, что подвиг, проявленный Васильковским в Отечественной войне 1812 года, был не единственным. Многие полковые священники вели себя подобным образом, например, священник Московского гренадёрского полка протоиерей Мирон Орлеанский в Бородинском сражении шёл под шквальным пушечным огнём впереди гренадёрской колонны и был ранен.

Протоиерей лейб-гвардии Конно-Егерского полка Феодор Раевский принимал деятельное участие с полком во всех сражениях в 1807, 1809, 1812 и 1813 гг. В 1814 г. во Франции отец Фёдор

Полковой священник на коне

был всюду с Ахтырским гусарским полком безотлучно во всех битвах, генеральных сражениях и даже атаках.

Верхом на лошади, с крестом в руках и дароносицей на груди, отец Фёдор «ободрял полк помощью Всевышнего и благословенным оружием Божиим, споспешествующим монарху нашему, напоминал воинским чинам о важности присяги, данной ими Св. церкви, Престолу и Отечеству». За самоотверженное исполнение пастырского долга под огнём неприятеля священник Раевский был возведён в сан протоиерея и награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами, а так же золотым крестом на Георгиевской ленте и камилавкою.

Священник 34-го егерского полка Фирс Никифоровский вёл себя неустрашимо. Во время Бородинского сражения лошадь под священником была убита, сам он ранен в левую ногу и унесён с поля битвы в госпиталь. В июне 15 числа того же года в сражении при г. Витебске, во время напут-

ствия раненых на поле действий отец Фирс был захвачен в плен, но совершил смелый побег и присоединился к своему полку под г. Смоленском.

Вызывает недоумение отсутствие в списках Георгиевских кавалеров 1812-1814 гг. на памятных досках Храма Христа Спасителя в Москве имени священника Василия Васильковского. Нет его имени и на мраморных досках Георгиевского зала Большого Кремлёвского дворца. Мы знаем, что «память праведного с похвалами» у Бога, но и нам не следует забыть своих героев, отдавших жизнь за Веру и Отечество.

Георгиевским крестом был награждён во время Отечественной войны 1812 года пономарь Смирягин, который во главе отряда крестьян отбил в одном из сражений боевое знамя у французов.

После изгнания наполеоновских войск из России золотым крестом на Георгиевской ленте был награждён священник Кавалергардского полка Михаил Гратинский. Участник Бородинского сражения, он не успел покинуть Москву при отступлении русской армии. В захваченной врагом столице этот храбрый священник стал бороться с захватчиками доступными ему средствами. Почти каждый день в уцелевших московских церквях отец Михаил проводил богослужения, призывая народ к войне с захватчиками. Слух о священнике быстро распространился среди оставшихся в столице жителей, и на его проповеди, несмотря на смертельную опасность, всегда собиралось много народа. Даже в окружении врагов полковой священник продолжал выполнять свой пастырский долг.

ПОДВИГ СВЯЩЕННИКА ИОВА КАМИНСКОГО

Новая русско-турецкая война началась в 1828 году из-за восстания в Греции. Русское правительство поддержало греческих повстанцев, а когда они стали терпеть поражение, бросила им на помощь свою армию и флот. Это привело к тому, что Турция закрыла для России проход через Босфор. В ответ на это 26 апреля 1828 года император Николай I издал манифест о войне с Турцией. В мае русская армия вошла в Молдавию и Валахию и, заняв Яссы и Бухарест, вышла к Дунаю.

В июне пали основные турецкие крепости на Дунае, и армия фельдмаршала Витгенштейна вторглась в Болгарию. 13 июля передовой русский отряд генерала графа Сухтелена осадил Варну, но после нескольких вылазок гарнизона вынужден был отступить. Позднее русские войска вновь осадили Варну поздней осенью и овладели ею.

Война на Балканах продолжала развиваться успешно. 11 февраля отряд генерала Гейсмара занял крепость Турно, а 27 февраля десант под командованием контр-адмирала Кумани взял Созополь, который турки безуспешно пытались отбить. 19 мая возобновилась осада Силистрии.

В мае 1829 года Тобольскому пехотному полку, которым командовал подполковник Николай Михайлович Леман, было поручено овладеть Раховым, хорошо укрепленной турецкой крепостью на Дунае. Леман, чтобы обеспечить штурм Рахова, поставил перед одним из своих батальонов задачу: форсировать Дунай под огнём противника и уничтожить неприятельскую батарею.

Солдаты, крестясь, забирались в лодки, с опаской поглядывая на высокие редуты турецкой батареи. Промедление для первой линии десанта смерти подобно. Неожиданно к первой лодке подбежал полковой священник отец Иов Каминский. «Да, куда же ты, отче честный, убьют», — раздаются озабоченные голоса солдат. «С нами Бог, дети мои, он нам помощник и покровитель», — с этими словами отец Иов осенил воинов крестом и пристроился на корме, держа крест перед собою, как непобедимое знамя. Солдаты, приободрённые присутствием своего родного пастыря, дружно и скоро заработали вёслами. К берегу лодки подходили под обстрелом турецких батарей.

Воды Дуная уже окрасились русской кровью, но десант не остановить. Едва лодка, в которой переправлялся священник, успела врезаться носом в песок, как отец Иов с крестом в руке уже выпрыгнул на берег. «Ну и шустрый же наш батюшка, — восхищались солдаты, — поспевай, братцы, а то отче наш Иов всех турок перекрестит, пока мы до них доберёмся».

И закружился танец смерти свинцовым вихрем. Зазвенел стальными клинками. И среди яростных криков дерущихся и жалобных стонов умирающих были слышны слова молитвы. Это отец Иов, читая на ходу молитвы, упорно карабкался на батарейный вал, увлекая за собою солдат батальонного десанта. Священник одним из первых поднялся на вал редута. У турецких пушек уже начиналась рукопашная схватка с янычарами, когда отец Иов упал, как подкошенный, раненый пулей в лицо.

Главнокомандующий граф Дибичев-Забайкальский доложил императору Николаю I о подвиге отца Иова. О том, что, находясь в первой шеренге

атакующих, священник был тяжело ранен пулею в голову, с повреждением челюстей и языка. Государь Император пожаловал герою-священнику орден Святого Георгия 4-й степени. Таким образом, отец Иов Каминский стал вторым кавалером Георгиевского ордена в истории военного духовенства.

* * *

Командир полка Николай Михайлович Леман за взятие штурмом крепости Рахов, так же как его полковой священник, был награждён орденом св. Георгия 4-й степени, поскольку во время штурма находился впереди полка. Кроме того, Леман был произведён в полковники.

12 июня армия фельдмаршала Дибича разбила войско великого визиря у деревни Кулевчи под Варной. После этого гарнизон Силистрии 30 июня капитулировал. Главные же силы турок были почти полностью уничтожены Дибичем при взятии Сливена 12 августа. Путь на Константинополь был открыт, и турки срочно запросили мира.

Подписав с турками Адрианопольский мир, Россия получила устье Дуная и крепости Ахалкалаки и Ахалцих в Закавказье. Черноморские проливы открывались для торговых судов всех стран, а Греции султан был вынужден предоставить широкую автономию, фактически — независимость.

Что же касается нашего героя, то высочайшим повелением священнику Иову Каминскому был пожалован пожизненный ежегодный пансион в пятьсот рублей и, кроме того, император Николай I повелел Святейшему Синоду определить отца Иова к Петергофской Дворцовой церкви вторым священником.

ГЕРОИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА ПЯТИБОКОВА

Вступление

Война 1854-1856 годов была войной России не столько с самой Турцией, сколько с коалицией европейских стран: Англии, Франции и Сардинии. Внешней причиной войны послужил дипломатический конфликт.

Франция потребовала от турецких властей, чтобы ключи от церкви Рождества Христова в Вифлиеме (которые в то время принадлежали православной общине) были отданы католическому духовенству. Россия потребовала, чтобы ключи остались у православной общины. Обе стороны подкрепляли свои слова угрозами. Османь, не осмеливаясь отказать ни тем, ни другим, пообещали выполнить и французские, и русские требования. Когда эта типичная для османской дипломатии уловка была раскрыта, то Франция, в конце лета 1852 года, в нарушение Лондонской конвенции о статусе проливов, привела под стены Стамбула 90-пушечный паровой линейный корабль. Турки перепугались и в начале декабря 1852 года отдали ключи от церкви Рождества Христова Франции. В ответ на эту провокацию Россия ввела свои войска в Молдавию и Валахию.

18 ноября 1853 г. черноморская эскадра под командованием вице-адмирала Нахимова (6 линейных кораблей, 2 фрегата) уничтожила в Синопской бухте турецкую эскадру под командованием Осман-паши (7 фрегатов и 9 других судов).

Этот блестящий успех русского оружия напугал западные державы.

Великобритания, обеспокоенная успехами России на Кавказе и усилением её влияния на Балканах, страшно опасалась возможного продвижения России в Среднюю Азию. В целом она рассматривала Россию как своего главного геополитического противника.

Ввиду указанных причин Великобритания стремилась предотвратить любое усиление российского влияния в османских делах. Накануне войны она усиливала дипломатическое давление на Россию, с тем, чтобы отговорить её от любых попыток отделения от Турции балканских территорий, населённых православными народами. Великобритания, кроме того, стремилась к вытеснению России с черноморского побережья Кавказа и из Закавказья.

Во Франции значительная часть общества поддерживала идею реванша за поражение в наполеоновских войнах и была готова принять участие в войне против России при условии, что Англия выступит на их стороне.

В начале января 1854 года западные союзники вошли в Чёрное море, а 15 марта 1854 года Великобритания и Франция объявили войну России. Россия ответила аналогичным заявлением.

Замечательный русский поэт и патриот Фёдор Тютчев со всей откровенностью высказал своё мнение по поводу начала этой войны в следующих словах: «Давно уже можно было предугадывать, что эта бешеная ненависть, которая с каждым годом всё сильнее и сильнее разжигалась на Западе против России, сорвётся когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал... Это весь Запад пришёл выказать своё отрицание России и преградить ей путь в будущее».

Если можно говорить о слабости технического вооружения России в этой несчастной для неё войне, то никак нельзя говорить о слабости духа русского воина. Навсегда останутся вписанными в страницы воинской славы России героизм, стойкость и мужество русских солдат и офицеров, проявленные ими в Крымскую войну, в битвах на Кавказе и на Дунае.

Среди героев этой войны мы находим немало священников. Турки чувствовали силу духовного влияния полковых священников на русского солдата и особо лютовали над теми батюшками, которые попадали им в плен. Так, обер-священник Кавказского корпуса, протоиерей Михайловский доносил обер-священнику армии и флотов, что «по взятии турками укрепления св. Николая гарнизон начальника Черноморской береговой линии адмирала Серебрякова, исключая 30 человек, был весь уничтожен. В числе убитых находился мученически умерший иеромонах Серафим Гуглинский. Ему турки отпилили голову и, вонзив её на копьё, показывали турецкому полчищу».

* * *

В эту войну особо отличился священник Могилевского полка протоиерей Иоанн Пятибоков. Он стал третьим в истории военного духовенства кавалером ордена святого Георгия Победоносца. Эту высокую воинскую награду отец Иоанн получил за героизм, проявленный им при штурме турецких батарей на Дунае 11 марта 1854 года.

Замечателен не только подвиг, но и судьба священника Иоанна Пятибокова. Своё служение он начал в 1848 г. младшим священником Костром-

ского егерского полка. Солдаты любили и уважали отца Иоанна особенно за то, что он никогда не робел в бою и не кланялся вражеским пулям. Когда священника предостерегали от излишней храбрости, он заявлял, что не может кланяться басурманским пулям, так как привык это делать только перед святыми иконами.

*Иоанн Пятибоков,
священник Могилевского
полка*

В 1849-1850 гг. отец Иоанн был назначен старшим священником в Могилевский пехотный полк. В марте 1854 г. полк форсировал Дунай и, построившись в ротные колонны, двинулся через камыши к батарее неприятеля. Когда могилевцы вышли на открытое место, их встретил шквальный пушечный и ружейный огонь. В ходе этого кровопролитного боя, длившегося около 6 часов, были убиты или ранены многие офицеры. Потеряв своих начальников, солдаты под огнём вражеской артиллерии дрогнули и смешались. Тогда отец Иоанн, возложив на себя епитрахиль и взяв в руки Святой Крест, выступил вперёд солдат и сказал: «Благо положить живот свой за Святую Веру, Царя и Отечество на войне против врага и супостата, яко жертву Господу Вседержителю». Осенив солдат крестом и окропив их святой водой, доблестный пастырь

громко воскликнул: «С нами Бог, ребята, и да рсточатся враги Его... Родимые, не посраим себя! Сослужим службу во славу святой Церкви, в честь Государя и на утешение нашей матушке России! Ура!!!» При этих словах священник с крестом в руках бросился на врага.

Воодушевлённые примером своего храброго пастыря, солдаты устремились за ним. Отец же Иоанн, презирая пушечные снаряды и пули, неустрашимо шёл на укрепление противника в передних рядах наступающих, осеняя их крестом и подбадривая.

Во время атаки он получил две контузии в грудь. Крест, который священник нёс в руках, был расщеплён пулей, а епитрахиль¹ была разорвана картечью. Геройский штурм турецких укреплений закончился полной победой.

В описании действий 1 и 2 батальонов Могилевского полка, имевших место 11 марта 1854 г., мы читаем следующие строки: «По всей справедливости, с чувствами христианскими должно сознаться, что эту славную победою могилевцы обязаны благословению Господню, преподанному батюшкою отцом Пятибоковым».

«Идя в бой, — признавался впоследствии отец Иоанн, — я думал и сознавал одно: как честный солдат я Богу мою душу отдаю».

Крест, коим отец Иоанн осенял славных героев Могилёвского полка как свидетель его геройских

¹ Епитрахиль (греч. шея) — принадлежность богослужебного облачения священника — длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь. Символизирует благодатные дарования священника как священнослужителя. Без епитрахили священник не может священнодействовать.

подвигов вместе с епитрахилью был отправлен обер-священнику армии и флотов Кутневичу для всеподданнейшего доклада Его Императорскому Величеству.

В этом же 1854 году священник Гавриил Судковский был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте из кабинета Его императорского величества «за содействие в отражении англо-французских пароходов, напавших на Очаковскую крепостную батарею 22 сентября 1854 года, когда под выстрелами благословлял каждого и сам заряжал орудия калёными ядрами». При этом позднее, служа в городе Николаеве, отец Гавриил прославился как молитвенник и постник.

* * *

Император Николай Павлович наградил протоиерея Пятибокова орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени, со внесением его имени в Дворянскую родословную книгу Санкт-Петербургской губернии, откуда священнику была выдана дворянская грамота.

Государь так же пожаловал отцу Иоанну единовременное пособие 500 рублей и приказал выдавать ему ежегодно из инвалидного капитала по 185 рублей 70 копеек. Кроме того, отцу Иоанну как Георгиевскому кавалеру была назначена ежегодная пенсия в 360 рублей, а его шестилетний сын, по высочайшему повелению, был назначен для воспитания и образования в Московский кадетский корпус.

Ко дню столетнего юбилея ордена Св. Георгия, праздновавшегося 26 ноября 1869 года, вспомни-

ли и подвиг отца Иоанна Пятибокова. Доблестный пастырь был приглашён в С.-Петербург на торжества, при этом от монарших щедрот священнику-герою было выдано 500 рублей на проезд. Во время торжеств протоиерей Иоанн Пятибоков был представлен Государю Александру Николаевичу, который показал священнику его прежние крест и епитрахиль.

Подвиг протоиерея Пятибокова, по предложению Протопресвитера А.А. Желобовского, увековечен военным духовенством созданием памятника на могиле героя в г. Вильне. Памятник на конец XIX века представлял собой монумент из чёрного полированного гранита, увенчанного белым мраморным крестом. На лицевой стороне памятника был вделан в овальную фарфоровую вызолоченную рамку образ святого отшельника Иоанна Палестинского, имя которого носил почивший. Под образом был вставлен в медальон под стеклом орден святого Георгия, которым был пожалован отец Иоанн. На передней стороне памятника вырезана надпись: «Протоиерей И.Н. Пятибоков, кавалер ордена Святого Георгия» — и даты жизни. На другой грани монумента: «Могила храброго священна для Отчизны». На обратной стороне памятника вставлен в овальную вызолоченную раму портрет усопшего. Чин освящения памятника и панихиду совершил 13 марта 1897 г. собор всего Виленского духовенства.

ГЕРОЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ — ИЕРОМОНАХ ИОАННИКИЙ (САВИНОВ)

Четвёртым награждённым орденом Святого Георгия был иеромонах Иоанникий (Савинов), служивший в 45-м флотском экипаже и участвовавший в Крымской кампании.

Отец Иоанникий за долгие месяцы обороны Севастополя снискал себе славу человека, никогда не терявшего спокойствие духа даже под непрерывным огнём неприятеля. Своим примером он вселял непоколебимую решимость в сердцах матросов и солдат. Таким отец Аника, как попросту называли иеромонаха севастопольцы, остался в памяти героев обороны города.

Сестра милосердия Стахович писала родным из осаждённого Севастополя об отце Иоанникие, что «он очень много помогал и несколько дней перевязывал раненых. Он очень умный и благочестивый монах, очень храбрый и спокойный духом».

Генералу Хрулеву с большими усилиями приходилось сдерживать порывы полкового священника. Степан Александрович Хрулев сам слыл среди солдат первым из храбрецов и, имея характер беспокойный и непоседливый, немало досаждал неприятелю внезапными вылазками. Одна из таких вылазок была назначена в ночь на 11 марта 1855 года на Камчатский люнет¹. Французы, поначалу опешившие от такой дерзости, пришли в себя и вступили в рукопашный бой. Каково же было

¹ Люнет (фр. lunette) — открытое с тыла полевое или долговременное укрепление. В полевом люнете обыкновенно располагалась 1-4 роты пехоты с 1-4 орудиями.

удивление генерала Хрулева, когда он услышал в темноте:

— Где наши? Скажите же, ради Бога, где наши?

Генерал увидел перед собой монаха, лицо которого в лунном свете выглядело необычайно бледным. На нём были ряса, чёрный клобук, епитрахиль. В руке монах держал крест.

— Кто ваши, батюшка? — спросил Хрулев.

— Моряки.

— Они впереди, но там не ваше место, пойдите на перевязочный пункт.

— Моё место там, где утешают в страданиях, где готовят к смерти,— ответил иеромонах и бросился вперёд.

Очевидец этого эпизода записал в дневнике: «В ту минуту, когда во время штыковой схватки положение наше было наиболее затруднительно, когда новые колонны неприятеля заставили нас податься назад, раздалось пение тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твоё, победы благоверному Императору нашему на сопротивныя даруя...» Отступавшие моряки, воодушевившись, повернули назад и с криками «Ура!» стремительно ринулись на врага.

Эта перемена привела противников в большое смятение. Один из французских пехотинцев, поняв, в чём дело, бросился на священника, желая штыком убить его. Но батюшка извернулся, так что штык распорол ему только епитрахиль и рукав рясы. Юнкер Камчатского полка Негребецкий поспешил священнику на помощь и убил француза. Тогда враг не выдержал и побежал. Позиция французов тут же была занята русскими моряками.

*Подвиг иеромонаха Иоанникия Савинова
во время вылазки на Комчатском люнете
в ночь с 10-11 марта*

Иеромонах Иоанникий продолжал пение тропаря. Бой перешёл во вторую, затем в третью линию траншей. Видя, что русские одолевают врагов, благочестивый инок обратил внимание на раненых, как своих, так и неприятельских. В момент напутствия умирающего моряка вражеская пуля угодила в нагрудный крест отца Иоанникия. Крест переломился, а отец Иоанникий, получив контузию, ненадолго лишился чувств.

Тем временем моряки, увлечённые победой, не хотели покидать поле сражения. Они не подчинились сигналу отступления, полагая, что он подан неприятелем. Тогда генерал Хрулев вызвал отца Иоанникия из передовой цепи и поручил ему лично передать солдатам приказ покинуть неприятельские траншеи. Сопровождаемый юнкером

Негребецким и рядовым Волынского пехотного полка Фектистовым, отец Иоанникий, несмотря на ещё сильный огонь и суматоху рукопашного боя, бесстрашно обошёл все траншеи и с честью выполнил поручение генерала. Солдаты повиновались священнику и вернулись в занятые ими окопы.

30 офицеров и 1 000 солдат выбыли из строя в этой вылазке, неприятель потерял вдвое больше.

К несчастью, контузия отца Иоанникия оказалась смертельной. Но иеромонах-герой боролся со смертью очень долго. Скончался он лишь через три месяца — 9 июня того же года. Узнав об этом подвиге, граф Д.Н. Шереметьев дал вольную его матери и родственникам иеромонаха.

О самоотверженном подвиге иеромонаха Иоанникия было донесено Императору Александру II, который и удостоил его ордена Св. Георгия 4-й степени посмертно.

ИЕРОМОНАХ ИОАННИКИЙ (ДОБРОТВОРСКИЙ) — ГЕРОЙ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В Крымскую войну на флоте был ещё один иеромонах Иоанникий по фамилии Добротворский, так же ставший героем. Замечательна судьба этого человека. Родился он в Малороссии, в семье священника. Мальчика называли Ваней. Иоанн Добротворский имел хороший слух и голос, поэтому на 22-м году жизни был принят в Архиерейский хор. В 26 лет Иван женился и в декабре 1834 года стал диаконом. Спустя три года его рукоположили

в сан священника и назначили в Иоанно-Предтеченскую церковь местечка Миргород.

В апреле 1843 года мы видим священника Иоанна уже среди монастырской братии Каменецкой Троицкой обители. О том, что случилось с супругой отца Иоанна, история умалчивает и говорит лишь то, что в монастырь его взяли вдовцом.

31 июля 1844 года отца Иоанна Добротворского определили в число флотского духовенства Балаклавского Георгиевского монастыря, где, спустя только четыре года, постригли в монашество с именем Иоанникий.

Отец Иоанникий служил на различных судах Черноморского флота. На линкоре «Иегудиил», будучи ещё мирским священником, воздавал хвалу Богу. На «Гаврииле», став иеромонахом, почувствовал себя человеком Божиим. В 1850-м на корабле «Селафиил» молился Богу. А в 1853 на 84-хпущечном «Урииле» увидел огонь и свет в первых столкновениях с врагами Отечества. Плавал иеромонах Иоанникий и на знаменитом линейном корабле «Двенадцать Апостолов». В ноябре 1853 года иеромонах Иоанникий участвовал в знаменитой Синопской битве, на фрегате «Кулевчи», которым командовал талантливый, смелый и задорный капитан-лейтенант А.И. Будищев, общий любимец на флоте. На этот корабль Будищев был назначен почти одновременно с иеромонахом Иоанникием.

С начала обороны Севастополя отец Иоанникий постоянно находился в траншеях и ежедневно обходил батареи с крестом в руках, вселяя мужество в русских солдат.

В ночном бою с 2-го на 3-е марта он показал себя героем. Отыскивая свой флотский 44-й бата-

льон, бывший в цепи 1-го батальона Камчатского полка, он оказался среди воинов в момент страшного боя. Целую ночь отец Иоанникий с крестом в руках ободрял своим примером солдат, причём тут же, на месте, напутствовал умирающих и утешал раненых. Обходя поле боя, иеромонах Иоанникий увидел прятавшегося между убитыми неприятельского офицера и взял его в плен.

* * *

В дальнейшем отец Иоанникий, этот неустрашимый служитель алтаря Господня, с ведома адмирала Истомина, обходил батареи и вызывал охотников на вылазки. Затем вместе с ними иеромонах шёл в разведку изучать неприятельские расположения.

За отличие и мужество иеромонах Иоанникий (Добротворский) был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Необходимо отметить, что из числа двухсот полковых священников — участников Крымской войны — двое награждены офицерским орденом св. Великомученика Георгия Победоносца 4-й степени, 58 — золотым крестом на Георгиевском ленте, 5 священников — золотым наперсным крестом из кабинета Его Императорского Величества, а 29 — золотым наперсным крестом от Св. Синода, столько же — орденами Св. Владимира 3-й и 4-й степени.

ВОЕННЫЙ СВЯЩЕННИК ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ЕВГРАФОВИЧ МАЛОВ (1815-1899)

О храбрости и отваге протоиерея Андрея Малова ходили легенды. Это был действительно бесстрашный человек. При штурме крепости Ниязбек отец Андрей первым спустился в ров и первым взобрался на вал, а в ночь с 14 на 15 июня 1865 года отважный батюшка с крестом в руке одним из первых поднялся на крепостную стену

Протоиерей Андрей Малов

Ташкента, скрывавшую за собой пятнадцатитысячную армию неприятеля. По взятии крепости в последующие два дня он принимал самое активное участие в покорении этого стотысячного мусульманского города.

Благодаря своей одежде, отличавшейся от одежды воинов, почтенной наружности и признакам духовного сана — кресту и дароносице на груди, отца Андрея в неприятельских войсках принимали чуть ли не за главу всех русских войск в Средней Азии. Вследствие чего выстрелы сыпались на него градом, но при этом сам отец Андрей, словно заговорённый, был неуязвим для врага.

Штурм города Ходжента

При штурме города Ходжента были убиты или тяжело ранены все командиры батареи, да и солдат артиллеристов осталось не более четырёх. «Мне пришлось командовать, — рассказывал отец Андрей, — чтобы не остановить ход дела. Я эту часть знал хорошо. Слава Богу, имел возможность присмотреться и прислушаться. Нам удалось пробить стену и через брешь перетащить два орудия. Продолжая командовать, я вступил в город, бомбардировал цитадель и разрушил часть её. На наши крики «Ура!» слышалось как бы ответное «Ура!» штурмующих, и они появились в Ходженте».

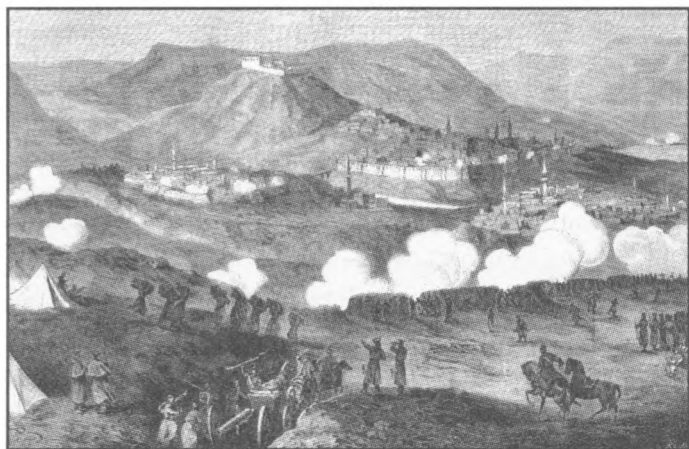
Рассказывали, что генерал Кауфман, высоко ценя энергию, неустрашимость и находчивость отца Андрея, на одном военном совете сказал: «Если бы отец Андрей был офицером, я за честь считал бы служить под его командой»¹.

¹ Заславский В.Б. Из истории Православия в Средней Азии // Церковно-исторический вестник. № 10. 2003. Стр. 158-169.

ХРАБРЫЙ СВЯЩЕННИК — ФЁДОР МИХАЙЛОВ

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в Кавказской армии прославился священник 160-го Абхазского пехотного полка 40-й пехотной дивизии Фёдор Михайлов. Отец Феодор был широко известен в войсках своей необычайной храбростью. Когда полк участвовал в боях, священник постоянно находился в передовых цепях. Если же полк выходил из боя, отец Фёдор шёл в передовые шеренги других полков, где под свист турецких пуль и снарядов смело шёл вдоль цепи стрелявших солдат, кропил их святой водой, при этом не позволяя подниматься для целования креста. Солдаты не только горячо любили своего батюшку, но и искренне считали, что пули его не берут. Во время затяжных боёв отец Феодор иногда проходил по несколько вёрст от одной позиции к другой.

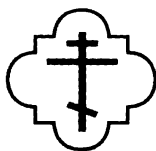
При штурме крепости Карса священник Фёдор Михайлов шёл, как всегда, с крестом в руках,

Штурм крепости Карса

впереди атакующих. Крест дважды был выбит из его руки пулями, а епитрахиль была в двух местах прострелена. Когда священник по лестнице поднимался на вал противника, он был тяжело контужен, но остался в строю.

За отличие в боях под Эрзерумом отец Фёдор был произведён в протоиереи. Его подвиги были отмечены золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами, Святой Анны 2-й степени с мечами и многими медалями. Боевых наград у отца Фёдора было так много, что он из скромности стеснялся их все надевать. И таких орденосных батюшек в российской армии было немало.

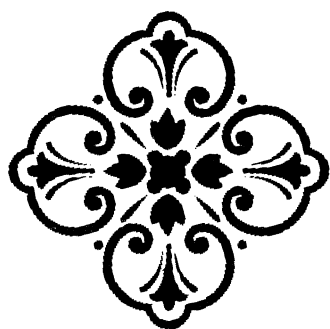

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**Священники – герои
русско-японской
войны**

1904-1905 гг.

Во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. военное духовенство на полях Маньчжурии, сопках Порт-Артура и в Цусимском сражении подавало примеры необыкновенной моральной стойкости и мужества. В документах той поры нет даже малейшего упоминания о малодушии священнослужителей. Один из самых ярких тому примеров — героизм полкового священника 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка отца Стефана Щербаковского, который стал пятым в истории священником, награждённым орденом св. Георгия Победоносца 4-й степени.

Герой двух войн и мученик за веру — протоиерей Стефан Щербаковский

Щербаковский Степан Васильевич родился в Херсонской губернии 2 августа 1874 г. в Одессе или вблизи Одессы в семье псаломщика. В 1896 году он окончил Одесскую Духовную Семинарию и был назначен псаломщиком в один из Одесских храмов. В 1898 он был рукоположен в священники и служил при Епархиальном ведомстве.

В начале 1901 года Щербаковский был назначен полковым священником в 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. С этим полком отец Стефан в Русско-японскую войну и совершил свой главный подвиг в знаменитой битве при Тюренчене.

Бой на реке Ялу, так называемый Тюренченский бой, был первым значительным сражением в Русско-японской войне. Силы японцев составляли около 45 тыс. человек против 18 тыс. русских. А в месте фактического боя у Тюренчена японцы имели пятикратный численный перевес.

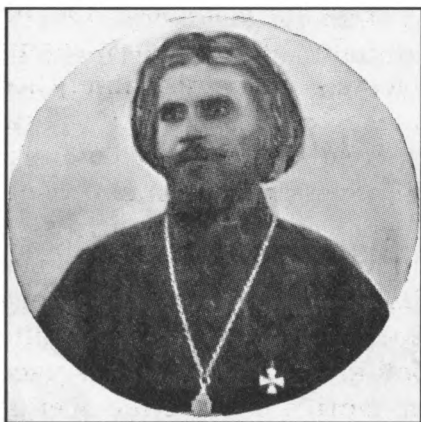
В этот день, 18 апреля 1904 года, артиллерия японцев открыла шквальный огонь по правому флангу отряда генерала Засулича. Через некоторое время японские цепи двинулись в атаку. Тяжёлый бой кипел вот уже семь часов. Засуличу, чтобы не попасть в окружение всей армии, пришлось оставить в арьергарде 11-й и 12-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, а с основными силами отступить.

Оставшиеся в арьергарде стрелковые полки были изнурены тяжёлым боем. Враг наступал с двух сторон, что серьёзно осложняло ситуацию. И всё же главная задача — задержать японцев и дать основным силам выйти из окружения — была выполнена, и сибирякам было велено пробиваться с боями к основным силам.

Чтобы совершить прорыв, развёрнутые полки несколько раз ходили в штыковую атаку под звуки полкового марша и гимна «Боже, Царя храни!». Но японцы, каждый раз уклоняясь от штыкового боя, осыпали русских градом свинца. Во время одной из таких атак был убит командир полка. Положение становилось крайне критичным.

Тогда на пригорок, перед строем стрелков, вышел полковой священник Стефан Щербаковский. Он встал на колени и три раза осенил бойцов крестом со словами: «Христос Воскресе!» Это Пасхальное приветствие зажгло в сердцах солдат надежду, и они, вначале нестройными голосами,

а потом всё уверенней и громче отвечали своему пастырю: «Воистину Воскресе». Тогда священник, высоко подняв крест, воскликнул: «Вперёд, за святое дело, за Отечество! Победим!» — и пошёл на японцев впереди знамени полка, увлекая за собой солдат.

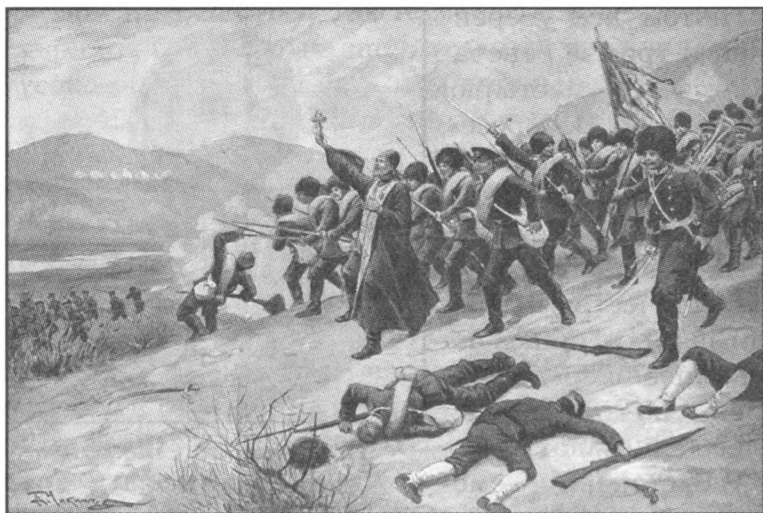

*Протоиерей Стефан
Щербаковский*

Благодаря смелой решительности священника, русские воины, исполнившись мужества, прорвали японские цепи и вышли из окружения. В ходе боя Щербаковский получил два тяжёлых ранения. Сначала пуля попала ему в руку, в которой он держал крест, и тот выпал. Священник остановился, поднял крест другой рукой и продолжил вести солдат на японцев. Вторая пуля угодила отцу Стефану в грудь, и он упал, потеряв сознание.

Причётник полковой церкви унтер-офицер Перч, находившийся во время атаки рядом с отцом Стефаном, перевязал рану священника и помог солдатам вынести своего пастыря на руках с поля боя.

«Яростное сопротивление наших шести батальонов 32 японским, — подводит итог сражению русский военный историк А.А. Керсновский, — ввело Куроки в заблуждение относительно нашей численности: каждый наш полк он считал за дивизию. После боя ему были представлены раненые и

*Полковой священник о. Стефан Щербаковский,
дважды раненный, идёт с крестом в руках впереди
11-го восточно-сибирского стрелкового полка*

попавшие в плен русские офицеры. Узнав от них, что против его армии дрались всего два полка, Куроки поклонился им: «В таком случае, господа, поздравляю вас, вы герои!» Под Тюренченом 6 000 русских с 30 орудиями дрались с 36 тысячами японцев при 128 орудиях».

Отец Стефан вместе с другими ранеными был эвакуирован в Ляоян. Когда его везли в санитарном поезде, в пути скончался один из тяжело раненых солдат. В таких случаях умершего обычно выносят из вагона на ближайшей станции. Отец Стефан, узнав, что солдата могут похоронить без церковного отпевания, очень заволновался.

— Как же так? Зарыть православного человека без христианского напутствия. Нет, нет, это невозможно!

Отец Стефан, сам тяжело раненый, преодолевая боль, встал, надел епитрахиль, взял святой Крест и Евангелие, а затем при участии причётника совершил чин отпевания.

Находясь на излечении в госпитале, отец Стефан всё время думал о возвращении к своей пастве и немедленно по выздоровлении снова выехал на фронт.

Подвиг Стефана Щербаковского произвёл большое впечатление на русское общество. В газетах его подвиг называли «чудом храбрости, спокойствия и мужества».

Вот как описывает самый критический момент участник сражения под Тюренченом капитан М.Н. Левитский в своём стихотворении, опубликованном в воспоминаниях об этой войне в 1910 году:

*...Среди живых, среди могил
Хаос и ад, и грохот дикий...
Но вот полковник крикнул нам:
«Забрать всех раненых с собою,
Не оставлять своих врагам!
Штыком пробьёмся мы! за мною...»
И нас повёл, вперёд идя,
Но пуля вражья поразила
Насмерть любимого вождя.
Тогда на место командира
Священник наш отец Стефан
С крестом в руках встаёт пред нами,
Подъёмля крест пред небесами,
Ведёт бойцов на вражий стан:
— За крест, за родину! за мною!..
И мы пошли... Со всех сторон
Несётся грохот, свист и стон*

*Над омрачённою землёю,
И у священника из рук
Валится крест на землю вдруг;
Но он, без слов творя молитву,
Другой рукой его берёт.
И снова рать ведёт на битву.
И снова мы пошли вперёд.
Другая пуля поразила
Навылет нашего отца.
И кровь камня оросила,
Взывая к благодати Творца.
Но мы идём. Тесней к знамёнам
Сомкнули острые штыки,
И офицеры-смельчаки
Идут пред нами; батальонам
Атаку трубят звучно хор:
Врагам навстречу быстро мчится
В душе решённый приговор —
Иль умереть, или пробиться...»*

При посещении лазарета Елизаветинской общины Красного Креста в Харбине, где находился на излечении отец Стефан, командующий Русской Армией генерал А.Н. Куропаткин лично вручил ему офицерский орден святого Георгия Победоносца.

В воспоминаниях отца Стефана об этом бое мы читаем: «Встал я 18-го числа рано, в три часа ночи. Я знал, что бой будет отчаянный, и решил исполнить свой пастырский долг до конца, показав воинам пример самоотвержения и любви своею смертью... В 4 часа я помолился Богу, составил завещание и встал в знамённой роте. В три часа пополудни полк выстроился и под звуки полкового марша двинулся в атаку на наступавших японцев.

Я надел
епитрахиль,
взял крест,
благословил
солдат и с
пением «Хри-
стос Воскре-
се!» пошёл во
главе стрел-
ков знамени-
ной роты.
Картина была
поразитель-
ная, гран-

*Протоиерей Стефан Щербаковский
(4-й слева) среди офицеров,
раненных в Тюренченском бою*

диозная. Без малейшего колебания шли славные стрелки на верную смерть, в адский огонь, среди рвущихся снарядов. Только каждый, перед тем как двинуться в бой, крестился. Потом всё смешалось. Музыка тут же смолкла. Кто побежал вперёд, кто упал убитым или раненым. Я почувствовал сильный удар в руку или ногу и упал навзничь, потеряв сознание».

Стефан Щербаковский стал первым священником, награждённым Георгиевским Крестом в Русско-Японскую войну и пятым георгиевским кавалером среди священнослужителей за всю историю существования этого ордена. Командующий армией генерал-адъютант Куропаткин не забыл и храброго помощника полкового священника церковного причётника Перча. Он наградил его 100 рублями и представил к солдатскому Георгиевскому кресту.

За свою службу в годы Русско-Японской войны отец Стефан получил ещё немало военных наград. Так, 26 декабря 1904 года он был награждён орде-

ном св. Владимира 4-й степени с мечами, а 15 июня 1905 года орденом св. Анны 2-й степени с мечами.

По окончании Русско-Японской войны о героическом священнике не забыли, и в 1906 году ему был вручен золотой наперсный крест на Георгиевской ленте из Кабинета Его Императорского Величества. В этом же году он поступает в Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

Одновременно с обучением в академии отец Стефан служил прикомандированным священником в церкви лейб-гвардии Егерского полка во имя св. мученика Мирона. Этот храм являлся домовою церковью Протопресвитера военного и морского духовенства.

Окончив в 1910 году Духовную академию с учёной степенью кандидата богословия, отец Стефан был возведён в сан протоиерея и назначен настоятелем церкви святых и праведных Захарии и Елизаветы при лейб-гвардии Кавалергардского полка в Санкт-Петербурге.

С началом Первой мировой войны в 1914 году протоиерей Стефан Щербаковский оставляет мирную жизнь в Петербурге и отправляется на фронт полковым священником Кавалергардского Ея Величества Государыни Марии Фёдоровны полка.

На этой войне отца Стефана ждали новые подвиги и новые награды. За храбрость, проявленную в боях у деревни Ваббельн 30 июля 1914 года и при деревне Каушен 6 августа 1914 г., его наградили орденом св. Владимира 3-й степени с мечами. В 1916 году отец Стефан становится благочинным 1-й кавалерийской дивизии.

1 (14) сентября 1914 года в семи верстах от города Мариамполь, Сувалкской губернии, на границе с Восточной Пруссией произошло чудесное

явление, свидетелями которого оказались поручик Александр Зернец и солдаты из обоза гвардейской кирасирской бригады. На небе из яркой звезды явилась Матерь Божия с Богомладенцем и около получаса указывала рукой на запад. Сразу после явления Божией Матери развернулось сражение, в ходе которого немецкие войска были вытеснены из Августовских лесов, а русские части вновь вышли на границу Восточной Пруссии. Протоиерей Стефан Щербаковский как благочинный 1-й гвардейской кавалерийской дивизии возглавил специальную комиссию для освидетельствования этого чуда и, убедившись в достоверности чудесного происшествия, составил докладную записку о чудесном явлении Царицы Небесной императору Николаю II. По указанию императора были напечатаны большим тиражом армейские листовки, на которых было изображено явление Божией Матери с кратким поясняющим текстом об этом событии. Для увековечения памяти этого чудесного явления, по благословению Святейшего Синода была написана икона Божией Матери, получившая название Августовская. Многочисленные списки с неё были почитаемы в народе.

После 1917 года военное духовенство, как и вся Русская Церковь, в полной мере испытало на себе тяжесть гонений. И первые проявления безбожной политики государства в отношении военных священников начались вскоре после февральской революции.

С приходом к власти большевиков открылся список военных пастырей, убитых за веру. Так, в декабре 1917 года был расстрелян севастиопольский протоиерей Михаил Чафранов, впоследствии включённый в список новомучеников, канони-

зированных Русской Православной Церковью за границей. Протоиерей Михаил был обвинён в том, что причащал матросов, приговорённых к смерти. Интересна и трагична судьба главного священника Юго-западного фронта протоиерея Василия Грифцова. Ситуация, сложившаяся на фронте, побудила протоиерея оставить своё служение. «Что случилось с о[тцом] Грифцовым... не знаю, — писал протопресвитер Георгий Шавельский в конце 1940-х годов. — Последнее известие о нём: в 1918 году его видели пришедшим в Курск в рабочем костюме, с мешком и топором за плечами». Протопресвитер, по-видимому, до конца дней своих считал протоиерея Василия Грифцова пропавшим без вести. На самом деле к моменту написания мемуаров отца Василия Грифцова уже давно не было в живых: в 1918 году он был расстрелян красноармейцами.

В период красного террора в 1918 году был расстрелян как заложник настоятель военного Адмиралтейского собора в Санкт-Петербурге священномученик протоиерей Алексей Ставровский. В том же году было убито ещё несколько бывших военных пастырей. Это герой русско-японской войны священномученик протоиерей Сергей Флоринский, а также священномученики протоиерей Алексей Сабуров, иерей Николай Пробатов и иерей Стефан Хитров.

Не избег мученического венца и протоиерей Стефан Щербаковский. В 1918 году отца Стефана арестовала Одесское ВЧК. А в скором времени бесстрашного священника, не раз проливавшего свою кровь за Отечество и веру, расстреляли.

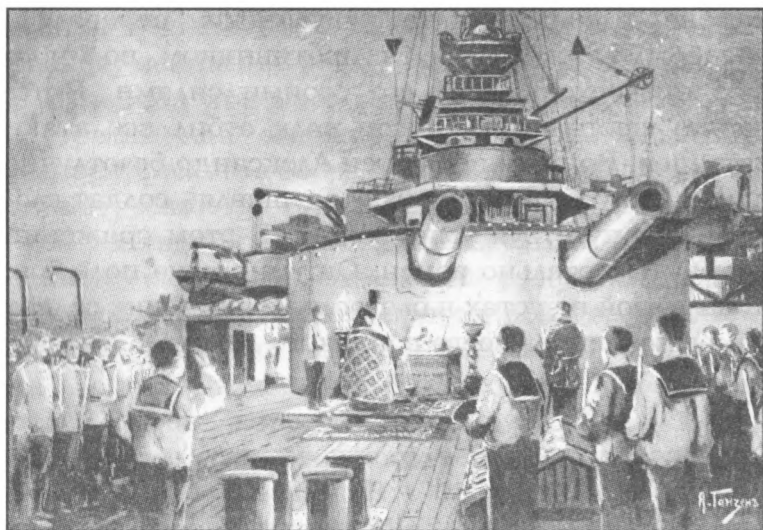
Священник 122-го тамбовского полка — Александр Любомудров

Перед выступлением 122-го Тамбовского полка из Харькова в середине мая 1904 года его полковой священник, отец Александр Любомудров совершил молебен о даровании победы русскому оружию и сохранении жизни воинам. А затем он обратился с напутственным словом к уходившим на фронт. Вдохновение, с которым говорил священник, произвело потрясающее впечатление на слушателей. Когда же он призывал достойно выполнить свой долг перед Родиной, один из солдат, не будучи в силах сдержать своих чувств, закричал: «Постараемся, батюшка!»

Через два месяца Тамбовский полк уже участвовал в сражении на Ющулинском перевале и выдержал тяжёлый бой с противником, во много раз превосходившим его своими силами. В течение шестнадцати часов полк отбил все атаки японцев. Во время боя отец Александр безотлучно находился на передовой, воодушевляя солдат словом и напутствуя умирающих. В этом сражении он был смертельно ранен. Он умирал на поле боя, с молитвой на устах и благословляя русских солдат на выполнение своего воинского долга.

ГЕРОИЗМ СУДОВЫХ СВЯЩЕННИКОВ В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ

Многие полковые священники Маньчжурской Армии были удостоены боевых орденов, а шесть из них были представлены к золотому наградному кресту на Георгиевской ленте. Награждённые крестами на Георгиевской ленте священники пользовались такими же преимуществами, как офицеры — георгиевские кавалеры. Но и среди судовых священников было немало представленных к этой высокой награде за проявленную ими храбрость и отвагу во время морских сражений.

*Светлая заутреня на рейде Порт-Артура
(иллюстрация для журнала «Огонёк»,
худ. А.В. Ганзен)*

Священник Михаил Руднев — крейсер «Варяг»

27 января 1904 года японская эскадра из семи броненосцев и восьми эскадренных миноносцев неожиданно появилась у Корейского порта Чемульпо, где на рейде стояли два русских боевых корабля: крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Японский адмирал Уриу предъявил командирам русских кораблей ультиматум о сдаче.

— Сдачи не будет! — отвечали им русские, решив принять неравный бой с превосходящими силами противника.

Не желая подвергать опасности экипажи других иностранных судов, стоящих на рейде в том же порту, русские корабли вышли в открытое море.

В четырёх километрах от порта разразилось жестокое сражение. Буря ударов обрушилась на «Варяга» и «Корейца». Непрерывный огонь продолжался более сорока минут. На борта, палубу, мостик «Варяга» выстрелы сыпались, как град. Было подбито несколько орудий, сбиты обе рубки, снесена одна из дымовых труб; в нескольких местах на крейсере вспыхнул пожар.

Бесстрашные русские моряки показали в этом бою необычайный героизм, поразивший весь мир. Японской эскадре были нанесены чувствительные поражения. Один из японских миноносцев затонул. Флагманский броненосец «Асама» получил повреждения; между его трубами показался огонь, и судно сильно накренилось. Был повреждён и японский крейсер «Чиодо».

«Русские сражались, — писал один из английских корреспондентов, — с храбростью, которую

недостаточно назвать храбростью, — это было неистовство, а не храбрость».

Подвиг великого самопожертвования и отваги в бою у Чемульпо проявил священник крейсера «Варяг» отец Михаил Руднев.

По традиции, восходящей к петровским временам, перед боем судовой священник надевает облачение красного, пасхального цвета, чтобы напомнить воинам, что смерти нет, и самым своим видом как бы возглашая: «Где твое, смерть, жало? Где твоя, аде, победа? Воскресе Христос, и ты низвергся еси!»

Такое красное облачение надел по сигналу боевого горна и судовой священник крейсера «Варяг» отец Михаил Руднев, который, как было сказано в реляции, «во время боя бестрепетно ходил по залитой кровью палубе, напутствуя умиравших и воодушевляя сражавшихся...»

Когда капитан объявил, что предстоит бой, отец Михаил тотчас же подошёл к аналою, взял судовой образ святого Александра Невского и вышел благословить команду. Все выстроились на палубе. Воцарилась благоговеиная тишина. Отец Михаил торжественно и горячо читал молитву. Богослужение на «Варяге» было недолгим. По окончании молитвы, набожно крестясь, команда прикладывалась к образу. Приняв благословение пастыря, матросы спешно расходились по местам. Взяв образ в руки, отец Михаил стал на видном для всех месте, чтобы каждый из членов экипажа, взглянув на образ, мог вспомнить о том, что в тяжёлую минуту жизни он становится под защиту Божию.

Через несколько минут, подняв боевые флаги, «Варяг» и «Кореец» спокойно и гордо вышли навстречу врагу. Завязался неравный бой.

Отец Михаил не покидал сражающихся. Он помогал переносить и перевязывать раненых. Вместе со всеми тушил пожары, утешал страждущих, давал последние напутствия умирающим.

Более 4 000 снарядов выпустили японцы. Палуба «Варяга» была залита кровью, усеяна обломками дерева и железа; красавец-корабль почернел от дыма.

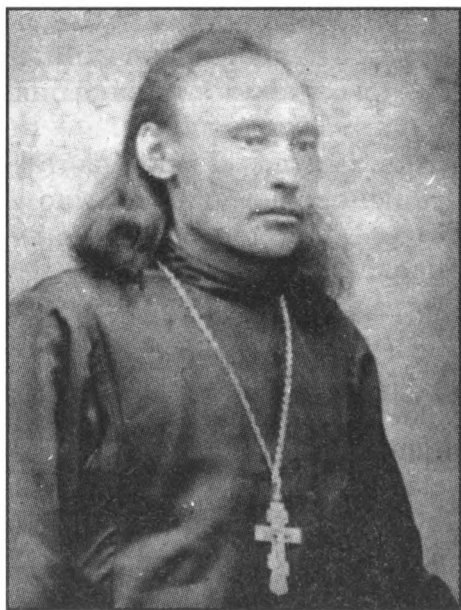
Убедившись в невозможности прорваться к своим, русские взорвали канонерскую лодку «Кореец» и затопили крейсер «Варяг».

19 марта 1904 года в Одесском порту была устроена торжественная встреча героев Чемульпо.

Под громовый салют орудий командир порта вручил оставшимся в живых морякам «Варяга» присланные из Петербурга георгиевские кресты. Священнику отцу Михаилу Рудневу «За отличное мужество и самоотверженное поведение, проявленное в бою 27 января», был вручен золотой наперсный крест на георгиевской ленте.

Иеромонах Алексей (Оконешников) — корабельный священник крейсера «Рюрик»

1 августа 1904 года крейсер «Рюрик» вступил в неравный бой с шестью японскими крейсерами. Вот как описывает героизм русских матросов во время этого сражения корабельный священник иеромонах Алексей (Оконешников): «Ужасные картины: кто без рук, без ног, без челюсти, окровавленные, разбитые; живой за секунду внезапно разорван на мелкие куски неприятельским снаря-

*Иеромонах Алексей
(Оконешников)*

дом; меня всего обрызгало кровью и кусками человеческого тела. И при этом сколько геройства: тяжело-раненные кричали «ура!», один матрос собственными руками отрезал болтавшуюся разбитую ногу, добрался до пушки, выстрелил и тут же умер... Узнав, что взорвать судно нельзя, так как уничтожены все провода, лейтенант Иванов отдал приказ от-

крыть кингстоны и распорядился выносить раненых, чтобы привязывать их к койкам и бросать за борт. Видя это, я пошёл исповедовать умирающих: они лежали на трёх палубах по всем направлениям. Среди массы трупов, среди оторванных человеческих рук и ног, среди крови и стонов я стал делать общую исповедь. Она была потрясающая: кто крестился, кто протягивал руки, кто, не будучи в состоянии двигаться, смотрел на меня широко раскрытыми, полными слёз глазами... Я начал было исповедовать раненых, причащать их не представлялось возможности. Всюду было тесно, я боялся пролить Св. Дары. Скоро пришлось отложить и исповедание. Я спустился в лазарет, наполнил карманы подрясника бинтами и стал ходить

по верхней палубе и батарейной палубам и делал перевязки. ...Я перевязывал раненых, в это время начался пожар, мы с лейтенантом стали тушить его и потушили. ...Говорят, осталась только одна кормовая пушка. Я побежал туда и увидел 5-6 человек матросов, схватил снаряд, понёс к пушке, а матросы стреляли из неё. Корабль постепенно погружался. Я исповедовал людей группами, перебегая от одной к другой».

Отец Алексей вместе с оставшимися в живых моряками попал в плен. Как духовное лицо был отпущен и при этом умудрился вывезти из плена знамя корабля. За героизм иеромонах Алексей (Оконешников) был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Смело действовали во время боя 28 июля 1904 года корабельный священник крейсера «Аскольд» иеромонах Порфирий, священник крейсера «Россия» о. Феодосий Станкевич, священник крейсера «Громобой» о. Георгий Фёдоров, воодушевлявшие матросов и бесстрашно разделявшие судьбу своего корабля.

Незабываем подвиг иеромонаха Порфирия, корабельного священника крейсера «Аскольд», входившего в состав 1-й Тихоокеанской эскадры. 28 июля 1905 года крейсер в составе эскадры вышел в море для прорыва во Владивосток и принял участие в бою с японским флотом. После атаки неприятелем русской кильватерной колонны вышел из неё и, приняв управление на себя, вызвал огонь японцев. Во время боя отец Порфирий героически воодушевлял матросов на верхней палубе.

Крейсер «Олег»

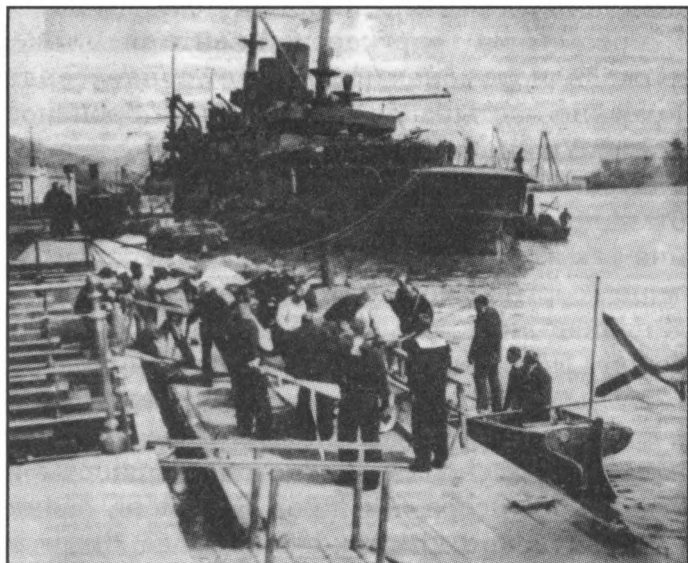
Командир крейсера «Олег», капитан 1-го ранга Л.Ф. Добротворский, вспоминая Цусимское сражение 14 мая 1905 г., особо отмечал заслуги корабельного иеромонаха Порфирия, своим бесстрашием и полным равнодушием к опасности подававшим пример самоотвержения и честного

Офицеры и строители крейсера «Олег» на палубе, 1904 г. Во втором ряду третий слева старший офицер, капитан 2 ранга Посохов, четвёртый слева — старший судостроитель Мустафин, пятый слева — командир, капитан 1 ранга Добротворский, крайние справа — священник, иеромонах отец Порфирий и старший судовой врач Аннин. В третьем ряду первый слева — младший штурман, мичман Букгевден, рядом с ним — младшие судовые механики Мельницкий и Злебов; четвёртый слева — младший артиллерийский офицер, лейтенант Серебрянников

выполнения христианского долга. «За всё время боя, — писал Добротворский, — он был повсюду в самых опасных местах. Обходя палубу и спускаясь неоднократно в перевязочный пункт, он всюду успевал принести пользу, где словом, а где и делом». За Цусимское сражение 14 мая 1905 г. судовые священники иеромонах Порфирий (крейсер «Олег») и иеромонах Георгий (крейсер «Аврора») награждены наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Геройски вёл себя во время Цусимского сражения священник крейсера «Светлана» иеромонах Феодор (Хандалеев). Во время пожара на корабле он «от начала до конца выстоял на брандспойте».

Броненосец «Победа» после подрыва на mine 31 марта 1904 года, по трапу поднимается корабельный священник броненосца отец Никодим

Иеромонах Пожарского Успенского монастыря Никодим, являвшийся священником на броненосце «Победа», во время подрыва корабля на mine организовал заводку пластыря на пробоину. В дальнейшем, когда вблизи Порт-Артура 24 ноября 1904 г. броненосец был японцами потоплен, отец Никодим два дня подряд нырял на глубину, пока не достал Антиминс, сундучок со Святыми Дарами и часть ризницы, которые были перевезены им в 9-й Ингерманландский полк 3-ей Маньчжурской армии. Иеромонах Никодим был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Иеромонах Никаноровой пустыни Гавриил с крейсера «Диана» награждён наперсным крестом на Георгиевской ленте за отлично-усердное исполнение пастырских обязанностей. Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте был так же награждён иеромонах Иона за отлично-усердное исполнение пастырского служения на броненосце «Адмирал Ушаков». Иеромонах Герасим с погибшего в Цусимском бою броненосца «Сисой Великий» за отлично-усердное исполнение пастырского служения так же награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Священник крейсера 1-го ранга «Дмитрий Донской» Пётр Никитич Добровольский награждён скуфьей и золотым крестом на Георгиевской ленте. Таких же наград удостоились: иеромонах Герман с броненосца «Севастополь», иеромонах Виталий с крейсера «Адмирал Нахимов», священник Квантунского флотского экипажа Димитрий Нещеретов, священник крейсера «Паллада» Николай Исидоров.

Доблестно выполняли свои обязанности священники крейсеров «Россия» и «Громобой» Феодо-

сий Станкевич и Георгий Фёдоров, награждённые орденами святой Анны 2 степени. Священник корабля «Синоп» Куньев Анатолий Георгиевич награждён орденами: св. Владимира 4-й степени с мечами и св. Анны 3-й ст. с мечами и камилавкой. Священник Квантунского флотского экипажа Нещеретов Дмитрий Ефимович награждён орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, крестом на Георгиевской ленте и камилавкой. Все упомянутые флотские священники отличились мужеством во время боя, бесстрашно исполняя свой пастырский долг.

Сохранились воспоминания очевидцев о смелом поведении во время Цусимского сражения иеромонаха Ионы, корабельного священника броненосца «Адмирал Ушаков». Описывая последний бой и гибель этого броненосца, Н.Н. Дмитриев замечает: «Кстати, скажу несколько слов о нашем милом «ушаковском» батюшке. Ещё далеко не старый человек, всегда являвший собою образец и воплощение скромности, доброты и кротости, отец Иона во время боя приносил огромную пользу. Дело в том, что, бывши в молодости фельдшером в одном из стрелковых полков, он не утратил своих медицинских познаний и во время сражений делил труды с нашим доктором и фельдшером...» Другой очевидец пишет: «Израненный, объятый пламенем броненосец погружался в море, сильно накренившийся на правый борт. Раненых обвязывали пробковыми матрасами, батюшка осенял крестом, и затем их бросали в воду. Отец Иона стоял на баке с юным фельдшером, почти мальчишкой. Этот последний почему-то мешкал и не решался броситься в воду. На вопрос батюшки, отчего он медлит, ответил, что забыл в каюте образок — благосло-

вень матери — и не знает, как ему быть. Раздумывать было некогда, но батюшка всё-таки ему сказал: «Если благословение матери, то попытайся достать. Бог поможет!» Быстро фельдшер исчез, слова батюшки побороли в нём колебания, и через весьма короткий промежуток времени он с сияющим, счастливым лицом появился на верхней палубе с образком в руках».

Впоследствии иеромонах Иона был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте за отлично-усердное исполнение пастырского служения на броненосце «Адмирал Ушаков».

Иеромонах Назарий — священник флагманского эскадренного броненосца «Князь Суворов» погиб в бою 14 мая 1905 года, у острова Цусима. «Монах не только по платью, но и по духу», — отзывается об отце Назарии в своих воспоминаниях капитан 1 ранга В. Семёнов.

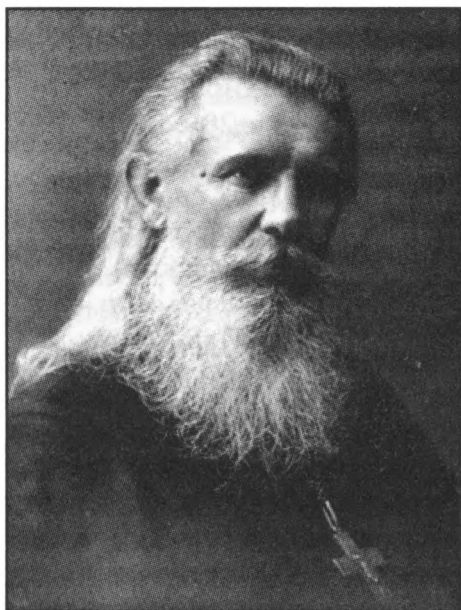
Броненосец был сильно разбит, из вооружения уцелело лишь одно орудие. Когда к «Суворову» под обстрелом японцев подошёл миноносец «Буйный» для снятия адмирала Рожественского, уцелевшим офицерам «Суворова» было предложено перейти на миноносец, на что они ответили отказом. Отец Назарий остался с командой на погибающем корабле. Когда отец Назарий был сражён целым градом осколков, к нему бросились доктор и санитары. Но священник отстранил их, приподнялся и твёрдым голосом начал говорить: «Силою и властью... — и, начав захлёбываться собственной кровью, подступившей к горлу, торопливо закончил: — отпускаю прегрешения во брани убиенным». При этом он благословил окружающих крестом, которого не выпускал из рук, и упал без сознания.

В 19:30 «Суворов» был окружён японцами. Не имея возможности стрелять, русский крейсер, отказавшись сдаться, был торпедирован и затонул. Отец Назарий погиб вместе с 28 офицерами, 15 кондукторами и 925 матросами.

До последнего дыхания исполнял свой пастырский долг на броненосце «Ослябя» иеромонах Троице-Сергиевой Лавры Виктор (Никольский). Когда судно стало тонуть, а команда бросаться в воду, он отказался покинуть корабль. Иеромонах Зиновий (Дроздов) в книге «С эскадрой до Цусимы» описывает последние минуты жизни пастыря так: «Подошёл было к борту и отец Виктор. На минуту задумался, махнул рукой, перекрестился и пошёл в каюту. «Куда уж мне старику», — были его последние слова. Судно пошло ко дну. Вместе с ним погиб и отец Виктор. Добрый пастырь мужественно разделил последнюю участь со своими духовными чадами, убитыми неприятелем».

Корабельные священники проявили духовное мужество не только в русско-японской войне, но и после революции, в годы гонений многие не посрамили чести военного духовенства. Для примера расскажем о судьбе корабельного священника крейсера «Россия» Феодосия Станкевича.

Протоиерей Феодосий Филиппович Станкевич родился 11 января 1872 года в с. Черлинково Подольской губернии в семье псаломщика, окончил Подольскую Духовную семинарию. В августе 1901 г. по собственному прошению назначен судовым священником на броненосец Тихоокеанской эскадры «Сисой Великий», потом — на броненосный крейсер «Россия». В морских сражениях Русско-японской войны был ранен, получил контузию. За усердное служение и мужество

*Священник Феодосий
Станкевич, 1930 г.*

в боях награждён орденом св. Анны с мечами.

Позже был духовником целого отряда судов, благочинным береговых военных церквей Одесского военного округа. В 1918-1919 гг. работал конторщиком в штабе Морской обороны, а по уходу красных войск, как записано в уголовном деле, «возобновил свою духовную деятельность»:

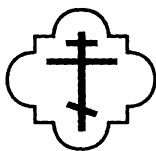
окормлял раненых в госпиталях, служил в Николаевской церкви в Татарской Слободке, позже — настоятелем Митрофаньевской церкви. Отец Феодосий не мог соглашаться с политикой грубого вмешательства советской власти во внутреннюю жизнь Церкви, которая выражалась в изъятии церковного имущества, репрессиях против духовенства и верующих, поддержке обновленческого движения. Всё это через агентурных работников становилось известным органам ОГПУ. 13 июня 1927 года его арестовывают. На очередном допросе он отвечает: «Я строго придерживаюсь заветов Христа, и, если отступлю, я не буду христианином». Его лишили права проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе,

Ростове-на-Дону и в Крыму сроком на три года и выслали в г. Мелитополь.

15 ноября 1937 года священника вновь арестовывают. На этот раз его пытаются обвинить в участии в «контрреволюционной фашистской организации церковников», которую чьё-то воспалённое воображение представляло охватившей своей разветвлённой сетью всю Днепропетровскую область. 65-летнего, практически глухого после контузии, священника освобождают только в конце декабря, продержав в тюрьме больше года и так и не добившись от него признания. В сентябре 1941 года общим собранием прихожан церкви во имя святителя Алексия, Митрополита Московского посёлка Круча о. Феодосий избирается настоятелем. Здесь он служил почти до самой своей смерти, наступившей в 1950 году. В 1943 году в своём Послужном списке батюшка пишет замечательные слова, которые могут служить девизом и одновременно кратким итогом его 55 годов священнического служения: «От Веры Христианской Православной, от Церкви Христовой, от Святых Правил Апостольских и Соборных, святоотеческих, а равно — и от священного сана, который ношу, — не отрекался». Во время Великой Отечественной войны он помог многим избежать отправки на работы в Германию. За молитвенной помощью к нему обращались многие, в том числе и партийное руководство города. Имеются свидетельства очевидцев о том, что эта помощь была действенной: по молитвам батюшки происходили исцеления тяжёлых болезней, например, эпилепсии, рожи.

25 августа 2012 года на расширенном заседании Священного Синода Украинской Православной Церкви под председательством Блажен-

нейшего митрополита Киевского и всея Украины Владимира было принято решение о причислении к лику местночтимых святых исповедников Запорожской епархии протоиерея Феодосия Станкевича (1872-1950 гг.).

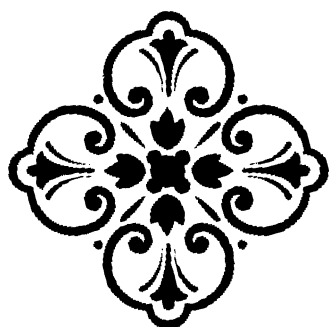

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

**Героним
духовенства
в Первую мировую
войну**

1914-1918 гг.

Один из замечательных русских полководцев, генерал А.А. Брусилов, вспоминая о неудачах русской армии в 1915 г., писал: «В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастёрок мелькали чёрные фигуры: полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой».

Полковые священники в полной мере разделили со своей паствой все трудности армейской жизни. Они вместе с солдатами жили в окопах, шли в бой, горели и тонули в русских боевых кораблях.

За период войны с 1914 по 1918 года около 2 500 священников были отмечены государственными наградами за проявленный ими героизм на полях сражений.

Протопресвитер Г. Шавельский писал: «О деятельности военного духовенства на театре военных действий я имел счастье слышать блестящие отзывы от обоих Верховных Главнокомандующих. В конце 1916 года Государь как-то сказал мне: «От всех приезжающих ко мне с фронта военных начальников я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах армии». Ещё решительнее, в присутствии чинов своего штаба, отозвался в 1915 году великий князь Николай Ни-

колаевич: «Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии».

Жизнь иеромонаха Антония (Смирнова) как непрестанный подвиг во имя Церкви и Отечества

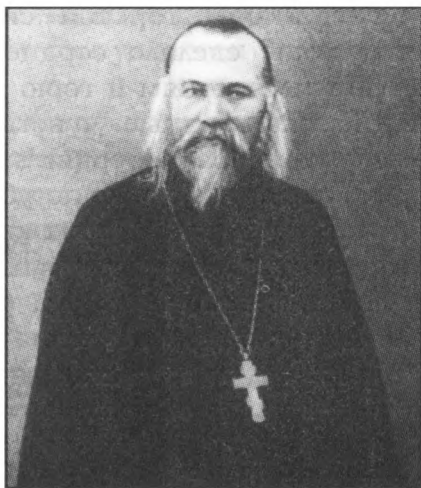
Если за всё время существования ордена Св. Георгия со времён императрицы Екатерины II и до Первой мировой этой высочайшей военной награды были удостоены пять священников, то за время войны 1914-1917 годов к этому списку прибавилось ещё тринадцать священников-героев. И первым среди награждённых в эту войну стал 70-летний священник линейного корабля-заградителя «Прут» иеромонах Антоний (Смирнов).

Иеромонах Антоний, в миру Иван Иванович Смирнов, родился в 1843 году в деревне Николаевка под Могилёвом в бедной крестьянской семье. Семи лет от роду Ваня остался круглым сиротой и был отдан в услужение в семью чиновника городской управы.

Незавидную участь детей, живущих на услужении в чужом доме, сумел мастерски изобразить в своём бессмертном произведении замечательный русский писатель Антон Павлович Чехов. Нашему же Ваньке Смирнову, в отличие от его тезки Ваньки Жукова, некому было даже пожаловаться на издевательства, чинимые хозяевами. Не выдержав унижения и побоев, мальчик сбежал из дома и стал скитаться по городам и весям Белоруссии.

Господь не оставил сироту своей милостью. Голодный и оборванный мальчуган вызвал жалость у одной сердобольной женщины, ехавшей из Се-

вастополя в Петербург. Это была жена морского офицера Бутакова Елизавета Андреевна. Хорошая женщина отогрела, накормила, переделала мальчика-сироту и взяла его с собою в столицу. Всё это случилось поздней осенью 1853 года, когда Ване уже исполнилось десять лет.

*Иеромонах Антоний
(Смирнов)*

Попав в семью морского офицера, Ваня Смирнов буквально заболел морем. Он оказался на редкость смышлёным пареньком и сумел за один год освоить четырёхгодичный курс училища и поступить в Кронштадтскую школу юнг. После завершения учёбы юный моряк с другими учениками школы совершает плавание на парусном фрегате «Архангельск» вокруг Европы.

Продолжая упорно заниматься самообразованием, Иван Смирнов в девятнадцать лет успешно сдаёт экзамены за полный курс реального училища. Это открывало даровитому юноше дорогу к получению высшего образования, хотя с этим пришлось повременить, так как подоспело время отбывать воинскую повинность.

Военную службу Иван Смирнов проходит в лейб-гвардии Уланском полку, где вскоре получил чин унтер-офицера. Его полк в 1863 году принимает участие в подавлении Польского восстания.

Испытание горькой сиротской доли в детские годы сделало сердце Ивана сострадательным к несчастиям и горю других людей. Именно такие благородные чувства подвигли молодого унтер-офицера совершить должностное военное преступление, чуть не погубившее его самого.

Будучи начальником караула, Иван Смирнов отпустил 12 арестованных молодых повстанцев, пленённых ранее в боях с русскими войсками. Он взял с них слово не участвовать больше в восстании, при этом понимая, что за свой поступок сам может быть осуждён на каторжные работы. Божией милостью Иван избег наказания. Командир полка полковник В.В. Татищев, человек гуманный и благородный, понял истинные мотивы поступка своего подчиненного. Иван Смирнов отделался месячным арестом с содержанием на гауптвахте.

По окончании службы Смирнов вновь вернулся к учёбе. Он с отличием окончил Кронштадтское мореходное училище, поступил на службу в Российское общество пароходства и торговли в качестве штурмана одного из судов.

В пароходстве он служит недолго. Спокойная жизнь претит его горячему сердцу, исполненному сострадания к своим православным братьям славянам, которые борются с ненавистными работодателем. Иван Смирнов уходит сражаться за свободу Сербии от турецкого ига в составе русского легиона. Позже он, уже в качестве военного моряка, будет воевать за свободу Болгарии против турок на пароходе «Великий князь Константин» под командованием капитан-лейтенанта С.О. Макарова, будущего великого адмирала России.

За героизм, проявленный в этой освободительной войне, Смирнов был удостоен 3-х боевых орденов.

В Сербии Иван Смирнов познакомился с сестрой милосердия Юлией Стуковенковой, дочерью широко известного в России профессора медицины. Война — жестокое время. Но именно на войне, среди боли и крови, среди страданий и смерти, все чувства обостряются до крайности. И это не только чувство ненависти, но ещё чаще чувство любви. Такая сильная взаимная любовь вспыхнула в сердцах молодых людей. Они решили пожениться, хотя родители невесты не одобряли этого решения, считая брак своей дочери с человеком невысокого происхождения, не равным ей, невозможным. Но, несмотря на эти препоны со стороны родителей, Иван и Юлия повенчались в Белграде, в храме св. Павла без их согласия. Посаженым отцом на их свадьбе был легендарный генерал М.Г. Черняев, главком сербской армии.

Счастье молодых супругов длилось недолго. Юлия, натура пылкая и увлекающаяся, связалась с террористической организацией народо-вольцев.

Иван по своим политическим убеждениям был либералом, сторонником конституционных реформ без кровопролития, но убедить жену отказаться от её идей ему не удалось. Несчастье случилось, когда Иван находился в длительном плавании. Юлия переехала к родителям и вместе со своими соратниками организовала на даче отца подпольную мастерскую по производству взрывчатки.

В результате несчастного случая в мастерской произошёл взрыв, от которого погибли трое студентов Киевского университета, членов подполь-

ной организации. Потрясённая этим Юлия покончила жизнь самоубийством.

Смерть любимой жены стала тяжким испытанием для Ивана. Он, потеряв всякий интерес к жизни, начал спиваться. Неизвестно, чем бы всё это закончилось, не повстречайся ему на пути отец Иоанн Кронштадтский. Благодаря беседам и молитвам великого Российского праведника произошло чудо: Иван Смирнов преобразился. Он не только бросил пить, но и решил посвятить свою жизнь служению Богу.

По благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского Иван Смирнов стал монахом бугульминского Александро-Невского монастыря Самарской епархии, приняв в постриге имя Антония.

В конце XIX–начале XX веков Россия интенсивно развивает свой военно-морской флот. На кораблях не хватает судовых священников. Тут-то командующий Балтийским флотом вице-адмирал С.О. Макаров и вспомнил своего храброго морского офицера, ставшего теперь монахом. Он рекомендовал иеромонаха Антония (Смиронова) на флот корабельным священником. Так отец Антоний, теперь уже в ином качестве, вновь оказался на действующем флоте.

В Русско-японскую войну отец Антоний прошёл всю Порт-Артурскую страду, в составе частей морской пехоты участвовал в сражениях, как на море, так и на суше.

После капитуляции Порт-Артура отец Антоний мог бы спокойно уехать в Россию, ведь на священника не распространялся режим военного плена. Однако отец Антоний не захотел оставлять вверенной ему Богом паствы и добровольно, вместе со своим экипажем, ушёл в неволю.

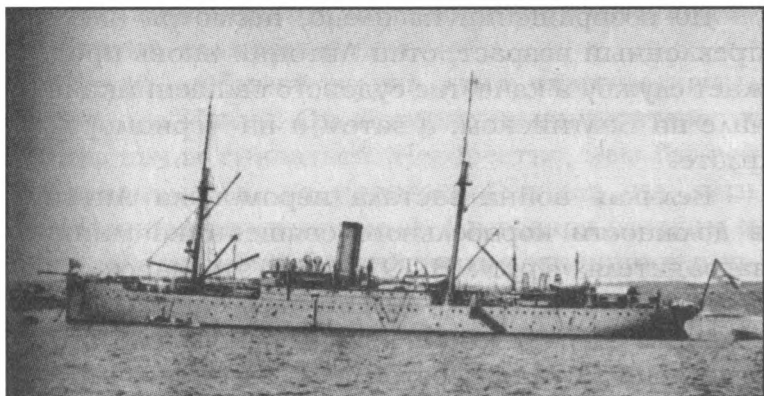
По возвращении из плена, несмотря на свой преклонный возраст, отец Антоний вновь продолжает службу в качестве судового священника вначале на Балтийском, а затем и на Черноморском флоте.

Великая война застала иеромонаха Антония в должности корабельного священника минного заградителя «Прут». В 1914 году это пароход водоизмещением 5 459 тонн являлся единственным большим заградителем Черноморского флота. Паства отца Антония состояла из экипажа, в который входило 9 офицеров, доктор и 296 матросов. Командовал «Прутом» коренной черноморец, капитан 2 ранга Г.А. Быков.

Война с Турцией ещё не началась, но с целью наблюдения за турецким флотом были использованы снабжённые радиотелеграфом корабли Русского общества пароходства и торговли, на которых когда-то начинал свою морскую службу отец Антоний. И вот эти-то пароходы, совершавшие рейсы в Константинополь и вдоль берегов Анатолии снабжали своими сведениями штаб Черноморского флота в Севастополе.

15 октября 1914 года было получено сообщение с парохода «Княгиня Ольга», что около 5:30 дня русский пароход встретил у Босфора германо-турецкий отряд. Следом пришло другое тревожное сообщение с парохода «Великий князь Александр» о том, что в 10:20 утра, на высоте Амастры, т.е. в 140 милях восточнее Босфора, он встретил «Гебена» в сопровождении двух миноносцев.

В такой тревожной обстановке «Прут» совершал своё плавание от Севастополя к Ялте. Поздно вечером было расшифровано общее радио флоту: «Положение весьма серьёзное. «Гебена» видели око-

Минный заградитель «Прут»

ло Амастры. С рассветом быть готовыми к съёмке с якоря». Командир заградителя Быков приказал затемнить корабль и ходовых огней не зажигать. Он лично всю ночь не сходил с мостика.

Дувший днём ветер постепенно затих и горизонт очистился. После полуночи, когда уже открылись огни Ялты, «Прутом» была получена телеграмма: «Ночь держаться в море. После рассвета возвращайтесь в Севастополь, вскрыв, если появится неприятель, пакет 4-Ш» (пакет с распоряжениями на случай войны и планами заграждений). Немного спустя поступило общее радио заградителям: «Завтра приготовиться ставить мины».

Ночь прошла в сильном нервном напряжении, а в 5:20 утра было получено общее радио флоту: «Война началась». Не имея никаких новых инструкций, «Прут», находясь вблизи Севастополя, повернул на точку «А», чтобы ставить минные заграждения на подступах главной военно-морской базы Черноморского флота. В это же утро находившийся в дозоре 4-й дивизион, в составе трёх устаревших

миноносцев, получил от комфлота радио: «В случае появления неприятеля поддержите «Прут»».

После побудки капитан приказал экипажу «Прута» готовиться к постановке минного заграждения. Начался рассвет. Несмотря на то, что видимость из-за тумана была плохая, с заградителя всё же сумели разглядеть зарево со стороны берега. Оно продолжалось 18 минут, что могло быть только от сильной канонады. Из этого Быков заключил, что между ним и Севастополем находятся вражеские корабли. Чтобы избежать с ними встречи, капитан приказал увеличить ход и повернуть на юго-восток, в направлении на Балаклаву.

Так оно и случилось. Флагман турецкого флота линейный крейсер «Султан Селим», а в действительности немецкий линейный крейсер «Гебен» под командованием германского контр-адмирала Сушона, в сопровождении миноносцев обстрелял главную базу Черноморского флота — Севастополь. Турция без объявления войны начала военные действия против России.

Вражеский крейсер смог подойти к Севастополю так близко, потому что не были ещё в достаточной мере выставлены минные заграждения. Но русские моряки в Севастополе не растерялись и под огнём противника вступили в бой, не дожидаясь команды сверху. После того как германский крейсер получил три попадания крупными снарядами, он вынужден был отойти от Севастополя и направился в море, где должна была произойти его неизбежная встреча с русским заградителем «Прут».

Три русских миноносца 4-го дивизиона, которым командовал капитан 1-го ранга князь Трубецкой, шли параллельным курсом левее «Прута». Они первые заметили приближение вражеского крейсера.

Увеличив свой ход, миноносцы повернули влево навстречу немецкому крейсеру. Это была бесстрашная атака маленьких миноносцев Трубецкого на тяжело-вооружённую бронированную громадину, каковым в сравнении с миноносцами являлся «Гебен».

Немецкий крейсер открыл огонь по отважным миноносцам из всех орудий. Флагманский миноносец «Лейтенант Пушкин» был накрыт четвёртым залпом «Гебена». На корабле вспыхнул пожар, вышла из строя прислуга носовой подачи. Следующим залпом смело с мостика всех сигнальщиков, разбило штурманскую рубку и привод штурвала.

С «Прута» не могли видеть этот неравный бой, но капитану Быкову и так было ясно, что теперь неприятель находился недалеко. Как бы подтверждая эти догадки, вскоре слева был замечен силуэт большого корабля, почти сразу опознанного как «Гебен». Вражеский крейсер шёл большим ходом наперерез, и стало очевидным, что уйти от него «Пруту» не удастся. Видя это, Быков принял решение затопить заградитель.

Капитан приказал остановить корабль, но заднего хода не дал, чтобы заградитель, постепенно замедляя свою скорость, продолжал идти вперёд. Это было сделано, чтобы отходившие от заградителя шлюпки и бросавшиеся в воду люди быстро оказались за кормой, что позволило бы им избежать опасности от снарядов «Гебена» и возможного взрыва 710 мин, находившихся на борту.

Мест в шлюпках не хватало, и часть команды была вынуждена прыгать в воду и держаться за брошенные за борт койки.

Командир корабля, капитан 2-го ранга Быков передал приказание в машину открыть все кингстоны и травить пар из котлов. Кроме него и

ещё двух старших офицеров, на борту заградителя оставался престарелый корабельный священник иеромонах Антоний. Он с крестом в руках благословлял людей на палубе. Некоторые матросы замешкались, не решаясь прыгать в воду. Священник подбадривал их словами утешения и надежды на помощь Божию.

Крейсер «Гебен» поднял сигнал: «Предлагаю сдаться». В ответ на это на фок-мачте взвился большого размера парадный шёлковый Андреевский флаг. Командир спустился в каюту и приступил к уничтожению шифров и секретных документов, а отец Антоний оставался на палубе.

Увидев, что русские не собираются сдаваться, «Гебен», зайдя с правого борта, с расстояния около 25 кабельтов, открыл залповый огонь. Переполненные матросами шлюпки в поспешности отходили от заградителя. Первый залп лёг перелётом, но второй попал в полубак, вызвав пожар и убив боцмана.

Желая ускорить потопление заградителя, командир приказал взорвать подрывные патроны. На мостике взрыв был слышен слабо, но заградитель чувствительно трянуло. Стала заметно оседать корма «Прута». Считая, что теперь всё сделано, командир приказал оставшимся на борту спасаться, сам же решил не покидать корабль, а погибнуть вместе с ним.

Между тем снаряды продолжали рваться в разных частях корабля, вызывая новые пожары. Однако ни одна мина так и не детонировала. Один снаряд надломил фок-мачту, и она наклонилась под углом, но большой Андреевский флаг продолжал на ней развеваться. Наконец пожар охватил всю носовую часть корабля. Языки пламени и дым высоко поднимались в небо.

Один из сопровождавших «Гебен» миноносцев, став по носу «Прута», начал бессмысленно стрелять в русский корабль из своего орудия. Все снаряды, не попадая в заградитель, ложились за кормой, где ещё находились шлюпки и плавали люди. Выходило так, что немец расстреливал беззащитных моряков. Одним из этих снарядов был убит брошенный в воду мичман Смирнов. Командир, увидев, как немецкий миноносец губит моряков, хотел выстрелами из 47-мм орудия отогнать миноносец, но нос «Прута» настолько поднялся, что по близко стоящему миноносцу надо было стрелять, наклонив дуло орудия вниз, но станок орудия не позволил этого сделать.

Отважный капитан всё ещё пытался направить кормовую пушку на немецкий миноносец, когда сам был ранен в спину и контужен в голову. Какое-то время он ещё стоял, пытаясь удержаться на ногах, но разрывом одного из последних снарядов был сброшен за борт в воду. Вблизи оказалась переполненная шлюпка, которая поспешила

Гибель «Прута»

на помощь своему капитану. Но тот, зацепившись руками за планширь, отказался занять в ней место и приказал спасать плавающих вблизи матросов.

Вдруг среди дыма показался иеромонах Антоний. Он спустился до нижней ступени трапа. Матросы ему закричали и замахали руками, направляя свои шлюпки к кораблю и желая спасти священника. Но отец Антоний, увидев, что все шлюпки переполнены, отрицательно покачал головой и вновь стал подниматься по трапу на корабль. Он скрылся, а вскоре появился на палубе в красном пасхальном облачении с крестом в правой руке и Евангелием в левой. Среди огня и взрывов отец Антоний встал под андреевский флаг корабля и благословлял матросов, пел молитвы.

Эта картина поразила не только русских моряков, в молчаливой скорби взирающих на своего храброго пастыря, но и врагов. Вот как описал это немецкий офицер с крейсера «Гебен»: «Слева по борту — облако дыма. Мы сближаемся полным ходом. На горизонте показываются мачты парохода. Достаточно крупная посудина. Он, должно быть, очень спешит: это выдает высокий бурун перед его носом. Пока идём на него, видим, как с кормы сбрасывают мины, стараясь скорее освободиться от них. Но русский корабль опоздал. Раздался наш предупредительный выстрел и сигнал флагами: «Остановиться».

Он сразу же останавливается и спускает шлюпки. Экипаж поспешно прыгает за борт. И когда палуба опустела, вдруг увидели, как на корме кто-то двигается. Человек остался наверху! Присмотревшись внимательно, по одежде узнали священника. Он стоит рядом с военным флагом и не собирается покидать борт. Не хочет покидать корабль! В ле-

вой руке священник держит Библию, а в правой — крест. У нас нет времени задерживаться и уговаривать его покинуть корабль. Первый залп ложится с недолётом, второй попадает в корпус у ватерлинии, снова взрыв... На наших глазах корабль медленно, словно раздумывая, уходит под воду. На палубе всё сыплется за борт. В считанные минуты посудина кренится и вместе со священником уходит под воду. До последней минуты священник стоял под сенью Андреевского стяга и благословлял уходящий на шлюпках экипаж минного заградителя».

Так геройски погиб 71-летний иеромонах Антоний (Смирнов). В свои последние минуты жизни он думал не о себе, а молился о спасении своих духовных чад. Молитвы старца были услышаны Богом. Капитана Быкова и 69 матросов подобрала подошедшие турецкие миноносцы. Оставшиеся 3 офицера и 199 матросов были спасены подошедшими к месту трагедии русскими кораблями. Самого отца Антония посмертно представили к высокой награде — ордену святого Георгия Победоносца IV степени.

Победа врагов словом

Если отец Анатолий Смирнов стал первым священником, награждённым в 14-ом году орденом Георгия Победоносца 4-й степени, то первым в этой войне, кого наградили наперсным крестом на Георгиевской ленте, стал священник 58-го Прагского полка Парфений Холодный. Его полк действовал тогда в Галиции. Отец Парфений вместе с полковым врачом и одним из младших офицеров в двухколке переезжали по мосту реку. Тут они и наткнулись на засаду, сидевшую под мостом. Выскочив

с ружьями наперевес, австрийские солдаты окружили двуколку. Отец Парфений не растерялся, а, осенив крестом своих врагов, вышел к ним навстречу с иконой «Спаса Нерукотворного».

*Подвиг русского священника.
Военный лубок*

Не дав опомниться австрийским солдатам, он обратился к ним с увещанием. Батюшка горячо убеждал их, что не стоит братьям проливать кровь. Он уверенно говорил о том, что впереди и позади большие русские отряды, засаде не уйти от гибели, а поэтому лучше, не проливая крови, сложить оружие. Речь отца Парфения была понята, так как среди напавших большинство были чехи и угроруссы. Пошептавшись между собой, они начали сдавать оружие, которое было сложено в двуколку. Пленив таким образом 23 австрийских солдата и двух офицеров, отец Парфений привел их в находившийся недалеко штаб полка.

«Легендарный священник» — протоиерей Сергей Соколовский

В марте 1915 года на австрийском фронте русские войска готовились к решительному прорыву. Перед 7-м Финляндским стрелковым полком была поставлена задача атаковать противника на своём участке. Но для успешной атаки полка необходимо

было разрушить проволочные заграждения на позициях противника.

Местность хорошо пристреливалась, и любая попытка смельчаков подойти к заграждению не только не приносила успеха, но и заканчивалась большими потерями русских солдат.

Тогда полковой священник Сергей Соколовский вызвался лично организовать вылазку. «Ваше ли это дело, батюшка?» — спросил его командир. Священник ответил: «Оставим, господин полковник, этот вопрос. Полк должен уничтожить заграждения. Почему же я не могу сделать это? Это же не убийство». Командир полка дал разрешение, и отец Сергей отправился в одну из рот. «Кто со мной рвать заграждения?» — обратился он к солдатам. Вызвалось несколько десятков человек.

На полях ещё лежал снег, и потому священник обрядил добровольцев в белые простыни, заменившие им маскхалаты.

Под покровом глубокой ночи смелый священник повёл свой маленький отряд к вражеской позиции. Хотя сам отец Сергей в этой вылазке был ранен пулей в бедро, но проволочные заграждения всё же были уничтожены. Это позволило полку провести успешную атаку и разгромить противника.

Узнав об этом геройском подвиге, протопресвитер Георгий Шавельский на рапорте написал: «...горжусь чудной работой о. Соколовского...» За свой подвиг отец Сергей Соколовский был представлен командиром 7-го Финляндского полка к ордену св. Георгия 4-й степени.

В 1916 году 7-й Финляндский стрелковый полк был переведён на французский фронт. Отец Сергей и здесь проявил чудеса храбрости, не раз совершая вместе с разведчиками вылазки в непри-

ягельский стан для взятия «языков». Французы, которых трудно удивить военной доблестью, прозвали отца Сергея «легендарным священником».

В одной из таких вылазок отец Сергей был дважды ранен. Оба ранения были тяжёлыми, одно из них привело к потере кисти правой руки. За свою храбрость и самоотверженность протоиерей Сергей Соколовский был удостоен высшей военной награды Франции — ордена Почётного Легиона и Военного Креста.

Об этом подвиге свидетельствует архивный документ, который мы приводим полностью.

«Главный Штаб. — 18 декабря 1916.

В Духовное управление при Протопресвитере Военного и Морского Духовенства.

Главный Штаб препровождает, для сведения, копию телеграммы ген. Палицына за № 725 о подвиге протоиерея Соколовского на французском фронте.

Шифрованная телеграмма.

5 декабря сводная рота 6 полка произвела нападение на германскую позицию для захвата пленных. Рота исполнила порученное дело, потеряв убитыми 5 человек, в том числе прапорщика Новикова и ранеными 21, в том числе 3-х офицеров и протоиерея Соколовского, Георгиевского кавалера, раненого в руку и в бок с повреждением лёгкого. Во французском дивизионном госпитале вследствие большой потери крови отцу Соколовскому понадобилось перелить постороннюю кровь. Свои услуги предложил французский санитар Матирин Потье.

После этой операции батюшка пришёл в сознание. Получив донесение, я предложил генералу Марушевскому за самоотверженный поступок Потье возложить на него от имени Его Величества Ге-

оргиевский крест 4-й степени. Французское правительство украсило отца Соколовского Почётным Легионом и военным крестом. Состояние батюшки безнадежное, офицеров благоприятное.

Шантильи. Палицын».

Несмотря на переливание крови, протоиерей Сергей Соколовский всё же умер от ран во французском военном госпитале. Умер с молитвой на устах и верой христовой в своём храбром сердце.

О подвиге священника 9-го Драгунского полка Василия Шпичек

На Юго-Западном фронте 9-й Казанский драгунский полк получил приказ атаковать, но был остановлен жестоким огнём противника. Драгуны стояли в нерешительности, и тогда неожиданно перед полком вылетел на своей лошадёнке скромный и застенчивый полковой священник отец Василий Шпичек с криком: «За мной, ребята!» — и тут же понёсся вперёд. За священником бросилось несколько офицеров, а уже за ними весь полк. Атака была настолько стремительной, что опрокинутый враг обратился в бегство. Победа была полной.

За свой подвиг священник Василий Шпичек был награждён Георгием 4-й степени.

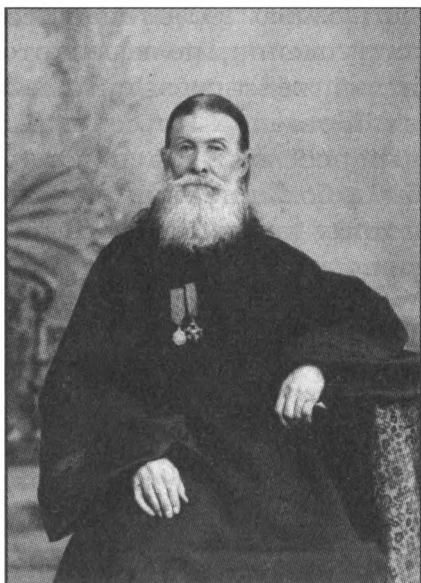
Отважный старец — иеромонах Евтихий (Тулупов)

О подвиге скромного старца-иеромонаха Евтихия (Тулупова) можно вспоминать лишь с чувством восхищения и преклонения пред необычайной доблестью и мужеством этого человека.

Узнав о начале войны, пожилой иеромонах Евтихий в 1914 году добровольно покинул свою обитель — Богородицко-Площанскую пустынь в Брянском уезде Орловской губернии и отправился на фронт полковым священником.

Свой преклонный возраст отец Евтихий не считал серьёзным препятствием для служения в армии. Огорчала его только необходимость питаться с общей воинской кухни, ведь за долгие годы монашеской жизни старец совсем отвык от скоромной пищи.

На фронте отец Евтихий каждодневно подвергал свою жизнь опасности, посещая окопы. Здесь он не только молился вместе с солдатами, но и беседовал с ними, и эти беседы простого русского и самобытного человека были понятны и дороги людям, постоянно находящимся на грани жизни и смерти. Во время сражений, под пулями противника, бесстрашный монах прямо на поле боя исповедовал и причащал тяжелораненых, а после боя отпевал и хоронил убитых. Трудился отец Евтихий и в госпитале, помогая сёстрам милосердия ухаживать за ранеными.

*Иеромонах Евтихий
(Тулупов),
священник 289-го
Коротоякского полка 73-й
пехотной дивизии*

Осенью 1914 года, после неудачного летнего наступления, полк, в котором служил отец Евтихий, вёл тяжёлые бои, отходя вместе с армией из Восточной Пруссии. В ходе боя за пограничный посёлок Эйдкунен в ноябре 1914 года потери были большие, как ранеными, так и убитыми, а потому врачи полевого госпиталя выбивались из сил.

Именно в это время с отцом Евтихием повстречалась знаменитая в дореволюционной России певица Надежда Плевицкая. Она, как и многие русские женщины того времени, ушла на фронт работать сестрой милосердия. В своих воспоминаниях, изданных уже в эмиграции за границей, она пишет: «В околотке, куда я пришла, врачи выбивались из сил, и руки их были в крови. Не было времени мыть».

Полковой священник, седой иеромонах, медленно и с удивительным спокойствием резал марлю для бинтов.

— А ты откуда тут взялся? — обратился он ко мне. — И не разберёшь, не то ты солдат, не то ты сестра? Это хорошо, что ты пришла. Ты быстрее меня режешь марлю.

И среди крови и стонов иеромонах спокойно стал рассказывать мне, откуда он родом, какой обители и как ему трудно было в походе привыкать к скоромному.

Мне показалось, что он умышленно завёл такой неподходящий разговор. «А может, он придурковатый?» — мелькнуло у меня, но, встретив взгляд иеромонаха, я поняла, что лучисто-синие глаза его таят мудрость.

Руки мои уже не дрожали и уверенно резали марлю, спокойствие передалось от монаха и мне.

Позже, через несколько месяцев, когда пробивался окружённый неприятелем полк, этот иеромонах, в облачении и с крестом, шёл впереди. Его ранило в обе ноги. Он приказал вести себя под руки. Он пал смертью храбрых».

Однажды по пути на передовую иеромонах Евтихий попал под пулемётный и пушечный обстрел германского бронированного автомобиля, к которому подслеповатый старец направлялся, приняв его за попутную подводу на шоссе. Вот как он сам с присущим ему юмором описывает этот случай: «Пошёл я с церковником в 14 роту тяжелораненого причастить, да идти было далеко и приустиали. Вижу, по «шоше» линейка едет. «Пойдём, говорю, Фёдоров, к линейке: она раненого до околотка доведёт. Пошли... А снаряды-то по дороге «тяп» да «тяп», то справа, то слева. Смотрю, линейка-то нас заметила и к нам подвигается. Пошли быстрее. А тут из окопа солдатик вылезает, да и говорит: «Батюшка, «сажайся» скорее в окоп, это по тебе «герман» из пушек стреляет...» — «Я, говорю, дойду до линейки...» — «А какая это линейка — это автомобиль».

Умудрённый глубокой верой и жизненным опытом, отец Евтихий умел, как никто, вселять мужество в сердца воинов накануне сражений. Глядя на своего бесстрашного старца, солдаты говорили: «Кто боится Бога, тот неприятеля не боится».

За стойкость и мужество, проявленные в боях на территории Восточной Пруссии, священник Евтихий (Тулупов) был награждён орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Летом 1915 года Коротоякский полк вновь участвовал в жестоких сражениях на германском фронте. В ходе боевых действий немцы стреми-

лись окружить 73-ю дивизию русской армии, и её полкам приходилось отходить, напрягая все силы для прорыва из смыкающегося вражеского кольца. Отход длился уже целую неделю. Семь дней непрерывных боёв и бессонных ночей измотали бойцов до крайности. Кухни были пусты, и люди питались одним горохом, который собирали тут же на полях. Полковые священники, офицеры и сам командующий дивизией в полной мере делили все невзгоды тяжкого похода со своими солдатами.

Утром 9 июля 1915 г. вблизи деревни Можейканы началась решающая схватка русских пехотинцев с пехотой и кавалерией противника, отрезавшими им путь.

К полудню бой достиг пика своего напряжения. Чтобы дать возможность отойти остальным частям корпуса, все запасные полки дивизии были выставлены на пути наседавшего, втрое превосходящего силою противника.

В самый решительный момент боя командир Коротоякского полка собрал последние шесть своих рот и повёл их рассыпной цепью в контратаку. Немедленно рядом с полковником появился полковой священник иеромонах Евтихий в епитрахили. Невысокий пожилой батюшка с трудом поспевал за командиром, идущим широким шагом впереди отряда. Седые волосы старца развевались по ветру, а в руке его, поднятой к небу, сиял позолоченный святой крест.

Впереди показалась неприятельская цепь и раздался ружейный залп. Одной из первых немецких пуль отец Евтихий был ранен в ногу, но кровь не охладила его порыва. Наскоро перевязав рану, он снова появился перед цепью и продолжал, хромя, идти рядом с командиром полка.

Со стороны противника началась беспорядочная стрельба, затрещали немецкие пулемёты, и русские цепи дружно ударили в штыки. Немцы отхлынули назад, оставив на поле боя груды тел. Когда полк закончил преследование разбитого врага, началась переключка и подсчёт потерь.

Тело отца Евтихия было найдено бездыханным на поле боя. Грудь священника была пронзена несколькими пулёмётными пулями. Его хоронили той же ночью в глухом лесу.

Ночь была безлунною. На похороны отца Евтихия собрался весь полк. Утомлённые боем и ещё пахнувшие пороховым дымом солдаты, построены в шеренги, безмолвно ждали, когда выкопят могилу. Ночную тишину леса нарушали лишь мягко шумевшие верхушки сосен да глухой стук лопат.

Но вот могила вырыта, и воины, обнажив головы, преклонили колени у гроба своего пастыря. Командир полка сказал прощальное слово над гробом героя-иеромонаха: «...Он не считался с опасностью и нисколько не боялся смерти. А когда пришёл час его, то он как пастырь добрый совершенно спокойно положил душу свою за овцы своя. Вечная память тебе, дорогой собрат наш!»

Пропели «Вечную память», и гроб с телом отца Евтихия опустили в свежую вырытую могилу. Быстро из отдельных горстей земли вырос могильный холм.

В печальном молчании расходились солдаты. На кресте сиротливо белела дощечка с надписью: «Здесь похоронен полковой священник К. полка, отец Евтихий Тулупов, иеромонах Богородицкой-Площанской пустыни, Брянского уезда, Орловской губернии, убитый в бою с германцами 9 июля 1915 года».

Подвиг иеромонаха Евтихия (Тулупова) в 1915 г. получил яркое освещение на страницах многих русских газет и журналов, а сам он был посмертно награждён орденом Святого Георгия IV степени.

Подробности жизни этого скромного православного монаха по крупицам собирала редакция журнала «Русский инок», предполагавшая его возможную канонизацию, направлявшая запрос в Площанскую пустынь и обращавшаяся к своим читателям с просьбой предоставить хоть какую-нибудь фотографию старца. Но эту работу пресекли трагические для России события 1917 года.

Ещё во время Первой мировой войны о подвиге иеромонаха Евтихия (Тулупова), старца Площанской пустыни, священник Аркадий Мамаев написал стихотворение:

Иеромонах-герой

*С крестом в руках и на груди
Он шёл с полком на подвиг бранный,
И всюду он был впереди,
Герой великий, дивный, славный!*

*Он был воистину отцом,
Был добрым пастырем пасомым.
Средь смерти с радостным лицом
Он шёл, ко встрече с ней готовый.*

*В окопах полк. Снаряды рвутся,
И стонет мать-земля, дрожит...
Стенанья, вопли раздаются...
И старец к страждущим спешит.*

*Здесь скажет слово ободренья,
Там умирающему даст
На новый путь благословенье
И облегчит в предсмертный час!*

*О, всюду он, отец Евтихий,
Как ангел светлый среди тьмы,
В неустрашимости великий
Идёт. За ним идут сыны.*

*В атаку полк. С полком и старец!
Поднявши крест над головой,
Идёт он рядом с командиром,
Ведя сынов всех за собой.*

*Христа завету всюду верный,
Был впереди всегда овец!
В бою он рану принял первый
И царства вечного венец!*

*Окончен бой. Среди убитых
Отца Евтихия нашли...
И в ближний лес от поля битвы
«Отца» солдаты унесли...*

*Шумит, гудит сосновый бор;
Стучат лопаты, землю роя!
Средь жуткой темноты ночной
Могилу роют для героя...*

*Вот командир прочёл молитву,
И, память вечную пропев,
Солдаты с скорбью в могилу
Спустили прах, осиротев...*

*Безлунна ночь. Повсюду мрак...
Но ты ушёл из мрака ночи!
Тебе был чужд могилы страх.
Смотрел ты светло смерти в очи.*

*Усни ж, герой, блаженным сном!
Ты славно путь свой совершил!
Идя всю жизнь с святым крестом,
За братьев душу положил!*

*Тебя Отчизна не забудет!
Собратья — память сотворят!
Легка земля тебе да будет!
Молись за Русь, герой-собрат!¹*

Иеромонах Амвросий — полковой священник 3-го Гренадёрского Перновского полка

Иеромонах Амвросий (Матвеев) родился в 1880 году в Осташкавском уезде Тверской губернии в простой крестьянской семье.

Образование получил в сельской школе, по окончании которой работал кузнецом, пока в 1903 году не был призван на военную службу в Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи. Здесь будущего героя и застала Русско-японская война, в которой он участвовал от начала и до конца.

Неизвестно, что произошло с Амвросием на войне, но после увольнения в запас он возвратился в свою родную Тверскую губернию и сразу же поступил послушником в Нило-Столбенскую пустынь.

¹ Журнал «Русский инок». Апрель-июнь, 2010.

В 1914 году началась Первая мировая война и 34-летний иеромонах Амвросий вновь был призван на военную службу, но уже по духовному ведомству. Вначале он был зачислен полковым священником в лейб-гвардии 1-й стрелковый полк, но вскоре его перевели в 3-й гренадёрский Перновский полк.

В июне 1915 года Перновский полк вёл особо тяжёлые бои. В какой-то момент утомлённые продолжительным боем гренадёры дрогнули и непременно обратились бы в бегство, если бы перед ними не предстал их храбрый полковой священник.

Отец Амвросий обратился к перновцам с горячим пастырским словом. Затем, являя собою при-

Молебен в станице

мер истинного бесстрашия, он с крестом в руке сам пошёл в атаку первых рядах. Воодушевлённые своим пастырем, гранадёры в решительной штыковой атаке опрокинули противника и разгромили с большими для него потерями.

В этом бою 24 июня 1915 года иеромонах Амвросий погиб. За свой подвиг, увенчанный самоотверженной и геройской смертью, он был посмертно награждён орденом Св. Георгия 4-й степени и орденом Владимира 4-й степени с мечами.

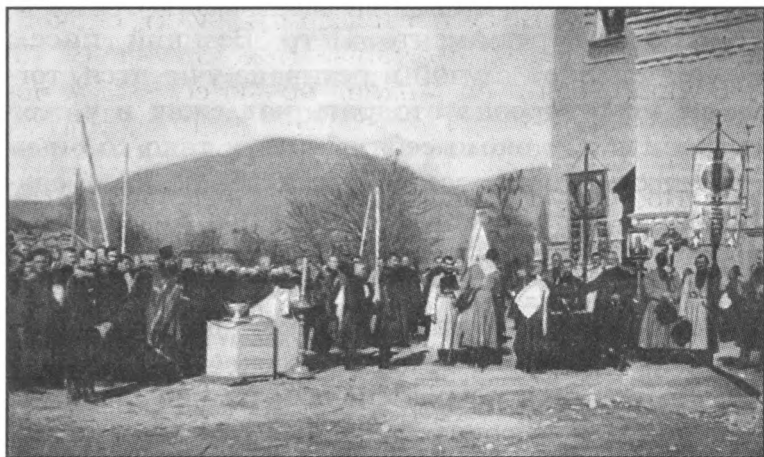
Храбрый батюшка Михаил Семёнов

Вот что писал об отце Михаиле Семёнове в своей реляции протопресвитеру военного и морского духовенства командир 5-го Финляндского стрелкового полка: «27 августа в бою при деревне Н отец Михаил, имея на груди дароносицу со Святыми Дарами, всё время находился на передовых позициях под жестоким шрапнельным и ружейным огнём. Здесь он лично перевязывал раненых, отправляя их затем на перевязочный пункт, спокойно напутствовал и причащал тяжелораненых. По окончании боя отец Михаил ночью совершил погребение здесь же, на передовых позициях, убитых в бою. 17 сентября в бою отец Михаил был контужен. Но, несмотря на это, лично вынес из-под огня тяжелораненого и доставил его на перевязочный пункт, где причастил всех раненых, напутствовал умирающих и похоронил убитых. 18 сентября в 12 часов дня противник стал сильно теснить левый фланг всего боевого расположения. В час дня батальон одного из полков не выдержал жестокого шрапнельного огня противника и стал поспешно оставлять позиции.

Видя серьёзность создавшегося положения, отец Михаил, надев епитрахиль, бросился вперёд и остановил отступающих. Воспользовавшись этой остановкой, одна из рот полка быстро продвинулась вперёд. А вслед за ней и дрогнувшие части пехоты вернулись на передовые позиции и блестяще выполнили возложенную на них боевую задачу.

За время боёв с 8 по 21 октября отец Михаил всё свободное время от исполнения своих обязанностей на прифронтовом перевязочном пункте проводил на передовой позиции. Здесь он, не обращая внимания на огонь противника, выполнял свои пастырские обязанности.

Во время боя 16 октября необходимо было доставить на передовые позиции патроны. Конюхи не решались проехать на позиции, так как дорога, проходившая около трёх вёрст по открытому месту, обстреливалась в это время сильным огнём. Тогда отец Михаил смело повёл все двуколки, чем и обеспечил общий успех стрелков».

Молебен перед походом

Не прошло и месяца после написания этой репортажа, как отцу Михаилу вновь подвернулся случай проявить свою необыкновенную отвагу. Случилось это, когда командир полка вместе с другими офицерами и отцом Михаилом вошли в помещение, предназначенное для них, а там оказалась неразорвавшаяся бомба. Отец Михаил не растерялся, а, спокойно перекрестившись, взял бомбу на руки, вынес её из помещения и утопил в протекавшей рядом реке.

Вот таким необыкновенным был этот храбрый полковой священник Михаил Семёнов, удостоенный летом 1915 года награждения орденом святого Георгия 4-й степени.

Спасение полкового знамени. Иеромонах Филофей (Антипычев), священник 209-го пехотного Богородского полка

В своём регламенте Пётр Великий писал: «А егда опасной случай в ретираде учинится, тогда знамя от древка отодрать надлежит и у себя схоронить или около себя обвить и тако со оным спастись». Знамя всегда считалось великой святыней полка, и, оберегая его, воины готовы были расстаться с жизнью, но защитить знамя. Сохранить знамя, значит, сохранить честь полка. Если знамя захватывал враг, то полк полностью расформировывался.

Священники не раз спасали полковые знамёна, понимая высокую духовную ответственность за честь и славу опекаемого ими полка. Так, в

Молебен перед боем

феврале 1915 года, после отхода 10-й русской армии из Восточной Пруссии, немцами был окружён XX армейский корпус в Августовских лесах. Создалась реальная угроза не только гибели русских офицеров и солдат, не только взятие их в плен, но и то, что знамя полка попадёт в руки врагов, а это значит навлечь бесславие и позор.

И тогда священник 209-го Богородского пехотного полка, иеромонах Филофей (Антипычев) вызвался спасти знамя. Перед прорывом из окружения он обернул полотнище полкового знамени вокруг своего тела. Знамя полка врагу не досталось, хотя сам отец Филофей пропал в Августовских лесах без вести.

За этот подвиг иеромонах Филофей (Антипычев) был награждён орденом святого Георгия 4-й степени.

Священник Иоанн Соколов

Есть и немало других примеров, когда священники спасали полковое знамя. Так, Черниговский полк 30 августа, после нескольких дней тяжёлых боёв, оказался в окружении. 700 человек пробились из окружения, но знамя вынести не удалось. Оно было снято с древка и спрятано на солдатской груди, под гимнастёркой. Знаменщик попал в плен.

Пленных Черниговцев и Полтавцев разместили в большом сарае, под охраной часовых. Беспokoясь об участи знамени и страшась обыска, хранивший его солдат, узнав среди пленных своего полкового священника отца Иоанна Соколова, подполз к нему ночью. Он рассказал священнику о спасении знамени. Считая, что священнику будет легче сохранить знамя, чем простому солдату, он просил отца Иоанна принять от него полотнище. Батюшка согласился. Тут же, не спуская глаз с часовых, солдат передал знамя священнику, а последний спрятал его под рясу.

Утром отца Иоанна вызвали в лазарет к умирающим. Воспользовавшись этим, он просил сестру милосердия забинтовать знамя на нём, что и было исполнено.

Вскоре в барак явился немецкий офицер и объявил, что император Вильгельм приказал отпустить на родину одного священника и десять солдат, которые могли бы свидетельствовать о том, как хорошо немцы обращаются с пленными. В бараке было несколько священников, но выбор пал как раз на отца Иоанна Соколова. На другой день были поданы две подводы, на которых батюшку и солдат в сопровождении немецкого унтер-офицера повезли в направлении границы.

Сразу по возвращении отец Иоанн отправился в Ставку, в Барановичи, где лично передал спасённое им знамя Великому Князю Николаю Николаевичу.

По реставрации и укреплении знамени на новом древке оно было возвращено в полк. Священника Иоанна Соколова Государь император лично наградил золотым крестом на Георгиевской ленте. Вот что писали тогда газеты: «Государю Императору, в 29 день минувшего сентября, благоугодно было лично Высочайше пожаловать при представлении Его Императорскому Величеству священнику церкви, 29 пех. Черниговского Генерал-Фельдмаршала графа Дибича Забалканского полка От. Иоанну Соколову, за спасение полкового знамени, золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, из кабинета Его Императорского Величества».

Игумен Нестор (Анисимов)

А вот ещё случай спасения полкового знамени священником. Игумен Нестор (Анисимов), приехал перед самой войной в Москву с Камчатки по делам своего Камчатского Братства. Но, узнав о начале войны, поехал добровольцем на фронт в составе санитарного отряда.

Вскоре отец Нестор стал военным священником в Лейб-гвардии Драгунском полку. Во время боёв в Восточной Пруссии неоднократно бывал с полком в конной атаке, вывозя непосредственно с поля боя раненых. Однажды и ему довелось спасти полковой штандарт. За спасение штандарта был награждён наперсным крестом на Георгиевской ленте.

В своих воспоминаниях игумен Нестор писал: «...неоднократно случалось смотреть в глаза смерти под градом пуль, среди рвущихся... снарядов и фу-

гасов, утешать напутственной молитвой умирающих воинов-страстотерпцев, а раненым облегчать страдания оперативной медицинской помощью. Любовь к ближнему и к Родине побеждали, заглушали во мне вспышки страха перед смертью. С таким же настроем я выполнял нередко даваемые мне командованием военные поручения, отправляясь на передовые позиции в сторожевую охрану. Приходилось подолгу находиться в окопах среди солдат, напутствуя их молитвой на бранный подвиг за Родину, за Русскую землю. Довольно часто мне поручали как вестовому срочно, под смертоносным огнём перевозить секретные донесения, а также бывать в разведке и участвовать в конной атаке»¹.

Кроме наперсного креста на Георгиевской ленте, игумен Нестор был награждён за участие в Первой мировой войне орденами Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Владимира 4-й степени.

Священник 42-й артиллерийской бригады Виктор Кашубский

Во время боя произошёл разрыв телефонной связи и стало невозможным корректировать огонь батарей. Чтобы найти и устранить разрыв, надо было пройти по открытой местности, хорошо простреливаемой противником. Охотников на такое дело не находилось. Тогда священник 42-й артиллерийской бригады отец Виктор Кашубский вызвался идти и устранить разрыв. Телефонист, ободрённый примером священника, пошёл вместе с ним. Линия была ими исправлена, и бой успешно продолжен.

¹ Митрополит Нестор. Моя Камчатка. Записки православного миссионера. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1995. — С. 228-229.

19 мая 1915 года в бою у деревень Раславица и Волина (в низовьях реки Сан) при отступлении нашей 3-й армии из Галиции отец Виктор отличился вновь. В самом разгаре боя он пришёл на позиции Луцкого пехотного полка, чтобы пастырским словом воодушевить солдат, готовящихся к атаке. После того как началась атака Луцкого полка, отец Виктор неожиданно с крестом в руке появился среди солдат 3-го батальона Белевского полка и увлёк их тоже в атаку на поддержку своих товарищей.

При этом священник бежал в первой шеренге атакующих, на ходу благословляя солдат крестом. Противник был сломлен и отброшен с огромными для него потерями, а угроза для наших войск ликвидирована.

За мужество и храбрость отец Виктор Кашубский был представлен к ордену св. Великомученика Георгия Победоносца 4-степени.

Полковой священник в окопах

Владимир Праницкий — священник 217-го Ковровского полка

Владимир Дмитриевич Праницкий родился в Одессе. Он принимал участие в русско-японской войне, за отличия в которой был награждён орденами св. Анны 3-й и 2-й степени. По возвращении с войны служил преподавателем Закона Божьего во 2-й Одесской мужской гимназии.

Началась Первая мировая война, которую русские люди воспринимали тогда как Отечественную. С самого начала войны отец Владимир ушёл добровольцем на фронт.

Вначале Праницкий был зачислен полковым священником в 281-й пехотный Новомосковский полк, а в 1915 году отца Владимира перевели в 217-й пехотный Ковровский полк. 19 мая 1915 г. с этим полком отец Владимир побывал в многих сражениях. Он исполнял свои пастырские обязанности под пулями на поле боя. Даже при самых жестоких атаках немцев священник не покидал ряды сражающихся, а всячески поддерживая своих солдат. В бою у Воли Шидловской отец Владимир был отравлен удушливыми газами и получил воздушную контузию. За отличие в сражении его наградили орденом св. Владимира 4-й степени с мечами.

В начале 1916 года иерея Владимира Праницкого возводят в сан протоиерея и переводят на должность благочинного 115-й пехотной дивизии. 24 февраля того же года он получает назначение полковым священником в 7-й Особый полк, находящийся на Салоникском фронте. Здесь за отличие в военных действиях отец Владимир был награждён сербским орденом Белого орла 5-й степени с мечами.

Подвиги протоиерея Владимира Праницкого не были обойдены вниманием и в Петербурге. Приказом Протопресвитера военного и морского духовенства от 10 ноября 1916 года отважный протоиерей был награждён орденом св. Георгия 4-й степени.

В 1917 году в связи с произошедшей в Петербурге февральской революцией в армии началось разложение. Отца Вла-

димира Праницкого неожиданно отстраняют от богослужения по обвинению в распространении листовок, в которых звучали призывы к неподчинению командованию и дезертирству. Как ни нелепо звучало обвинение, но назначенное следствие по этому делу выдало предписание отцу Владимиру оставить Грецию и вернуться в Россию.

Скорее всего, кто-то желал устранить истинного патриота, каковым являлся протоиерей Владимир Праницкий. Не ожидая в отношении себя справедливого разбирательства при новой власти, отец Владимир отказался подчиниться предписанию и вместо того, чтобы возвратиться в охваченную революционным пылом Россию, уехал во Францию. Скончался он в Марселе 4 июля 1918 года.

*Протоиерей
Владимир Праницкий*

Протоиерей Андрей Богословский, священник 6-го Финляндского стрелкового полка

Богословский Андрей Александрович родился 21 сентября 1869 года в селе Луковец Череповецкого уезда Новгородской губернии. Образование получил в духовном училище города Кириллова Новгородской губернии, а затем поступил в Новгородскую духовную семинарию. По окончании семинарии в 1889 году Богословский был причислен к Новгородской епархии.

Вскоре он женился и принял сан. В 1893 году отца Андрея зачисляют на военную службу священником при церкви Туркестанской стрелковой бригады. С 1897 года он служит в Ташкентском военном Спасо-Преображенском соборе.

С началом русско-японской войны отец Андрей просит перевести его в действующую армию. Просьбу отца Андрея удовлетворяют и назначают его полковым священником 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. 3 ноября 1904 года за боевые заслуги в Русско-японской войне отца Андрея награждают орденом св. Анны 3-й степени с мечами, а в конце этого же месяца орденом св. Анны с мечами уже 2-й степени.

В 1905 году отца Андрея представляют к награде орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и назначают благочинным 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

О русско-японской войне отцом Андреем Богословским были написаны две статьи мемуарного характера: «Впечатления военного священника на перевязочном пункте» и «Полковой праздник в Маньчжурии». Обе статьи были опу-

бликованы в «Вестнике военного духовенства» в 1905 году.

По окончании войны 3 февраля 1906 года отец Андрей получил золотой наперсный крест на Георгиевской ленте.

В 1907 году отец Андрей становится священником Сибирского флотского экипажа. В 1910 году его возводят в сан протоиерея и с 1913 года назначают благочинным всех Владивостокских морских церквей.

Перед началом Первой мировой войны протоиерея Андрея Богословского переводят с Дальнего Востока на должность полкового священника 6-го Финляндского стрелкового полка. Как опытного полкового священника, прошедшего геройски всю русско-японскую войну его избирают делегатом 1-го съезда военного и морского духовенства, проходившего с 1 по 10 июля 1914 года в Петербурге.

С началом Первой мировой войны отец Андрей уже в действующей армии на фронте. Батюшка презирал смерть и своею отвагою поддерживал воинский дух в русском солдате. Так, он 22 октября 1915 года, стоя на возвышении, благословлял каждого подходившего к нему воина, даже тогда, когда началась стрельба. Жизнь храброго священника спасла висевшая на его груди серебряная дароносица. Пуля, летевшая в сердце священника, ударилась в дароносицу, приняла боковое направление и только ранила его.

Приказом Протопресвитера военного и морского духовенства от 10 ноября 1916 года протоиерей Андрей Богословский за отличия в сражениях был награждён орденом св. Георгия 4-й степени.

В 1916 году отец Андрей был включен в состав Русского экспедиционного корпуса, направленного во Францию. На французском фронте он пребывал в качестве полкового священника 2-го Особого полка. В 1917 году отец Андрей удостоился высшей награды Франции — ордена Почётного легиона. После подписания большевиками Брестского мира протоиерей Богословский остался во Франции и стал священником Русского легиона чести.

2 сентября 1918 года с самого раннего утра Русский легион чести вёл тяжёлый бой с немцами под городом Ланом. Несмотря на уговоры офицеров не выходить из окопов, отец Андрей всё же пошёл в атаку вместе со всеми. Без каски, с развевающимися по ветру седыми волосами, он, высоко подняв в правой руке крест, шёл под огнём противника, на ходу благословляя русских воинов.

Французы-католики, пробегая мимо, с восхищением взирали на русского священника, а некоторые, осенив себя крестным знаменем, подбегали к отцу Андрею и целовали крест в его руке.

Когда первые лучи восходящего солнца освятили картину жестокого сражения под Ланом, бой был в самом разгаре и отец Андрей, как всегда, был в первых рядах наступающих, и пули словно обходили священника стороной. Но вот прямо перед священником разорвался немецкий снаряд, и он с залитым кровью лицом рухнул на землю, как подкошенный. К отцу Андрею подбежали санитары и, наскоро перевязав рану, понесли на носилках с поля боя.

Над полем битвы, словно хищные птицы, кружили немецкие аэропланы. Они из пулемётов

безнаказанно расстреливали наступающие ряды русских и французских солдат. Одна из таких пулемётных очередей добила раненого священника прямо на носилках.

Протоиерей Андрей Богословский не дожид до 49 лет всего девятнадцать дней. Французы, потрясённые героической гибелью русского священника, наградили его посмертно французским Военным крестом с пальмовой ветвью.

Протоиерей 154-го пехотного Дербентского полка Павел Смирнов

В Первой мировой войне 154-й Дербентский пехотный полк действовал в составе 1-го Кавказского армейского корпуса и особо отличился при разгроме турок под Эрзерумом, в этом есть заслуга и полкового священника протоиерея Павла Смирнова.

Эрзерум был «воротами» в Пассинскую долину и в долину Евфрата. Здесь сходились важные пути: на Батум, на Ольты и Ардаган, от Евфрата шли дороги на север — к Трапезунду и Ризе и на юг — к Мушу и Битлису. Поэтому в Первую мировую войну Эрзерум связывал воедино турецкий фронт на Кавказе, позволял манипулировать силами и резервами. Здесь же находилась главная тыловая база и центр управления 3-й турецкой армии.

Разумеется, столь важный стратегический пункт был хорошо защищён. Он и раньше представлял собой мощную твердыню, но при помощи немцев турки модернизировали старые фортификации, возвели новые, добавили пулемёты и артиллерию, и к концу 1915 года Эрзерум представлял собой огромный укрепрайон, где трудно-

проходимые горы в сочетании с мощными фортификационными сооружениями превращали его в неприступную крепость.

Чтобы попасть в самую Пассинскую долину, требовалось взять сильные Кеприкейские позиции. За ними дорогу в узком месте между горами перекрывала крепость Гасан-кала. А с севера на дальних подступах Эрзерум ограждали укрепленные населенные пункты Тортум, Вейчихас, Шаκляры, Кызыл-Килиса, Кош.

Кавказкой армией, воевавшей на турецком фронте, командовал один из самых талантливых и успешных генералов России во время Первой мировой войны Юденич Николай Николаевич. Он прекрасно понимал, что захватить укрепления Эрзурума с ходу нереально.

Юденич приостановил деятельное наступление своей армии и начал тщательную подготовку к штурму Эрзурума. Он лично руководил работой своего авиаотряда, ставя задачи на детальную разведку. Солдаты обучались предстоящим действиям на высотах в своём тылу. Продумывалось и отработывалось чёткое взаимодействие разных родов войск. Для этого командующий применил новшество. Он создал штурмовые отряды из полков пехоты на важнейших направлениях. Этим штурмовым отрядам передавались орудия, дополнительные пулемёты и сапёрные подразделения, чтобы разрушать долговременные укрепления врага.

Замысел Юденича состоял в том, чтобы прорвать фронт на северном правом фланге и, обойдя самые мощные оборонительные позиции турок, ударить на Эрзерум с западной, внутренней стороны хребта Деве-Бойну во фланг и тыл 3-й турецкой армии. А чтобы враг не мог усиливать одни

участки за счёт других, Юденич решил атаковать его одновременно по всей линии укреплений, десятью колоннами, без передышек и круглосуточно.

1-й Кавказский корпус под командованием генерала Калитина как раз и должен был действовать на северном правом фланге. 154-му Дербентскому пехотному полку предстояло взять сильнейшее турецкое укрепление Азапкея, расположенное у селения Тарходжа. Этот форт представлял собою каменную многоярусную башню с бойницами для орудий, приспособленных для круговой обороны. Подступы к форту защищались валами, системами рвов, между ними были установлены промежуточные батареи и пулемётные гнёзда. Так что турки могли перекрёстным огнём простреливать всю местность.

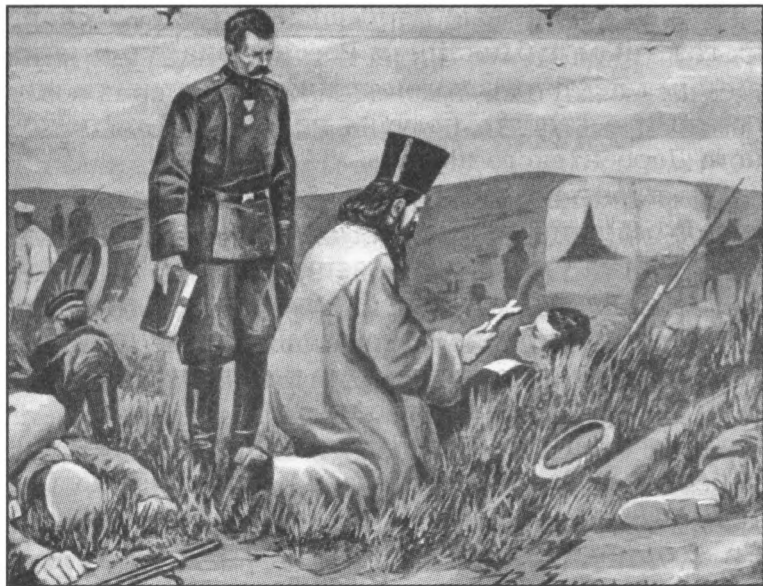
В рядах наступавших кавказских войск находились фронтовые корреспонденты. Благодаря их газетным публикациям Россия узнала о многих славных делах русского оружия. В частности широкую известность получил подвиг 154-го пехотного Дербентского полка.

За первые восемь дней боёв полк потерял всех своих старших офицеров, и тогда на штурм неприступных укреплений Азапкея пехотинцев-дербентцев повёл их полковой священник, протоиерей Павел Смирнов. В этой атаке священник был тяжело ранен, что привело его к лишению ноги, но турецкое укрепление было взято.

Имя отца Павла после этого случая стало геройским для всей Кавказской армии. 7 ноября 1916 года отец Павел был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени.

Священник 439-го пехотного Илецкого полка Михаил Дудицкий

В бою у стыка Ронских дорог 10 января 1917 года, под сильным артиллерийским огнём противника Илецкий полк понёс большие потери, как в нижних чинах, так и в офицерском составе. Тогда отец Михаил взял всю инициативу управления полком на себя. Вначале он обошёл все позиции, ободряя и воодушевляя солдат. Когда же 6-я рота, высланная из резерва на поддержку, потеряла при своём движении всех офицеров и рассеялась по лесу, отец Михаил под сильнейшим огнём противника собрал всю роту и лично отвёл её в передовые окопы. Это было очень своевременно, поскольку рота смогла оказать помощь полку в самый критичный момент боя.

Причащение раненого

Когда же 12 января выяснилось, что необходимо выслать последний резерв, священник сам повёл полуроту 438-го пехотного Охтенского полка. Под сильнейшим огнём противника отец Михаил довёл полуроту до передовых цепей. Влив эту подмогу в поредевшие цепи полка, священник повёл солдат в контратаку на противника, во много раз превосходившего их численностью. Во время атаки сам отец Михаил был ранен осколком артиллерийского снаряда, но немцы были отброшены. К этому времени прибыл офицер, и отец Михаил передал ему командование полком.

За свой подвиг иерей Михаил Дудицкий был награждён орденом святого Георгия 4-й степени.

Священник Черноярского пехотного полка Александр Тарноуцкий

19 октября 1916 г. в районе деревни Ульяновки шёл жестокий бой. Большая часть офицеров полка были или убиты, или тяжело ранены. Окопы среднего участка Черноярского пехотного полка были заняты противником. В этих тяжелейших условиях отец Александр сумел собрать остатки отошедших рот и с крестом в руках, под сильным ружейным и пулемётным огнём, повёл их в атаку на немцев. Воодушевлённые самоотверженным примером своего полкового священника, русские солдаты в упорной штыковой атаке выбили противника из своих окопов и восстановили прежнее положение.

Священник Александр Тарноуцкий в этом бою был смертельно ранен, и 31 августа 1917 года его посмертно наградили орденом Святого Георгия 4-й степени.

«Красный поп» — Василий Островидов

Кроме священников, награждённых офицерскими орденами св. Георгия Победоносца, были ещё два полковых священника, награждённые солдатскими Георгиевскими крестами. Судьба одного из этих священников настолько необыкновенна и удивительна, что вполне заслуживает внимания читателей.

Василий Андреевич Островидов родился 10 июля 1864 года в семье сельского дьячка с. Копены Аткарского уезда Саратовской губернии. По окончании Камышинского духовного училища он становится послушником монастыря. Монашеский постриг Василий не принял, почувствовал, что это не его призвание. Вскоре он оставил монастырь и ушёл в мир искать своего пути. Вначале он работал конторщиком на пристани и певчим в хоре, а затем учителем в одном из сёл Саратовской губернии. Великолепный бас, которым владел юный Василий Островидов, привлёк к нему внимание Самарского архиерея, и юноше поступило предложение стать дьяконом кафедрального собора города Саратова.

Но и дьяконом Василий долго не прослужил. В двадцать три года он оставляет церковную карьеру ради артистической. Приняв такое решение, Василий в 1887 году уезжает из Саратова в Первопрестольную, где поступает учиться пению в Московское музыкально-драматическом училище. Одновременно с учёбой он поёт в хоре Архангельского собора Московского кремля, а ещё подрабатывает в оперетте М. Лентовского.

Даровитый молодой человек был замечен в театральных кругах Москвы. На выпускном экза-

мене в 1892 году его бархатный тембр зазвучал в Большом Театре, где Островидов исполнял партию Руслана из оперы композитора Глинки «Руслан и Людмила». В том же году он дебютировал в партии Сусанина в опере «Жизнь за царя». Вообще со времени окончания училища и по 1897 год Василий Островидов с большим успехом выступает во многих городах России под сценическим псевдонимом — Тассин. Его талант высоко ценили Шаляпин и Римский-Корсаков. Последний подарил Островидову свой портрет с надписью: «Единственному Деду Морозу от автора «Снегурочки».

В 1897 году Василий Островидов уезжает в Милан совершенствовать своё вокальное искусство у самого Эрнесто Росси. Он успешно выступает в театрах Рима, Турина и других городах Италии в партиях Дона Базилио («Севильский цирюльник» Дж. Россини) и Мефистофеля («Фауст» Ш. Гуно). Исполнение Островидовым оперных партий отличалось простотой, отсутствием аффектации, но его густой, «бархатный» тембр голоса просто завораживал слушателей и всегда приносил Островидову неизменный успех, сопутствующий русскому певцу в Италии, как когда-то в России.

Что случилось со знаменитым на всю Россию басом, автору доподлинно неизвестно, но факт остаётся фактом. После 17 лет блестящей артистической карьеры Островидов неожиданно для всех оставляет театральную сцену и возвращается к служению в Церкви. Он служит протодиакonom кафедрального собора Владивостока и ведёт там активную патриотическую деятельность.

Вскоре его избирают председателем Владивостокского отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела.

Островидов с дочерью. 1900 г.

В 1914 году вместе со своей семьёй протоиерей Василий переезжает на жительство в Одессу. Идёт война, и он как истинный патриот не может остаться в стороне. Отец Василий просится на германский фронт, и в 1917 году его прошение, наконец-то удовлетворяют. Рукоположенный в сан иерея, он уходит в действующую армию полково-

вым священником 245-го Бердянского полка. На фронте отца Василия за проявленную храбрость и отвагу награждают Георгиевским солдатским крестом.

Отец Василий Островидов пользуется необыкновенной популярностью у солдат, а потому после Октябрьской революции его избирают в полковой комитет.

В 1918 году Островидов возвращается с фронта к своей семье в Одессу. Здесь он организует народный театр и вообще всю душой включается в активную общественно-политическую жизнь. Его избирают членом лекторской коллегии и сотрудником губисполкома. В этом качестве отец Василий неустанно колесит по всей губернии с лекциями и

концертами. Разъезжая по городам и весям, отец Василий страстно выступает на митингах. В народе его прозывают «Красным попом», но на выступления идут с удовольствием, так как свои речи он подкрепляет чудным пением.

Конечно, Островидов как человек сугубо религиозный не стал большевиком, он просто искренне сочувствовал революции, в которой видел проявление Божественной справедливости по отношению к бедным и обездоленным.

В апреле 1921 года отец Василий прибывает в Балту для выступлений в сёлах уезда. В селе Обжила послушать прославленного певца собрались жители сразу из двух крупных сёл — свыше трёх тысяч человек. После выступления отец Василий остался ночевать в селе.

В этом уезде орудовала повстанческая банда атамана Заболотного. Его-то люди и выследили «Красного попа», а в ночь с 4 на 5 апреля убили прямо в том доме, где отец Василий остановился на ночлег.

Похоронили Василия Островидова на Первом христианском кладбище Одессы,¹ и хотя место захоронения его к настоящему времени утеряно, но память о нём в Одессе ещё живёт. С 1923 года улица, на которой он жил, носила его имя. Теперь ей вернули прежнее название, но в Одесском историко-краеведческом музее вам ещё могут показать сборник статей «Красный венок на могилу священника-революционера», посвящённый воспоминаниям об отце Василии Островидове.

¹ Алфавитный список захоронений Первого христианского кладбища. http://necropolural.narod.ru/goroda_ukraini/odessa.

Отец Феодор Скальский

В годы Первой мировой войны в плену побывало не менее 104 православных священнослужителей. Они и в плену продолжали выполнять свои пастырские обязанности, иногда при довольно драматических обстоятельствах.

Священник 3-го пехотного Нарвского полка 1-й пехотной дивизии отец Феодор Скальский был взят в плен 15 (28) августа в городе Гогенштейн в Восточной Пруссии, когда он в русском лазарете оказывал раненым пастырскую помощь. В лазарет ворвались немецкие солдаты и сделали по присутствующим два залпа. Несколько человек были убиты и повторно ранены. Оставшимся в живых было приказано встать на колени, подняв руки.

На следующий день германский лейтенант обыскал отца Феодора и приказал вывести его на опушку леса. Здесь священника привязали к дереву. После этого отцу Федору было объявлено, что его расстреляют как шпиона. Тогда священник попросил разрешения приготовиться к смерти. После того, как его отвязали, он достал молитвослов и стал читать отходные молитвы по самому себе.

К этому моменту собралась толпа любопытных местных жителей, пришедших посмотреть на казнь «шпиона». После приобщения Святыми Дарами отец Феодор снова был привязан к дереву, а позади него солдаты начали рыть могилу. Но внезапно приехал лейтенант, обыскивавший вчера священника, и отвёз пастыря обратно в Гогенштейн. Там ему объяснили, что произошла ошибка и что по найденным при обыске письмам установлено, что отец Феодор действительно священник, а не шпион. Позднее его отправили в лагерь для военнопленных.

Знаменский Сергей Иванович (1879-1937), священномученик, протоиерей

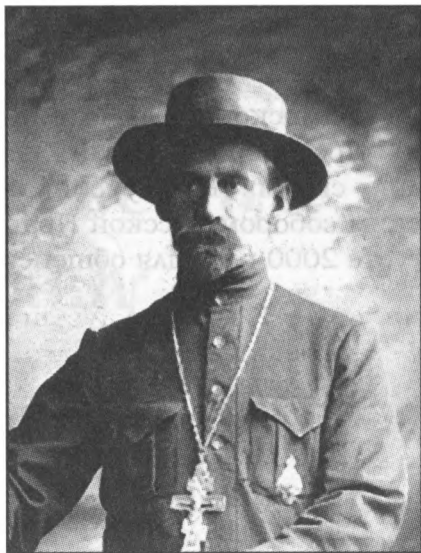
Родился 10 апреля 1879 года в городе Екатеринбурге в семье священника. Отец умер рано, и Сергей воспитывался в доме деда — сельского псаломщика. В 1913 году он окончил Казанскую Духовную академию и женился; у них с супругой Марией Лукьяновной было две дочери.

В 1913 году Сергей Знаменский рукоположен в сан священника к кафедральному собору в городе Чите. На него были возложены обязанности миссионера среди языческих племён бурят и монголов.

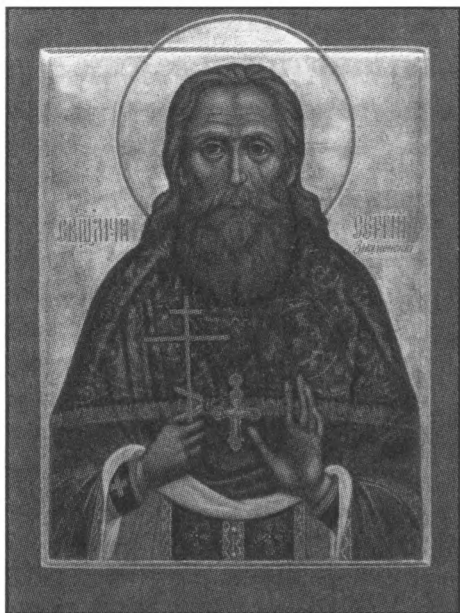
Когда началась Первая мировая война и потребовались полковые священники, отец Сергей был командирован на фронт священником 234-го Борисоглебского пехотного полка.

Он пробыл на самых разных фронтах до конца войны. За самоотверженное служение отец Сергей был награждён двумя орденами и наперстным крестом на георгиевской ленте.

В период церковных и общественных смут он ревностно отстаивал преданность

*Военный священник
Сергий Знаменский*

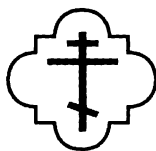

*Священномученик
Сергий Знаменский*

вверенной ему па-
стывы законному
патриарху Тихону.
Активная пастыр-
ская позиция отца
Сергия не оста-
лась незамеченной
представителями
власти. Священ-
номученика неод-
нократно аресто-
вывали, обвиняя в
контрреволюцион-
ной деятельности.
И в конце концов в
1937 году расстре-
ляли как неиспра-
вимого. Похоронен
исповедник в не-
известной могиле

на подмосковном полигоне Бутово.

Протоиерей Сергий Знаменский причислен к
лику святых Новомучеников Российских Архиерей-
ским собором Русской Православной Церкви в ав-
густе 2000 года для общецерковного почитания.

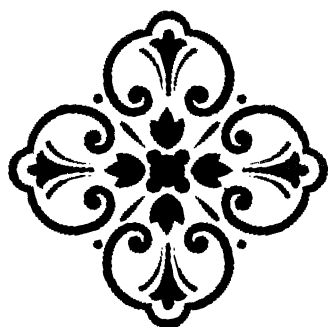

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**Героический
патриотизм
русского духовенства
в Великую
Отечественную
войну**

1941-1945 гг.

Вступление

Время не властно над традициями. В годы Великой Отечественной войны рядом с воинами вновь оказались духовные пастыри, призванные в ряды Красной Армии или пришедшие на помощь партизанам и подпольщикам. Как и в славные времена прошлых военных годин, постигших Отечество, священники с честью выполнили свой гражданский и христианский долг. Среди пастырей, отличившихся жертвенным служением Родине в Великую Отечественную войну, оказались и герои прежней войны 1914-1918 годов. Герой, он ведь всегда герой, и для его храбрости и мужества не нужны какие-то особые политические условия.

Глава Русской Православной Церкви митрополит Сергей в первый же день войны обратился к народу с воззванием, в котором пророчески сказал, что враг будет разбит и Господь дарует нам победу. «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа, — писал митрополит в своём воззвании. — Вместе с ним она и испытания несла и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг».

Эти слова Предстоятеля Церкви нашли сердечный отклик в сердцах русского народа и в первую очередь в его пастырях. Православное духовенство и в этой войне в своём большинстве стояло на

Иеромонах Пимен. 1943 г.

высоте жертвенного служения Отечеству и Церкви.

Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей Красной армии. В армии священники ста-

ли танкистами, пехотинцами, артиллеристами, и многие из них впоследствии были награждены боевыми орденами и медалями, отмечены благодарностями командования.

Более 50-ти священников были удостоены награждения медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Сорок священнослужителей были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы». Несколько десятков священников наградили медалью «Партизану Великой Отечественной войны».

Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков), когда началась война, был иеромонахом и отбывал ссылку в Средней Азии. В августе 1941 года иеромонах Пимен был призван в действующую армию и воевал в составе 702-го стрелкового полка 213-й стрелковой дивизии на Южном и Степном фронтах. Полк, где служил будущий Патриарх, попал в окружение и в такое кольцо огня, что люди были обречены. В полку знали, что

среди солдат есть иеромонах, и, не боясь уже ничего, кроме смерти, бухнулись ему в ноги: «Батя, молись. Куда нам идти?»

У иеромонаха Пимена была потаённо запрятанная икона Божией Матери, и теперь под огнём фашистов он слёзно молился пред Ней. И сжалилась Пречистая над гибнущим воинством — все увидели, как ожила вдруг икона, и Божья Мать теперь протянула руку, указав путь на прорыв¹.

Полк спасся, а иеромонах Пимен, начав свой боевой путь заместителем командира роты, дослужился до звания майора. Когда обнаружили, кто он такой на самом деле, то последовал скандал, изгнание из армии и последующее заключение.

После войны иеромонах Пимен вернулся к пастырской деятельности и был назначен настоятелем Благовещенского собора в г. Муроме.

Клирик храма во имя святого князя Александра Невского Стефан Козлов боевое крещение принял в июле 1944 г. Ратный путь пулемётчика Козлова ознаменован орденом Славы III степени и медалью «За победу над Германией». Честно отслужил отец

Патриарх Московский и всея Руси Пимен (Извеков)

¹ <http://www.blagogon.ru/biblio/3/>

Стефан в рядах Вооружённых Сил и четыре послевоенных года.

Личным мужеством в боях за Родину отличился и священник Тихвинской церкви села Романишино Лужского района Георгий Степанов, награждённый медалями «За отвагу» и «За победу над Германией».

Священник Василий Дмитриевич Троицкий получил две медали — «За доблестный труд» и «За оборону Кавказа» — в бытность свою начальником метеорологической станции в Грузии, где он в период войны обслуживал военно-воздушные силы.

Священник Пётр Иванович Ранцев за боевые заслуги на фронтах Великой Отечественной войны был награждён орденом Красной Звезды, тремя боевыми медалями и несколькими благодарностями от И.В. Сталина.

Диакон Роман Логинович Чух был награждён орденом Славы III степени и двумя боевыми медалями.

Были и такие священники, подвиги которых во время Великой Отечественной войны хочется описать особо. Ибо эти подвиги есть ничто иное, как подражание жертвенному подвигу Господа нашего Иисуса Христа и исполнение Его Святой заповеди о любви к ближнему.

Голгофа архимандрита Александра Вишнякова

Архимандрит Александр (Вишняков) родился 10 мая 1890 г. в селе Подголье Лужского уезда Санкт-Петербурга в благочестивой семье священника Василия Вишнякова. Крестили его именем Александр в честь Святого Благоверного князя

Александра Невского. В роду Вишняковых насчитывалось 300 лет преемственного священства. Один из предков будущего архимандрита Александра служил священником ещё в войске Иоанна Грозного в его походе на Казань.

Выбор духовной стези Александром Вишняковым был органично предопределён его воспитанием. Он поступает в Санкт-Петербургскую духовную семинарию и здесь проявляется его любовь к наукам и изучению языков. После семинарии он поступает

в Петербургскую Духовную академию, которую успешно оканчивает и, женившись, принимает священный сан.

Вскоре отец Александр защищается на учёную степень магистра богословия за сочинение: «Епископ Никанор Херсонский».

Дар красноречия, глубокие философские и богословские познания, а так же знание языков сулили молодому священнику блестящую карьеру на церковном поприще. Но идёт война и отец Александр всею душою стремится разделить все тяготы этой войны, выпавшие на долю русского человека. Он просится в действующую армию и его назначают полковым священником в Ставропольскую дивизию.

*Магистр богословия
Архимандрит Александр
(Вишняков)*

Истовое и бескорыстное служение отца Александра, его чуткость и сострадание к солдатам снискали к молодому священнику любовь и уважение как рядовых, так и офицеров полка.

Магистр богословия теперь сидит не в тиши академической библиотеки, а в окопах под пулями и снарядами врагов проводит духовные беседы с солдатами, воодушевляя их верой в победу и надеждой на Бога. Затем спешит к раненым в госпитали, чтобы утешить и подбодрить страждущих. И, конечно, молится с теми и другими.

Не только словом и молитвой воодушевлял солдат отец Александр, но примером своей личной отваги и храбрости. Под селом Вишнёвым полк отца Александра вёл тяжёлый бой с немецкими войсками. Силы были неравные и наши войска терпели поражение. Когда был убит командир одной роты и солдаты дрогнули, то отец Александр сам повёл

*Полковой священник Ставропольской дивизии
времён Первой Мировой войны
отец Александр Вишняков*

их в атаку. Он бесстрашно шёл впереди солдат в бой с высоко поднятой над головой рукою, в которой сиял крест, как знамя победы над смертью. Солдаты бесстрашно шли за своим пастырем, и бой был выигран.

Отец Александр за личное мужество и героизм в этом бою был награждён солдатским Георгиевским крестом. Награждение полкового священника солдатским Георгиевским крестом — дело исключительное, ведь он приравнивался к офицерскому чину капитана, а потому за подвиги подобного рода наградой был офицерский орден св. Георгия 4-ой степени. Автор знает только два случая награждения священника солдатским Георгиевским крестом, и первый из них упомянут нами в рассказе о священнике Василии Островидове («Красный поп»).

После революции и развала Русской армии отец Александр переправился на Юг Украины, где в то время формировалось ядро Русской Добровольческой армии под руководством генерала Деникина. Но участвовать в белом движении отцу Александру было не суждено, так как вскоре он заболел сыпным тифом.

Три месяца находился отец Александр между жизнью и смертью. Сострадательные люди вывезли больного священника из степи и выходили его.

После выздоровления отец Александр переехал в Киев, где жили родственники жены. Здесь он получил приход в церкви Святой Троицы. Обстановка в городе накалена. Власть переходит то к красным, то к белым, то к махновцам, и казалось, этому не будет конца.

Во время установления власти Украинской Народной Республики (УНР) петлюровцы устраивают в Киеве жестокие еврейские погромы. В доме, где

жил отец Александр, проживало несколько еврейских семей. Однажды, когда вооружённая толпа после разгрома синагоги Бродского ворвалась во двор дома, где жил отец Александр, он вышел к ним навстречу с крестом и уверил, что евреев в этом доме нет.

5 февраля 1918 г. победой Красной армии под руководством Щорса в Киеве устанавливается большевистская власть. Начинается череда страшных массовых убийств ни в чём не повинных людей, перед которыми меркнут все предыдущие беды, постигшие киевлян.

В числе первых трёх тысяч арестованных жертв «Красного террора» оказывается и отец Александр. Обречённых свозили в подвалы бывшего Института благородных девиц, прекрасное здание построенное в первой половине XIX века. В настоящее время это знаменитый Октябрьский дворец в Киеве. А в разгул «Красного террора» огромные и мрачные подвалы дворца облюбовали для себя чекисты. Здесь они зверски пытали, а затем расстреливали тысячи ни в чём не повинных людей, заклеянных «врагами Советской власти». С особой изощрённостью издевались над священниками.

После ареста отца Александра семья о нём не имела никаких известий. Пытаясь его разыскать, жена отправляется в ЧК, где с трудом добивается встречи с комиссаром Варейкисом.

По промыслу Господню семью Варейкиса отец Александр спас во время еврейских погромов и в знак благодарности комиссар велел освободить священника.

В изорванной одежде, избитый до неузнаваемости, вышел из застенков чека отец Александр. Но сломить дух героического пастыря, не дрогнувший

под немецкими пулями на фронте, безбожники не смогли. Оставить пастырское служения в такое страшное время, когда людям особенно дорога и необходима вера Христова, для отца Александра было предательством. И он продолжает нести людям веру, утешая в скорбях, помогая в болезнях и укрепляя в испытаниях.

Рискуя вновь оказаться в подвалах ЧК, отец Александр произносит на службах смелые проповеди, и слава о мужественном священнике распространяется по всему городу. Послушать его идут люди с разных концов Киева. Видя, как растёт духовное влияние отца Александра на прихожан, власти запрещают ему читать проповеди.

В стране идёт активная антирелигиозная кампания. Модными становятся атеистические лекции. Киев посещают «светила» атеистической мысли и устраивают диспуты о вере.

Чувствуя личную ответственность за чистоту христианской нравственности народа, отец Александр принимает участие в этих религиозных диспутах. При первых же попытках дискуссий с ним большевистские агитаторы, чувствуя свою несостоятельность перед блестяще образованным священником, уходят от полемики в простые оскорбления, но отец Александр здесь не ради «метания бисера перед свиньями», а ради слушающего эти диспуты народа.

Атеисты, не желая быть посрамлёнными, воспользовались приездом в Киев А. Луначарского и с большой помпой объявили по городу о предстоящей дискуссии наркома просвещения со священником Александром Вишняковым.

Послушать «златоуста» советской власти собралось так много народа, что зал не мог вместить

всех желающих. И вот вся эта огромная масса людей стала свидетелем, как утончённо философские, безбожные доводы «министра образования» Советской власти разбиваются один за другим о неоспоримую логику отца Александра. Огромная эрудиция отца Александра, его блестящий талант оратора сделали своё дело. Нарком остался посрамлённым.

В 1921-1922 гг. в России разразился голод и патриарх Тихон издаёт воззвание, в котором призывает церковно-приходские советы жертвовать драгоценные церковные украшения в помощь голодающим. Церковь всячески старается помочь бедствующему народу, но власть это как раз и не устраивает.

19 марта 1922 г. Ленин пишет секретное письмо Молотову и членам Политбюро ЦКРКП(б): «...мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли это в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».

Гонение на церковь, на её служителей приобретают тотальный характер. Арестовываются тысячи священников и православных активистов. Ленин лично подстрекает ко всё новым и новым убийствам духовенства. От своего секретаря он требует: «Каждое утро сообщайте мне, сколько попов было расстреляно!»

В Киеве стали закрывать церкви. В Троицком храме сократили время служб. Отца Александра с семьёй (женой и двумя детьми, младшему из ко-

торых не было и года) выгоняют из церковного дома на улицу. В паспорте ставят штамп: «служитель культа» и как внеклассовый элемент ни батюшка, ни его жена не имеют теперь права на работу.

На квартире, которую снял отец Александр, производятся бесконечные обыски. Милиция врывается обычно по ночам и ищет непонятно что, вымогают деньги, грабят имущество, глумятся над семьёй. После обыска отца Александра забирают с собой и держат в подвалах ГПУ по 10-15 дней. В тюрьме священник подвергается не только издевательствам и побоям со стороны следователей, но и со стороны уголовников. После таких отсидок батюшка возвращается домой избитым и измождённым.

Страдания отца Александра усугубляются ещё и тем, что неожиданно от воспаления лёгких умирает его старший сын, шестнадцатилетний Георгий, талантливый пианист, гордость и надежда профессора консерватории Михайлова. На похороны пришли почти все киевские священники.

Воистину, вынести все скорби, выпавшие на долю отца Александра, и не сломаться можно было лишь силою Духа Святаго. Продолжать пастырское служение, значит, сознательно идти на Голгофу, и отец Александр в подражание Христу сознательно выбирает этот путь, уповая лишь на Волю Божию и Его благой Помысел.

К тому времени внутри Церкви складывается сложнейшая обстановка. Кроме обновленческого раскола, происходят расколы на национальной почве в самой Украине. Уже в 1920 году создаётся Всеукраинская церковная рада, которая отвергает всех епископов как ставленников Москвы.

Главой провозглашённой автокефалии избирается лишённый сана Василий Липковский с посвящением его в митрополиты всея Украины. Сразу же возникает множество группировок, призывающих к «революции» в Церкви, к «всестороннему обновлению». В Москве между тем в 1922 году арестовывают Патриарха Тихона.

На фоне такого распада и разлада в церковной среде отец Александр проводит серьёзную пастырскую работу. Он бесстрашно защищает Церковь, возглавляемую патриархом Тихоном от нападков обновленцев и автокефалистов. И хотя властями (особой комиссией при НКВД) запрещается поминать на службах патриарха Тихона, отец Александр честно выполняет свой долг и, несмотря на угрозы, совершает открытое моление о Предстоятеле Церкви.

Благодаря самоотверженному служению таких верных, как отец Александр, православию пастырей, натиск обновленцев и самосвятков-липковцев оказался бессильным оторвать Украинскую Церковь от законного главы Церкви Русской — Патриарха Тихона.

Однако беспредел большевистской власти в Киеве продолжается. Сын отца Александра — Гавриил Вишняков свидетельствует об этом так: «Мои детские воспоминания и впечатления начали складываться с 1927 года, когда мне исполнилось пять лет. Помню, как в день Пасхи моя мама подносила меня к окну с видом на церковный двор, где хулиганствовали большевистские молодчики. Подъезжали на грузовиках, нарядившись в церковные одежды. Кривляясь и вопя непристойные песни, приплясывая, вырывали из рук людей, выходивших из церкви, освящённые куличи и пас-

хальные яйца. Мать, крестясь, шептала мне: «Это ироды делают, Господь их покарает. Запоминай. Сынок!» Я запомнил. И не только это. В 1929 г. мой отец был назначен настоятелем храма Св. Троицы. Мы с ним часто ходили пешком в Лавру. Однажды весной отец повёл меня утром в это святое место. В то время священники одевали на выход гражданскую одежду, т.к. было крайне рискованно ходить в рясе. В противном случае это расценивалось как пропаганда против Советской власти. Во дворе Лавры стояла большая толпа людей: ожидался ещё один акт большевистской злобы и бесчинства. И вот, разбив одну из колонн верхнего яруса колокольни, красноармейцы (вероятно, чекисты), сбросили вниз самый большой колокол, подаренный ещё императрицей Екатериной II. Все присутствующие верующие пали на колени и так пробыли несколько минут под прощальный стон разбитого колокола.

В церкви Святой Троицы были запрещены церковные требы: крещение, венчание, отпевание покойников как в храме, так и на кладбище. Приказом властей было сокращено время служб (с 8-ми утра до 13:00). Храм, в котором служил отец Александр, то закрывали, то снова открывали.

В 1934 году умирающие от голода, разразившегося на Украине, сползались (именно сползались, иначе не назовёшь) во дворы церквей и там умирали. Власти отреагировали оперативно. Под начальством Постышева, Балицкого, Якира, Мануильского, Кагановича и иже с ними были закрыты церкви в центре города. Открытыми оказались церкви на окраинах: Байковом кладбище, Димевке, Соломенке, Куреневке. Отец остался без прихода».

В 1935 г. после убийства Кирова в стране проводится очередная кампания арестов и расправ. Массовый характер приобретают аресты священнослужителей. Одним из первых в городе арестовывают отца Александра. Его заключают в скользкие от крови подвалы НКВД в том же Октябрьском дворце.

С огромным трудом добиваются родные свидания с ним. Следователь по фамилии Черноморец «милостиво» разрешает им свидание на 3 минуты. Сын вспоминает: «Отец был неузнаваем. Лицо — сплошная синяя маска, зубы выбиты, поседевшие волосы. А ведь ему было всего 47 лет».

Решением пресловутой «тройки» отец Александр приговаривается к тюремному заключению с последующей ссылкой. Ему выдвигается обвинение по ст. 109 Уголовного кодекса УССР. Формулировка приговора гласила: «Обвиняется в раскрытии сведений, которые не подлежат разглашению. Решением особой комиссии при НКВД УССР от 13 июня 1937 г. на основании ст. 109 криминального кодекса УССР, Вишняков Александр Васильевич осуждён на три года исправительно-трудовых лагерей. Для отбытия наказания направляется в бухту Ногаево. Северо-восточного лага».

Такая бредовая формулировка обвинения была в те годы предъявлена многим священнослужителям. Так, епископу Ветлужскому Неофиту (Коробову) было предъявлено обвинение в создании церковно-фашистской диверсионно-террористической, шпионско-повстанческой организации с общим числом свыше 60 участников.

Мы уже никогда не узнаем подробностей жизни отца Александра в ссылке. Да и не надо иметь богатое воображение, чтобы представить ру-

котворный ад исправительно-трудовых лагерей того времени. Тяжелее всего в лагерях приходилось священнослужителям. Помимо изнурительной работы и полуголодного пайка, издевательств охранников, побоев и болезней, постоянным бичом для них были уголовники.

Эти три страшных года в лагерях, где приходилось работать на грани человеческих возможностей, отмороженные руки и ноги, голод и цинга, карцеры (месяц по кружке воды и 300 г хлеба) сильно подорвали здоровье отца Александра.

Семье отца Александра в Киеве приходилось тоже нелегко. На работу жену не брали, а сына исключили из нескольких школ как родственников «врага народа». Они голодали и нечем было платить за квартиру. Не выдержав таких испытаний, жена отца Александра оформила с ним развод.

Возвращение из ссылки в 1940 году приносит отцу Александру мало утешения: он узнаёт о разводе. Кругом его зловещий быт тех лет: предательство близких и друзей, недоверие, подозрительность, злоба. Куда идти? Дома нет, церковь закрыта, в паспорте отметка об отбытии заключения. Есть от чего впасть в отчаяние, но пятидесятилетний священник возлагает всё своё упование на Бога и едет в Москву.

В столице его принимает местоблюститель Патриаршего престола Митрополит Сергей (Страгородский) и постригает в монашество с возведением в сан архимандрита. В постриге митрополит оставляет ему то же имя — Александр, ведь оно означает «защитник людей». Местоблюститель Патриаршего престола словно предвидит будущий подвиг архимандрита, который встанет на защиту людей во имя жертвенной любви к ближнему.

После возвращения в Киев архимандрит Александр получает приход в Соломенской церкви и назначается её настоятелем.

В предвоенные годы волна антицерковных репрессий несколько ослабла. Насытившись кровью православных мучеников, безбожные власти захотели покичиться перед Западом «свободой» в стране социализма. Пропаганда атеизма так и не смогла окончательно убить в народе тягу к вере, и люди вновь потянулись к Богу, к Церкви.

Видя бытовую неустроенность своего священника, прихожане отца Александра покупают ему в складчину маленький глинобитный домик на окраине Киева, в Димеевке.

А городские власти, отдохнув после небольших церковных послаблений, принимают решение сократить время служб до 12 часов дня. Отец Александр переходит в церковь Св. Николая Доброго на Подоле. Но с его больными ногами добираться до храма через весь город очень затруднительно, и он решается открыть домовую церковь в честь равноапостольной Марии Магдалины в своём собственном домике.

Начинается Великая Отечественная война. Уже в первый день войны, 22 июня 1941 года Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей обращается с «Посланием» к русскому народу, в котором призывает православных к защите Отечества. В Киев «Послание» привозит митрополит Николай, и вместе с отцом Александром они развозят его по всем церквям города.

Ежедневно прихожане слышат на службах призыв главы Церкви читаемого священниками послания: «Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

В тяжёлые первые месяцы войны, когда Красная Армия трагически отступала, а люди были охвачены паникой, мужественный пастырь архимандрит Александр не изменил своему долгу священника и патриота. Любовью к людям и силой духа наполнены его проповеди и дела в эти трагические для нашего Отечества дни.

Вскоре после начала войны до Киева стали доходить известия об уничтожении евреев в Житомире и Виннице. Киевские евреи стали обращаться к отцу Александру с просьбой окрестить их в православную веру. Движимый чувством христианской любви батюшка крестит евреев и выдаёт им свидетельства о крещении на сохранившихся у него церковных бланках. Таким образом ему удалось спасти от расстрела многие еврейские семьи, в числе которых пианист Райский, солист оперного театра Иванов, зубной врач Паин с семьёй, дирижёр Раклин.

19 сентября 1941 г. немцы вошли в Киев. Вместе с ними пришли униаты и автокефалисты-самостийники. Начался жестокий период оккупации. С огромным риском для жизни отец Александр читает на службах «Послание» митрополита Сергия, однако находятся предатели, которые доносят на него.

Архимандрита вызывают в управление гестапо. Сила личности отца Александра, его отличное владение немецким языком вызывают у оккупантов уважение к священнику. Биография репрессированного советским режимом даёт немцам основание надеяться на помощь отца Александра в работе с населением. Из гестапо его отпускают с запретом читать «Послание» и обязуют служить в церкви молебен о здравии фюрера.

Наследник многовековой семейной традиции русского духовенства, воспитанного на патриотизме, отец Александр был верным сыном своего Отечества. Мог ли он, герой Первой мировой войны, покориться врагам своего народа сейчас? Мог ли он, испытавший боль утрат, познавший в лагерях цену человеческой трусости, подлости, предательства, стать теперь трусом и предателем? Мог ли он, поучавший свою паству честности перед Богом и своей совестью, теперь поступиться этой совестью? Годы испытаний, подорвав его физическое здоровье, только закалили его дух. Однако всего этого прагматичные немцы не смогли увидеть и понять сразу.

Отец Александр продолжает служить в домашней церкви Марии Магдалины, находясь под негласным надзором гестапо. Исполнителями этого надзора стали верные немецкие псы — украинские националисты. Они доносят в гестапо каждое патриотическое слово батюшки, его неповиновение приказу служить молебен о здравии фюрера.

Отца Александра вновь вызывают в гестапо. Разговор уже более жёсткий, с угрозами. Под строгим предупреждением его отпускают и на этот раз.

28 сентября 1941 г. по Киеву были развешаны афиши с приказом новой власти: «Все жида города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 г. к 8-ми часам утра на угол Мельниковской и Дохтуровской (возле кладбищ). Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также тёплую одежду, бельё и проч. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян».

В указанный день начались расстрелы в Бабьем Яру. К отцу Александру прибежал запыхавшийся сосед. Это был мадьярский еврей, который проживал на этой же улице с женой Симой и тремя детьми. Ещё в первые дни войны отец Александр крестил всю его семью. Теперь немцы отправили их всех в Бабий Яр. Яну удалось убежать. Он просил батюшку, чтобы тот засвидетельствовал перед немцами, что его семья крещена в православии.

Надев на рясу свою боевую награду — Георгиевский крест, отец Александр отправляется в Бабий Яр. Уже издали слышны отчётливые выстрелы из пулемётов. Чем ближе, тем явственней гул толпы, крики, визг.

Батюшка с Яном пробирается к немецкому офицеру, показывает свидетельства о крещении семьи. На немца производит впечатление чистая немецкая речь священника, его спокойствие и убедительность. Он разрешает отыскать в огромной толпе обречённую семью Яна. До ночи ходит отец Александр среди обезумевших от страха людей, утешая и ободряя их. Среди евреев много военнопленных. Батюшка поддерживает их дух, благословляет. Наконец находят жена и двое детей Яна. Третьего ребёнка найти так и не удалось. Немцы разрешают уйти.

Долго молился отец Александр в ту ночь. А наутро в церкви вновь зазвучала его гневная проповедь, обличающая врагов Отечества.

Доносчики не дремали. Со всей ненавистью к прежней власти, ассоциировавшейся для них с Россией, с русскими людьми, с Русской Церковью, выслеживали они каждый шаг и каждое слово архимандрита. Следует очередной донос в гестапо.

В этот день после литургии отец Александр намеревался исповедать на дому больную женщину. Сын Гавриил прибежал в церковь предупредить отца, что домой уже дважды приходили гестаповцы, разыскивая его. Сын просит отца укрыться где-нибудь на время. Но батюшка решает выполнить свой долг и отправляется к больной прихожанке. У дома его с сыном останавливают гестаповцы на мотоцикле. Удостоверившись, что перед ними отец Александр (Вишняков), они приказывают ему садиться в коляску мотоцикла. Архимандрит снимает свои карманные часы, отдаёт их сыну и говорит: «Возьми, сынок. Больше мы не увидимся».

Два дня сын надеялся, что отец вернётся. На третий день, 4 ноября пошёл в управление гестапо. Оттуда его выгнали. Тревожась за судьбу отца, он отправляется в Андреевскую церковь, в нижнем этаже которой размещалась резиденция недавно созданной на Украине Церковной Рады.

Церковная Рада была образована в октябре 1941 г. группой самосвятских священников. Во главе Рады был поставлен викарный епископ Волынской епархии Поликарп Сикорский. Идеологическая позиция этой организации отражена в деятельности её руководителя: в 1942 г. Поликарп нанёс визит в Ровно заместителю рейхкомиссара фон Вендельштодту и передал ему приветствие, адресованное рейхскомиссару Коху. Заканчивалось оно словами: «Прошу принять для великого вождя немецкого народа Адольфа Гитлера пожелание полноты сил духовных и телесных, а также неизменного успеха для окончательной победы над врагом Востока и Запада. За эту победу вместе со своими верующими, опекать духовенство которых

я призван, я буду возносить молитвы Всемогущему Господу».

Откуда было знать юноше, что пришёл он в самое сердце яростных врагов истинного Православия? Будучи украинской националистической организацией, Церковная Рада в интересах автокефалии развязала настоящий террор против канонических православных священников.

Войдя в канцелярию Рады, Гавриил Вишняков обратился к находившемуся там священнику с просьбой разузнать о судьбе отца. Тот яростно обрушился на него: «Вон отсюда! Ты, сын москальского попа! Вон, а то будет тебе то же, что твоему отцу!» Юноша спросил у секретаря, кто с ним разговаривал, ему ответили: «Это архимандрит Мстислав».

Да, это был тот самый Мстислав, который уже в наше время стал «знамением» самостийности и преемственности в движении за автокефалию и в 1989 г. был провозглашён «первоиерархом» УАПЦ.

Правду о гибели отца Гавриил Вишняков узнал от Владыки Пантелеймона в декабре 1941 г. Со слезами на глазах владыка сказал: «Ваш отец, архимандрит Александр Вишняков, расстрелян немцами в Бабьем Яру 6 ноября 1941 г.»

6 ноября 1941 года был угрюмый осенний день. Скорбной дорогой смерти под конвоем немцев и украинских полицаев шла в Бабий Яр колонна измученных, избитых, голодных людей. Это были военнопленные красноармейцы, евреи, подпольщики. Были в этой колонне и православные священники, приговорённые к смерти по доносам немецких дружков — украинских националистов, бандеровцев, которых «благословили» на их предательскую деятельность автокефалы-самостийники.

Среди смертников был и архимандрит Александр. Рассказ о его трагической смерти записан по свидетельству очевидцев, чудом избежавших смерти.

«Колонну» разделили. Священников отвели вперёд по краю обрыва. Архимандрита Александра вытолкали из общей группы и отвели метров за 30. Несколько автоматчиков бесстрашно и чётко расстреляли группу священников. Затем украинские полицаи в вышитых сорочках и повязках на рукавах подошли к отцу Александру. Его заставили раздеться донага. В это время он спрятал в рот свой нательный крестик. Выломали два дерева и сделали из них крест. Пытались распять батюшку на этом кресте, но у них не получилось. Тогда вывернули ему руки и ноги и колючей проволокой притянули к перекладинам креста. Затем распятого таким образом на кресте архимандрита облили бензином и подожгли. Так, горящим на кресте, его и сбросили в обрыв. Немцы в это время расстреливали евреев и военнопленных».

Вот так герой Первой мировой войны, полковой священник отец Александр Вишняков мученически окончил свой земной путь во вторую войну — Великую Отечественную.

СВЯЩЕННИКИ — ГЕРОИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Особая страница русской церковной истории в годы Великой Отечественной войны — это помощь священников партизанскому движению.

Остаётся непреложным тот факт, что священнослужители и верующие активно участвовали в антифашистской борьбе на оккупированных территориях СССР. Так, летом 1942 года через партизанские подпольные группы почти всему духовенству на оккупированных территориях было передано послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия «К верным чадам Русской Православной Церкви».

Патриарший местоблюститель призывал людей оказывать всяческую поддержку подпольной борьбе с врагом: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизанам, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению из фашистского плена».

Этот призыв получил широкий отклик среди духовенства и простых верующих западных земель, несмотря на антихристианские гонения довоенной поры. Обиды были забыты, ведь в опасности оказалась Родина, наше православное Отечество. Священники продемонстрировали мужество, достойное подражания. Поэтому нет ничего удивительного, что в октябре 1943 года впервые в истории Советского Союза 12-ти свя-

щеннослужителям были вручены высокие правительственные награды.

Немцы отвечали на патриотизм православного духовенства нещадной жестокостью. За содействие партизанскому движению, к примеру, только в Полесской епархии было расстреляно фашистами до 55 % всех священнослужителей.

Формы помощи были различны. Священники снабжали партизан продуктами, медикаментами, предоставляли кров для отдыха партизан, лечили раненых, доставали документы, писали фиктивные справки, укрывали молодёжь, участвовали в разведках и даже воевали с оружием в руках.

Вступление представителей православного клира в партизанские отряды не было массовым, но отдельные случаи имели место.

По свидетельству Героя Советского Союза генерал-майора В.З. Коржа, командира партизанского соединения, у него была установлена связь с митрополитом Александром, которому через подпольщиков вручались различные указания, советы, как вести работу против оккупантов. Владыка по этим вопросам проводил совещания с духовенством Пинской епархии.

Партизанский разведчик — священник Фёдор Пузанов

Священник Фёдор Пузанов стал участником двух мировых войн и был отмечен высокими боевыми наградами за героизм, как в Перовую Мировую войну, так и в Великую Отечественную.

Родился отец Фёдор в 1888 году в семье псаломщика Андрея Пузанова. Грамоте будущий священник обучался в земской школе. В этой школе

он окончил два класса, и на этом его образование было завершено. Потому и неудивительно, что до конца жизни Фёдор Андреевич писал с ошибками, но, будучи сыном псаломщика, богослужебный устав знал неплохо, а потому и выбрал для себя церковную стезю, хотя и от мирских дел в стороне не стоял.

Будущий герой-партизан работал на земле, а когда началась Первая мировая, ушёл на фронт и там отважно сражался. За свою храбрость он был отмечен тремя Георгиевскими крестами и Георгиевской медалью II степени (она также давалась за храбрость, её аналогом в советское время стала медаль «За отвагу»).

После окончания войны вернулся в церковь. С 1918 по 1920 года трудился псаломщиком в Уфимской губернии, а в 1923 году был рукоположен в сан диакона. В 1926 году стал священником.

Несмотря на недостаток богословского образования, церковную премудрость успешно постигал в храме. «Нелицемерно любит свои пастырские обязанности», — такой отзыв, датированный 1950 годом, находится в его личном деле. «Заботливый о храме священник, любит украшать храм Божий», — так сказано спустя шесть лет.

В 1928 или 1929 году его арестовывают, но сколько времени он провел в тюрьме — неизвестно. Сам о себе он сообщает в анкете, что с 1932 по 1941 год жил в городе Чудове Новгородской области и был рабочим.

К служению в церкви священником отец Фёдор возвращается только во время немецкой оккупации. 9 апреля 1942 года он через Псковскую Духовную миссию получает назначение настоятелем храма села Хохловы Горки Порховского района

Псковской области. С этого же времени начинается его активное участие в партизанском движении.

«Во время партизанского движения я с 1942 года имел связь с партизанами, много мною выполнено заданий, — писал священник в 1944 году архиепископу Псковскому и Порховскому Григорию. — Я помогал партизанам хлебом, первый отдал свою корову, бельём, в чём только нуждались партизаны, обращались ко мне, за что я получил государственную награду 2-й степени «Партизан Отечественной войны».

«Во время немецкой оккупации здесь были советские дети в приюте, я их всегда навещал и поддерживал хлебом, продуктами и старался по приходу призывать на поддержку безродных детей

Командир 5-й Ленинградской партизанской бригады, Герой Советского Союза, полковник Константин Дионисьевич Карицкий вручает медаль Фёдору Пузанову

Советского Союза, дети меня чтили и уважали за родного отца», — это тоже цитата из его рапорта архиерею.

Отец Фёдор сотрудничал с партизанами 5-й бригады. Именно её командир, Герой Советского Союза Константин Карицкий вручал медаль священнику на сохранившемся фото.

Отец Фёдор не только помогал партизанам продуктами, но и являлся связным, а так же разведчиком, снабжая партизан сведениями о действиях и планах фашистских оккупантов.

Более 300 советских граждан спас отец Фёдор от угона в Германию. Это случилось под конец оккупации, когда отступающие немцы собрали триста сельчан для угона в Германию. Однако вооружённый конвой не выдержал и драпанул, назначив Пузанова старшим по колонне. Храбрый батюшка, убедившись, что конвой исчез из видимости, увёл людей в известное только ему место дислокации партизан, где и остался нести партизанскую службу до прихода Красной Армии.

После освобождения Псковщины в 1944 году священник Фёдор Пузанов митрополитом Алексием был вновь назначен настоятелем в Хохловы Горки и одновременно — благочинным шести районов Псковской епархии. Но карьерный взлёт был недолгим. Уже в 1945 году его освободили от обязанностей благочинного.

Сын священника Фёдора — Михаил в 1943-1944 годах учился в Виленской семинарии, а потом был призван в Красную Армию и год воевал в пехоте. Дважды был ранен и награждён медалью «За победу над Германией». В 1946 году он пытался поступить в Ленинградскую духовную семинарию, но не был допущен к экзаменам. В ауди-

торию вошёл человек, назвал несколько фамилий и предложил «очистить помещение». Причины не объяснил...

В мае 1950 года отец Фёдор вспоминал, как председатель горсовета товарищ Баранов прилюдно заявил ему: «Нам попы не нужны теперь». И объяснил, что в своё время нэпманам тоже дали «вольную торговлю, а пришло время, и взяли их за горло, со всеми справились и всем нашли место, так и с вами поступим». Священник Фёдор Пузанов напомнил коммунисту Баранову: «Я, как вам известно, защитник своей Родины, также и получил награду 2-й степени «Партизану Отечественной войны». То, что это была его вторая война, батюшка не обмолвился.

Отец Фёдор прослужил в Новгородской епархии как добрый пастырь многие годы на одном приходе и умер в 1965 году. Похоронили его в селе Молочкове Солецкого района Новгородской

Партизан отец Фёдор Пузанов в боевом строю

области, возле Успенского храма, в котором с 1948 года он и был настоятелем. Несколько лет назад закончил свой земной путь старейшим клириком Новгородской епархии сын отца Фёдора, протоиерей Михаил Пузанов, тоже герой-фронтовик.

Партизанский связной и политинформатор — священник Василий Копычко

Настоятель Свято-Успенской церкви Ивановского района Пинской области Василий Данилович Копычко с первых дней оккупации установил тесные связи с партизанской бригадой имени Вячеслава Молотова и стал их связным. Священник собирал сведения о противнике, вёл значительную работу среди населения по поддержке партизанского движения. Организовывал сбор одежды, обуви, продуктов питания для партизан. Во время службы распространял среди прихожан сводки Совинформбюро о положении на фронтах, за что партизаны прозвали его политинформатором. Когда отец Василий узнал, что фашисты готовят карательную экспедицию против партизан, то он не только предупредил об этом население, но и ушёл вместе с людьми в партизанский отряд.

Вот как описывает деятельность отца Василия и свою первую встречу с ним комбриг Пинской партизанской бригады И. Шубитыдзе: «...Мы шутя называли его своим агитатором и однажды пригласили в партизанский лагерь. Он охотно приехал в сопровождении партизан. Копычко долго присматривался к нашей жизни, к нашим

порядкам, обошёл с десяток землянок и за ужином, который приготовили специально для него в штабе, разговорился: «Вот и верь этим немцам! Обманщики, безбожники, бандиты! Вижу, что вы все православные, дай вам Бог здоровья! Я так и говорил своим прихожанам...» Было видно, что Копычко полюбил нас, радовался, что не ошибся в своих предположениях, обещал молиться о нас и помогать чем может. Отправили мы его из лагеря торжественно, на тачанке, с охраной. С этого времени Копычко стал нашим связным. Он сдержал своё слово, помогал не только молитвами, но и материально: собирал продукты для раненых, присылал временами и оружие».

Патриотическая деятельность священника, который призывал прихожан к сопротивлению и доводил до них сводки Совинформбюро, не осталась незамеченной оккупантами. Фашисты сожгли церковь и дом священника, но отца Василия захватить не успели: прихожане его спрятали, а затем вместе с семьёй переправили в партизанский отряд.

За заслуги перед Родиной протоиерей Василий Копычко был награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «Партизану Великой Отечественной войны» I степени, «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За победу над Германией» и другими. Награждение двумя последними медалями одного человека — случай очень редкий, так как обычно награждали только одной из них.

Отважный священник — Александр Романушко

Другой партизанский священник — протоиерей Александр Фёдорович Романушко. Будучи настоятелем церкви села Мало-Плотницкое Логишинского района Пинской области, отец Александр служил в Пинском партизанском соединении с лета 1942 по лето 1944 года.

Храбрый священник неоднократно участвовал в боевых и разведывательных операциях. За что был награждён медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

В оставленных некоторыми священниками храмах и местностях, где церкви были сожжены, отец Александр совершал отпевания расстрелянных, заживо сожжённых, а также павших на поле боя партизан. Во время богослужения или при исполнении треб отец Александр неизменно призывал верующих помогать партизанам и защищать родную землю от фашистов.

Когда летом 1943 года к командиру партизанского соединения генерал-майору В.З. Коржу обратились родственники убитого полицая с просьбой «командировать» на похороны партизанского священника, то генерал предоставил отцу Александру право самому принять или отклонить приглашение. Отец Александр согласился.

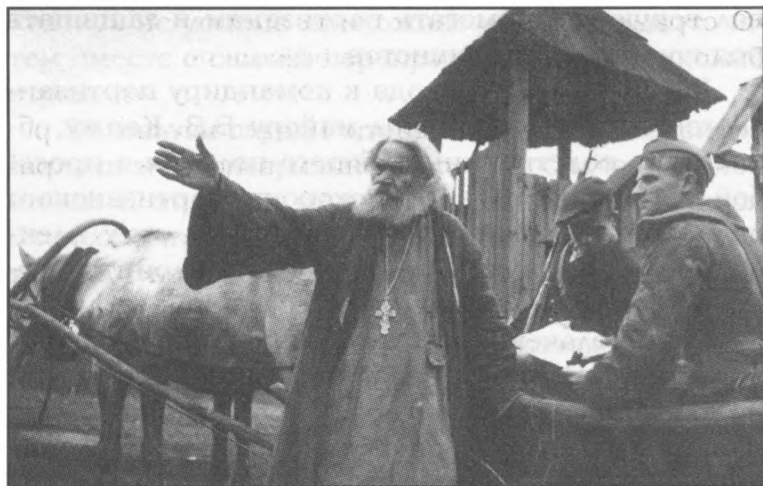
Взял облачение, кадило и в сопровождении двух автоматчиков священник выехал в деревню, на кладбище. Там уже стояли вооружённые полицейские. Отец Александр облачился, немного помолчал и вдруг сказал: «Братья и сёстры, я понимаю горе матери и отца убиенного. Но не наших молитв и «со святыми упокой» заслужил своей жизнью во

гробе лежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо «Вечной памяти» предадим же его анафеме!»

Люди стояли, не веря, что всё это слышат своими ушами, а отец Александр продолжал, обращаясь к полицейским: «К вам, заблудшим, моя последняя просьба: искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите своё оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей, а в Божиих храмах заживо сжигает верующих и священников!»

Часть полицеев послушалась его и прямо с кладбища ушла вместе с отцом Александром в партизанский отряд.

Всем участникам этих «похорон» Герой Советского Союза генерал-майор В.З. Корж объявил благодарность. Через некоторое время перед строем партизан отец Александр Романушко был на-

*Протоиерей Александр Романушко
с товарищами-партизанами*

граждён медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Кстати, два сына отца Александра отважно воевали с немцами сначала в партизанах, а потом и в РККА, домой вернулись с орденами.

Отец Кузьма

Протоиерей Косьма Райна был потомственным священником. Его отец плавал на военных российских кораблях и скончался от ран, полученных в битве при Порт-Артуре. Немецкая оккупация застала отца Кузьму вместе с его большой семьёй (у него было семеро детей) в Пинском районе Брестской области, где он служил в церкви села Хойно.

За каждым богослужением в храме отец Кузьма молился «О Великом Господине нашем патриаршем местоблюстителе блаженнейшем Сергии, митрополите Московском и Коломенском...», «О стране нашей, властех и воинстве ея...», а это было в оккупации далеко не безопасно.

В начале 1942 года отца Кузьму пригласил к себе районный бургомистр и настойчиво потребовал, чтобы за богослужением в церкви прекращена была молитва за московское церковное чиновничество, а молитва «О стране нашей, властех и воинстве ея Господу помолимся» заменена была словами: «О освобождённой стране Российской и победоносном германском воинстве Господу помолимся», как и указывалось в циркуляре Пинской духовной консистории.

Подобные вызовы и указания были периодическими, но священник, используя свой авторитет в народе, а также личные взаимоотношения с родственниками местной оккупационной ад-

*Протоиерей Пётр
Раина, партизан и сын
протоиерея Кузьмы
Раины*

министрации и полиции, решал как-то всё по-своему, мирно, спокойно. Если видел подозрительных людей за богослужением, то произносил молитвы поскорее, пока пел хор, а когда его вызывали в кабинеты сильных мира сего, говорил, что не отрицает сообщения о нарушении циркуляра, может, автоматически и произнёс канонический текст.

В начале войны день и ночь шли на восток по лесным и полевым дорогам беженцы, раненые, окруженцы... Матушка по благословиению отца Кузьмы давала им хлеб, варёную картошку, одежду, обувь, лекарства. Раненые причащались святых Христовых Таин, многие просили молитв за павших товарищей, за себя и близких. Народ уходил в партизаны. После пасхального богослужения отец Косьма объявлял сбор подарков для детей, раненых и партизан. А через несколько дней, обливаясь слезами, отпевал расстрелянных и сожжённых жителей деревни Невель. Потом ехал в глухую деревеньку Семиховичи — на базу партизан и причащал там больных и раненых, крестил детей, отпевал умерших и погибших.

Отец Кузьма постоянно призывал население помогать народным мстителям — партизанам.

В пасхальную ночь 1943 года впервые при огромном стечении народа в присутствии партизан священником было прочитано обращение митрополита Киевского и Галицкого Николая к населению временно оккупированных местностей. Перед освящением куличей, которое в Белоруссии происходит после пасхального богослужения вокруг храма, отец Кузьма объявил сбор пасхальных подарков для раненых, детей и партизан.

Партизаны передавали отцу Кузьме свежие газеты, листовки, изданные Московской Патриархией. Часть этих листовок священник лично передавал архиепископу Пинскому и Полесскому Александру (Иноземцеву), отколовшемуся от Московской Патриархии, а другую часть — епископу Брестскому и Полесскому Иоанну (Лавриненко), пребывавшему в юрисдикции Московской Патриархии.

В характеристике, выданной отцу Кузьме 15 ноября 1944 года командиром партизанского отряда им. Кирова Неделиным, говорилось, что «священник Раина Кузьма Петрович оказывал всенародную помощь партизанам, действовавшим в тылу врага, доставляя в партизанские отряды разведанные, призывал население об оказании содействия народным мстителям, проявил себя как подлинный патриот нашей Великой Родины».

На рассвете 9 октября 1943 года в приходскую церковь, где служил отец Кузьма Раина, ворвались фашисты. Они приказали священнику разоблачиться и повели его в полицейский участок. Там отца Кузьму обыскали. Документы и часы офицер отдал переводчику. «Вам они больше не понадобятся», — сказал он. И два солдата-чеха повели батюшку на расстрел.

Возле церкви он пал на колени и стал усердно молиться. Сколько прошло времени, не помнит, но когда поднялся с колен, возле себя никого не увидел. Перекрестившись, батюшка с молитвой двинулся в сторону кустарника, а потом опрометью кинулся в лес.

Пришёл в партизанский лагерь, где встретился с сыновьями. Когда священник узнал, что фашисты арестовали его жену и собираются отправить матушку с другими жёнами и детьми партизан в концлагерь, то, взяв оружие, вместе с сыновьями и другими партизанами напал на фашистов и освободил свою жену.

Прошла война, в 1946 году вернулись с воинской службы сыновья отца Кузьмы и вся семья храброго батюшки после благодарственного молебна собралась за столом.

Другие священники

Священник Владимир Соколов в начале 1942 года был назначен в с. Мандуш Бахчисарайского района. Это село не раз переходило из рук в руки. Много жителей его были в партизанском отряде. Отец Владимир всё время поддерживал с партизанами связь. Когда возле села приземлялись советские парашютисты, священник получал от них газеты и распространял их, с опасностью для себя ходил слушать передачу радицентра через тайный приёмник. Немцы сожгли дом неугодного им священника и издали приказ о расстреле всего мужского населения села.

К счастью, Соколову с сыном удалось спастись и пробраться в Симферополь. Здесь священник Соколов познакомился со Смирновым, сын и внук

которого организовали партизанский отряд в количестве 200 человек, и вместе с ним ушел в лес. Отец Владимир Соколов со Смирновым снова слушали радиопередачи из Москвы и распространяли полученные сведения. Батюшка Владимир жестоко пострадал от немцев: две его дочери — 17 и 20 лет — были угнаны в немецкую каторгу.

В Курской области священник села Глебова Павел Андреевич Говоров скрывал у себя бежавших из фашистского плена лётчиков и помог им перейти к своим, а протоиерей Семькин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале.

*Рядом с партизанским миномётчиком священник
Владимир Соколов*

16 февраля 1944 года при взятии города Луги войсками Красной армии генерал Лобанов вызвал ранее помогавшего партизанам священника М.С. Образцова и предложил ему в присутствии населения окрестных деревень отслужить благодарственный молебен. Причём на молебне присутствовали работники штаба и красноармейцы.

Священник Анатолий Гандарович из деревни Рабунь Куренецкого района Вилейской области не раз принимал у себя партизан. Заданий от них он не получал, но давал им продукты и место для отдыха. Партизаны хранили в доме священника тол, капсули и бикфордовы шнуры. Помогал священник

и медикаментами.

Священник прихода села Омеленец Клещельского района Брестской области Евгений Мисеюк за свою патриотическую работу в годы войны был награждён медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и орденом Преподобного Сергия Радонежского. Маршал Георгий Константинович Жуков лично обращался к нему с письмом благодарности за его служение Родине и в знак уважения к отцу

*Колокола, присланные
маршалом Г. Жуковым
Свято-Крестовоздвиженской
церкви*

Евгению прислал для Свято-Крестовоздвиженской церкви из Пруссии три колокола.

Принимал у себя партизан и священник села Сидельники Порозовского района Брестской области Яссиевич Афанасий Автонович. Начиная с 1942 года к нему систематически с интервалом в неделю-две приходили партизаны, называвшие себя «москвичами». В 1943 году в канун Пасхи в дом Афанасия Яссиевича пришло примерно около десяти партизан. Отобедав, один из них вручил священнику отпечатанное на машинке воззвание Киевского и Галицкого архиепископа Николая Крутицкого.

Священник Иоанн Курьян, служивший в одном из приходов Минской области, сотрудничал с партизанами. Он был связным партизанского отряда имени Григория Котовского Ильянского района Вилейской области, а позднее вступил в партизанский отряд имени Михаила Фрунзе, действовавший на территории той же области, и священник деревни Латыголь Виктор Васильевич Бекаревич.

В феврале 1944 года отцом Виктором Бекаревичем было передано подпольному Молодечненскому РК КП(б)Б и подпольному РК ЛКСМБ 5 тысяч 100 рублей. Штабом партизанского движения БССР 24 ноября 1944 года отцу Вик-

*Протоиерей Виктор
Бекаревич*

тору была выдана официальная справка о том, что он работал связным партизанского отряда имени Григория Котовского с 1 мая 1944 года по 28 июня 1944 года.

Протоиерей Михаил Фомич Скрипко, настоятель Негневичской церкви Лидского благочиния Барановичской области, был связным партизанского отряда имени Вячеслава Молотова.

Многие из партизан нуждались в медицинской помощи. Священник Борис Константинович Кирик, служивший в деревне Ятра Кореличского района Барановичской области, наряду с духовным образованием имел ещё и медицинское: он был фельдшером. Отец Борис под полом своего церковного дома выкопал огромный погреб, где устроил госпиталь для партизан на десять коек.

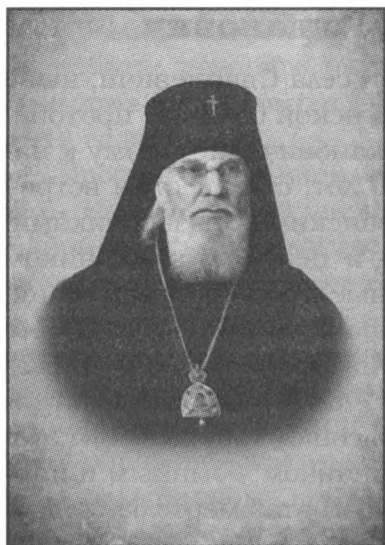
Священник Дмитрий Орловский благословляет советских воинов перед сражением. Орловское направление. СССР. Лето 1943 г.

Отец Иоанн Рожанович

Дом настоятеля церкви села Сварцевичи, ныне Дубровицкого района Ровенской области, протоиерея Ивана Ивановича Рожановича, которому к началу войны было около 70 лет, стал местом встреч подпольщиков с партизанскими разведчиками. Отец Иоанн был добрым и ценным помощником партизан, выполнял сложные задания и поручения, был принят в члены антифашистского комитета.

С личным участием отца Иоанна предпринимались рискованные шаги «челночной дипломатии» между бургомистром г. Высоцка Тхоржевским, комендантом полиции полковником Фоминым и партизанским командованием. И эта смертельно опасная игра принесла свои плоды: были освобождены пятнадцать партизанских заложников села Велюни, на сторону партизан перешли вооружённый отряд казаков из войск РОА г. Высоцка и части полицейского гарнизона во главе с полковником Фоминым.

В январе 1943 года, во время одной из карательных экспедиций, когда весь партизанский край был уже объят пламенем, возникла реальная угроза полного уничтожения и села Сварцевичи. В партизанском штабе обсуждались разные варианты предстоящего боя. Решили пойти на военную хитрость — послать на встречу с карателями церковную делегацию с «жалобой» на партизан и просьбой о «защите», благо, отец Иоанн в этом деле опыт имел. Цель делегации — убедить фашистов, что в Сварцевичах собраны крупные силы партизан, вооружённых автоматами, пулемётами и орудиями, а дороги вокруг заминированы. Во время разговора с эсэсовским полковником отец Иоанн так сумел убедить его в силе партизан, что офицер

*Архиепископ Горьковский
и Арзамасский Флавиан*

приказал своему отряду отступать.

Перед войной священник Фёдор Иванович Дмитрюк (впоследствии — архиепископ Горьковский и Арзамасский Флавиан) служил в Александро-Невском соборе г. Пружаны Брестской области. В период оккупации отец Фёдор и вся его семья участвовали в работе патриотического подполья г. Пружаны и имели прямую связь с белорусскими партизанами,

действующими в данной местности.

После разгрома фашистами пружанского подполья большая часть его участников погибли в застенках гестапо. Отец Фёдор спасся чудом, но его жена, старшая дочь, зять и другие ближайшие родственники были расстреляны, а младшая дочь тяжело ранена.

Своё пастырское служение благочинный протоиерей Вячеслав Новроцкий исполнял в райцентре Морочно Ровенской области. В период немецкой оккупации он не оставлял канонического общения с Московской Патриархией, помогал партизанскому движению.

Когда в начале 1943 года был разгромлен немецко-фашистский гарнизон и освобождён г. Морочно, отец Вячеслав встретил партизан пасхальным перезвоном. В честь освобождения состоялся

торжественный митинг, и на трибуне рядом с генералами и командирами партизанских отрядов стояли благочинный отец Вячеслав и партизанский связной настоятель Муравинской церкви отец Михаил Гребенко. В предоставленном ему слове отец Вячеслав от имени духовенства Русской Православной церкви обратился со словами благодарности к партизанам, сказав: «Мы, верующие люди, будем всегда помогать и молиться за павших ваших товарищей и за вас».

Священник села Гута-Степанская Ровенской области отец Мариан возглавил отряд самообороны, согласовав все организационные вопросы с партизанским командованием из соединения В.А. Бегмы. Для этого он встретился с католическим ксёндзом отцом Штефаном и убедил его объединить усилия для борьбы с оккупантами. Священнослужители нашли общий язык и создали общий отряд из тридцати человек, который до полного освобождения успешно защищал свои семьи и дома от националистов, полицаев и прочих банд.

Священник Жуковской церкви Невельского района Иван Яковлевич Щемелев призывал молодёжь в партизанские отряды: «Если вас будут брать немцы на работы или армию, то уходите к партизанам, а к немцам не ходите».

Прихожанин этой же церкви Иван Цуб на требование фашистского офицера показать, куда ушли партизаны, завёл карателей в трясины непроходимого болота. Из них спасся только один переводчик, полуживым попавший в руки народных мстителей. Он и поведал о подвиге Ивана Цуба. Тело героя было погребено по православному чину с воинскими почестями рядом с церковью, прихожанином которой он был всю жизнь.

Священники, казнённые фашистами за помощь партизанам

За связи с партизанским движением десятки священнослужителей были расстреляны или сожжены фашистами, среди них священники Николай Иванович Пыжевич, Александр Новик, Павел Щерба, Павел Сосновский, Назоревский и многие другие.

Настоятель церкви во имя Покрова Богоматери в селе Хоростово Логишинского района Пинской области Иоанн Лойко принародно благословил трёх своих сыновей Владимира, Георгия и Александра идти в партизаны: «Моё оружие на врази крест святой, поруганный супостатами, и слово Божие, а вы будьте Богом хранимы и честно служите Батьковщине».

В феврале 1943 года Хоростово было окружено карателями. Партизанское командование решило уйти без боя и вместе с мирным населением выйти из окружения. Отец Иоанн остался с теми, кто не мог уйти. По большей части это были больные, калеки и престарелые люди.

В ночь на 15 февраля, перед Сретением Господним, оставшиеся в селе слышали пулемётные очереди, одиночные выстрелы, разноцветные вспышки ракет. Никто не знал, что ждёт их. Богослужение началось около шести часов утра. Через некоторое время послышались близкие выстрелы. Всем стало понятно, что немцы рядом. После утрени началась исповедь. А народ всё шёл и шёл.

Отцу Иоанну передали, что фашисты приказывают всему населению деревни идти в церковь на молитву. Вскоре храм был переполнен, но из хра-

ма никого не выпускали. Почувствовав недоброе, отец Иоанн в кратком слове призвал прихожан усердно помолиться и всех благословил причаститься Святых Таин. Во время народного пения «Верую» в храм ворвались вооружённые фашисты и стали силой выводить из церкви женщин. О. Иоанн обратился с просьбой к офицеру дать возможность окончить богослужение.

В это время здоровенный фашист, выталкивающий с клироса молодых певчих, схватил отца Иоанна сзади и бросил его на царские врата. Они открылись, и священник упал перед Божиим престолом.

Прихожане услышали, что в двери храма забивают гвозди, а через окна увидели, как к погосту подвезли несколько саней, гружённых соломой. Из показаний местных полицейских, принимавших участие в этой расправе и судимых военным трибуналом Белорусского военного округа после войны, известно, что из объятай пламенем церкви они слышали всенародное пение молитв: «Тело Христова примите, источника бессмертного вкусите...» Песнопение оборвалось только тогда, когда рухнула прогоревшая кровля храма.

В подпольной газете «Полесская Правда» за 1943 г. рассказывалось: «Более 300 обугленных трупов зарыто в сожжённом селе Хоростово. В одной из могил — заживо сожжённый немцами хоростовский священник И.С. Лойко, крестьянка Анастасия Корж вместе с тремя малыми детьми, из которых один грудной. Там же похоронена семья Константина Козловского из пяти душ, 90-летний дед Данилевич, 80-летний Степан Корж и много других невинных стариков, женщин и детей».

Священник деревни Блячино Клёцкого района Барановичской области Николай Александрович Хильтов постоянно помогал разведчикам бригады партизан имени Василия Ивановича Чапаева, действовавшей в той же области. При церковном доме он создал «дом отдыха», где поправляли своё здоровье раненые и больные партизаны. 6 апреля 1944 года за помощь партизанам он был арестован вместе с братом Георгием Александровичем, тоже священником. Их замучили до смерти в концлагере Колдычево, причём вместе с жёнами.

Настоятель храма деревни Кобыльники Мядельского района Вилейской области Пётр Бацян имел мужество помогать евреям. Был арестован СД. В минской тюрьме фашисты запрягали священника в плуг и пахали на нём тюремный огород. Поиздевавшись вволю над отцом Петром, гитлеровцы затравили его насмерть собаками.

Партизанский разведчик, настоятель Видонской церкви Уторгошского района Мефодий Белов в 1943 году при выполнении разведывательного задания на станции Дно был схвачен немцами и после пыток расстрелян.

Настоятель церкви в Старом Селе, ныне Ракитовского района Ровенской области, Николай Пыжевич, друг отца Косьмы Раины, помогал раненым красноармейцам, был в добрых отношениях с партизанами и даже распространял листовки. Священник в домах верных ему людей распределял тяжелораненых, которых впоследствии лечили всем миром.

На него донесли, и в сентябре 1943 года в Старое Село нагрянули каратели. Батюшка выскочил в окно и уже почти скрылся в лесу, но, оглянув-

шись, увидел, что дом его, где остались жена и пять дочерей, заколачивают досками и обкладывают соломой. «Я здесь, — закричал он, — меня берите, Богом прошу, детушек невинных пожалейте...» Офицер ударом сапога сбил священника на землю и расстрелял в упор. Тело отца Николая солдаты бросили в уже пылающий дом. Через некоторое время за помощь партизанам было полностью уничтожено и Старое Село, а 500 его жителей сожгли заживо в храме.

Осенью 1943 года был расстрелян немцами священник Николай Иванович Михайловский, настоятель Свято-Воздвиженской церкви деревни Рогозино Жабинковского района Брестской области за связь с партизанами. В этом же 1943 году

Партизанский разведчик священник Мефодий Белов прощается с дочерью Руфиной — партизанской разведчицей

СД расстреляло священника Малишеского в городе Слониме Барановичской области.

Осенью 1943 года за сотрудничество с партизанами был расстрелян священник деревни Лаша Виталий Михайлович Боровский вместе со всей своей семьёй. Его выдала жена помощника старосты деревни Лаша Гродненского района Белостокской области Мария Лянгер, которая увидела в доме священника партизан и донесла на отца Виталия. Не избежала возмездия и доносчица. Партизаны её расстреляли.

Протоиерей Павел Сосновский выдавал справки о благонадёжности. Во время облавы был арестован человек со справкой отца Павла, за что протоиерей Павел Сосновский был арестован и зверски замучен гестаповцами.

А священник деревни Блячино Клецкого района Барановичской области Николай Александрович Хильтов постоянно помогал разведывательной группе под командованием Михаила Шершнева из бригады имени В.И. Чапаева, действовавшей в той же области. «Дом отдыха» был создан отцом Николаем Хильтовым при церковном доме, там партизаны не раз поправляли своё здоровье.

Ночью 6 апреля 1944 года отца Николая Александровича Хильтова, его брата Георгия Александровича Хильтова, тоже священника, арестовали за связь с партизанами. Жёны священников Хильтовых Наталья Ивановна и Лидия Александровна вместе с детьми поехали в город Барановичи, надеясь узнать о судьбе мужей. Оставив детей у знакомых, женщины пошли на приём к Радославу Островскому, надеясь на его помощь. (В то время, когда Радослав Островский преподавал в городе Вильно в белорусской гимназии, Николай Алексан-

дрович Хильтов был его учеником). Но из Барановичского СД жёны не вернулись и были вместе с мужьями замучены в концентрационном лагере «Колдычево».

Священники, с оружием в руках воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны

Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 году на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии.

Пятью боевыми медалями был отмечен ратный путь священника из города Чистополя Куницына, призванного в армию в 1941 году и с боями дошедшего до Берлина.

Служивший в Уфимской епархии с 1924 года священник Димитрий Логачевский в годы Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной Армии, где в рабочем батальоне помогал нашим воинам громить врага. После ранения в 1943 году он вернулся к пастырскому служению, впоследствии стал настоятелем Покровского кафедрального собора в г. Куйбышеве. Протоиерей Димитрий был награждён медалями «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Из воспоминаний протоиерея Бориса Васильева: «У меня отец был священником, дед и прадед были священниками. Четыре класса окончил сельской школы. Пошёл служить псаломщиком... В 1938 году был рукоположен в сан диакона... Перед самой войной служил диаконом в Костромском кафедральном соборе. Оттуда меня и взяли в

армию. Призвали, когда началась Великая Отечественная война. Увезли сразу на окопы. Подходит ко мне офицер, видит, я человек грамотный, спрашивает: «Вы где учились?» — «Я окончил четыре класса». — «Не может быть! А дальше?» — «Я — диакон». — «Всё ясно. Вы служили у священноначалия. Принимайте все бригады под ваше руководство».

Два дня я руководил всеми бригадами. Потом приезжает генерал. Просит показать диакона. Подводят ко мне. Генерал Шеволгин спрашивает: «Вы согласны ехать в офицерское училище?» Я: «Согласен». Меня отправили в училище в Великий Устюг. Там я проучился шесть месяцев. Всем присвоили звание младшего лейтенанта. Мне присвоили звание лейтенанта, потому что я очень хорошо знал всё, наизусть. Окончив училище, я сразу попал под Сталинград, командиром взвода разведки...

Немцы шли в бой, у них у всех было написано по-немецки: «С нами Бог». Немцы давили танками женщин, стариков, детей. На гусеницах были волосы, кровь, мясо. Но мы-то шли со знамёнами, там была красная звезда. Но была ещё иконка в кармане и крест. У меня до сих пор хранится «Святитель Николай», пробитый пулей».

После Сталинграда отец Борис Васильев становится заместителем начальника полковой разведки. Участвует в разработке и осуществлении операций на Северском Донце и Юге Украины.

«...Нас выбросили на самолёте в 18 километрах от Запорожья, чтобы узнать, где находится штаб противника, — вспоминает отец Борис. — Мы два дня наблюдали за действием этого штаба. Двое из нас вернулось. А Смирницкий, тоже сын священника, был хороший человек, в разведке был от-

чаянный, моряк-штрафник, — погиб там. Я сам видел своими глазами: немцы его распяли на сарае. Прибили руки гвоздями. Ничего нельзя было сделать. Я сидел в колодце в 40 метрах... Это было 16 августа, а уже 17-го началось наше наступление по всему фронту».

Разведоперация под Запорожьем стала последней для отца Бориса Васильева, после которой он в новом звании капитана был отправлен в тыл на лечение, а затем его оставили в Саратове готовить кадры.

Из воспоминаний протоиерея Бориса Пономарёва

Нельзя без волнения читать воспоминания протоиерея Бориса Пономарёва, призванного на фронт 23 июня 1941 года.

«На второй день войны я был призван на защиту нашей Родины. Причастился в Николо-Кузнецком храме и на другой день был направлен на Ленинградский фронт... У меня не было родителей, меня благословила старушка 92 лет, дальняя родственница, и сказала: «Ты будешь жив, люби и защищай Родину...»

В самое тяжёлое время блокады Ленинграда я получил от неё письмо: «Дорогой Боря, как вам приходится переживать, но мы молимся и надеемся на милость Божию. Бог милостив, а враг будет изгнан. Вчера у нас во дворе упала бомба, стекла все выбиты. Мы также переносим тяжесть войны. Я часто бываю в храме и молюсь за воинов и шлю тебе материнское благословение».

Меня спрашивают: какое ваше самое сильное впечатление от войны? В самое тяжёлое время

блокады Ленинграда <...> недалеко от входа на кладбище мы увидели девочку лет тринадцати, склонившуюся и стоявшую на одном колене. На ней была шапка-ушанка, и вся она была немного занесена снегом, а сзади на санках был труп женщины, умершей от голода, видимо, мать девочки, которую она не успела похоронить (и замерзла сама). Эта страшная картина потрясла меня на всю жизнь...

В первые дни войны я видел сон — большое изображение иконы Покрова Божией Матери. После этого у меня появилась уверенность в том, что нас защищает Царица Небесная.

Мальчиком восьми лет я прислуживал в храме Покрова Божией Матери, а когда (после войны) принял сан священства, то был назначен священником в храм Покрова Божией Матери в с. Карасёво Коломенского р-на. Через два года я был переведён митрополитом Николаем в другой храм. Для меня была большая радость: храм опять был во имя Покрова Божией Матери в с. Хомутово Щелковского р-на. Я всю жизнь ощущаю заступление Божией Матери...

В 1942 года в Ленинграде (после госпиталя) у меня была возможность побывать в Никольском соборе. В храме в это время читали часы и находились истощённые от голода люди... Я спросил: «Когда совершает богослужение митрополит Алексей?» Мне ответили, что владыка находится в алтаре...

Митрополит Алексей очень милостиво благословил меня и спросил: «Вы, наверное, прислуживали в храме?» — Я сказал, что да, и сказал где. Владыка заметил, что хорошо помнит служившего там владыку и его мать. Я дерзнул предложить

митрополиту Алексию свою порцию хлеба, а он ответил: «И вам так же трудно переносить блокаду и голод. Если можете, передайте матушке алтарнице».

Владыка меня спросил: когда война кончится, буду ли я служить при храме? Я ответил: «Владыка, у меня призвание с детства не оставлять храм». Я положил земной поклон перед престолом, и владыка меня благословил и дал служебную просфору, очень маленькую, размером с пуговицу.

После снятия блокады у меня бывали увольнительные, и в будничные дни мне доводилось читать в Никольском соборе часы... В первый день Пасхи верующие приносили освящать маленькие кусочки хлеба вместо куличей. Какое было утешение для всех ленинградцев, что в храмах осаждённого города ежедневно совершалось богослужение».

Среди священнослужителей есть кавалер солдатских орденов Славы всех трёх степеней. Это заштатный диакон храма в с. Бровары Борис Крамаренко.

Орденом Славы третьей степени и медалью «За победу над Германией» награждён протоиерей Стефан Козлов, служивший пулемётчиком с момента призыва — с июля 1944 года. В последние годы своего служения он был клириком храма во имя святого благоверного князя Александра Невского в Санкт-Петербурге.

Сержант Коноплёв, будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексей, до войны он был церковнослужителем — псаломщиком. Родился 28 января 1910 года в городе Павловске (ныне Воронежской области).

По получении среднего образования с 1929 года исполнял обязанности псаломщика в храмах города

*Митрополит Калининский
и Кашинский Алексей*

Павловска. В октябре 1941 года был мобилизован в ряды Советской Армии. 5 мая 1942 года получил ранение. После излечения снова направлен на передовую. Был ранен вторично и после госпиталя как нестроевой откомандирован в военно-дорожный отряд. День победы встретил в звании старшины и награждён медалью «За боевые заслуги». При увольнении в запас в 1945 году ему была вручена грамота командующего войсками Ленинград-

ского военного округа Маршала Советского Союза Л.А. Говорова с благодарственной записью.

Протоиерей Маркиан Пасторов

«Родился в Сталинградской области, Кумылженский район, хутор Ярской, в семье крестьянина. Рукоположен во диакона в 1925 году.

В начале Отечественной войны был мобилизован на оборонные работы. В 1942 году попал во вражеский плен. Из плена совершил побег в город Варнау, где обратился к Митрополиту Дионисию, который направил меня во Францию в войсковую

часть диаконом в распоряжение архимандрита отца Владимира Финковского, где я служил в разных местах; в 1945 году (в День Трёх святителей) был возведён в сан протодиакона Епископом Василием Венским.

По окончании войны вместе со многими был репатриирован в Россию, выслан в город Прокопьевск Кемеровской области. В первые годы моего пребывания там я был лишён права выезда, поэтому нигде не мог служить в приходе». Лишь в 1956 году отец Маркиан стал протодиаконом храма в Прокопьевске. О годах своей ссылки он не без юмора говорил так: «Десять лет находился на «сибирских курсах». В начале семидесятых по возрасту вышел за штат, и в конце своей жизни жил у дочери в городе Калач Волгоградской области».

Священник Георгий Писанко встретил войну в сорокапятилетнем возрасте, как нестроевой по мобилизации был причислен к тыловым частям. Но кто в первые месяцы войны мог дать гарантию, что тыл вдруг не станет передовой? Так и случилось с полком, в котором служил рядовой Писанко. Окопы, которые воины готовили для отходивших подразделений, пришлось занять им самим и выдержать неравный бой. Оглушённый разрывом снаряда, отец Георгий попал в плен. Выждав благоприятный момент, бежал, но безуспешно. После пыток и издевательств оказался в рабочей команде, на рытье окопов, откуда вновь совершил побег...

Протоиерей Фёдор Забелин — герой двух войн

Митрофорный протоиерей Фёдор Забелин прошёл достойный путь самоотверженного служения Богу и людям. В годы первой мировой войны он, являясь благочинным стрелковой дивизии на Западном фронте, был тяжело ранен осколком снаряда. За личную храбрость отец Фёдор был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте

В 1919-1941 годах отец Фёдор служил в храмах Лужского и Детскосельского районов. Он часто проповедовал, постоянно старался помогать прихожанам. Целый ряд бедняков, по свидетельству современников, состоял у него на постоянной пенсии. Каждую бездомную кошку или собаку он, бывало, подберёт и выкормит. О его благотворительной деятельности он запрещал кому-либо рассказывать. По виду он был скромный и незаметный старец, обладавший тем не менее большой силой духа. Во время боёв под Ленинградом, в самые страшные бомбардировки, он также спокойно, как и в обычное время, ежедневно служил в Знаменской церкви г. Пушкина литургии. Бывало, звенят разбитые стёкла, сыпется штукатурка, а отец Феодор бесстрашно предстоит святому Престолу, словно и не слыша потрясающих храм оглушительных взрывов. А церковь находилась всего в 1,5 километрах от передовой...

Во время одной из бомбёжек дом отца Феодора сгорел, и он вместе с прихожанами претерпевал голод и холод.

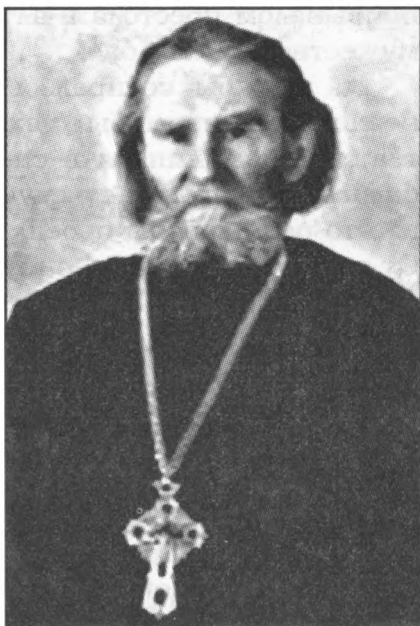
12 августа 1942 года отец Феодор был насильственно эвакуирован немцами в Гатчину, причём

происходило это в грубой форме, большинство вещей протоиерея, в том числе митра, иконы, книги, крестики, остались в Пушкине и были разграблены.

В обезлюдившую Гатчину немцы привозили не только военнопленных, но и гражданских на поселение. Вот в числе этих «перемещённых лиц» из Царского Села и оказался престарелый протоиерей Фёдор Забелин.

Отец Фёдор по прибытии в Гатчину начинает хлопотать перед оккупационными властями о передаче православной общине храма для богослужений. В ответ на его просьбу немцы предложили Покровский храм, более или менее сохранившийся, но священник настоял, чтобы православным отдали Павловский собор. Просьба казалась нелогичной: Павловский стоял без купола, был обезображен. Наверное, священник выбрал его, чтобы восстановить, ведь никто другой — ни немцы, ни советская власть — этим бы не занялся.

Пока шёл ремонт крыши, службы отец Фёдор проводил в подвале собора. Там же прятал сбежавших военнопленных. Один раз даже спас от смерти советского разведчика, спрятав его под

*Протоиерей Фёдор Забелин
(1867-5.06.1949)*

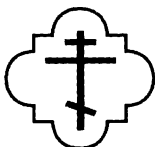
покрывалом престола в алтаре. В общем, это был мужественный человек.

На службы собиралось много народа, среди певцов на клиросе был даже артист Мариинского театра, оказавшийся в спецлагере. Немцы относились равнодушно к верующим, только однажды кто-то ради забавы бросил гранату внутрь храма. От взрыва, к счастью, никто не пострадал.

Несмотря на все препятствия, приходская жизнь постепенно возрождалась. Много молодых людей и детей были крещены. Даже в будние дни в храме было не менее 20-30 молящихся, а по воскресеньям — в несколько раз больше. Дети начали приходить в храм и изучать религию в школе.

После освобождения Гатчины в 1944 г. собор посетил митрополит Алексей (Симанский) и благословил ремонт верхнего храма. Вскоре там был устроен временный иконостас. Полное восстановление собора осуществлялось позднее, в 1946-1952 годах при активном участии протоиерея Петра Белавского, помогавшего престарелому протоиерею Феодору в этих нелёгких трудах.

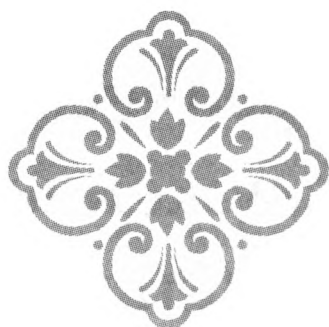
Преставился отец Феодор ко Господу 5 июня 1949 г. Отпевал его епископ Лужский Симеон (Бычков). Погребён отец Феодор за алтарём церкви Всех Святых на Гатчинском городском кладбище рядом с могилами настоятелей Павловского собора протоиереев Николая Судакова и Владимира Образцова.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

**Геронческое
служение
священников
в наши дни**

8 февраля 1999 года из Северо-Кавказского регионального управления по борьбе с организованной преступностью при ГУБОП МВД России пришло сообщение на имя начальника УУР УВД Ставропольского края, полковника милиции М.М. Лепшокова. В сообщении в частности говорится: «По имеющейся информации Чистузов А.И., 1953 г.р. действительно похищен в январе 1996 г. в Урус-Мартановском районе ЧРИ. Инициатором и одним из исполнителей похищения его и о. Сергея Жигулина является Закаев Ахмед Халидович, 1956 г.р., бывший работник Министерства культуры, помощник Президента ЧРИ З. Яндарбиева. Впоследствии, по указанию А. Закаева, о. Анатолий был расстрелян и захоронен на западной окраине пос. Красноармейский, Урус-Мартановского района ЧРИ».

Пастырь, положивший душу свою за други своя

(При написании этой главы использован материал из книги Виталия Носкова¹ «Любите нас, пока мы живы»)

В один из дней 1992 года на приём к митрополиту Ставропольскому Гедeonу пришёл офицер ВВС и сказал, что имеет искреннее желание послужить Церкви в священном сане. Этим офицером был заместитель начальника Ставропольского высшего военного авиационного училища майор Анатолий Чистуосов. За плечами майора было два высших образования: кроме военного, ещё и педагогическое.

Владыка митрополит почувствовал в этом необыкновенном посетителе глубокий и осознанный выбор зрелого человека, а потому без колебания благословил его посещать богослужения в Крестовоздвиженском храме города и помогать прислуживать в алтаре и читать на клиросе.

С этого времени Анатолий стал с усердием исполнять послушания на клиросе и в алтаре Крестовоздвиженского храма. Через год он принимает окончательное решение об оставлении военной службы, чтобы полностью посвятить себя слу-

¹ Носков Виталий Николаевич — член Союза писателей России, выпускник Литературного института им. А.М. Горького. С 1995 по 2000 гг. в качестве специального корреспондента газеты «Щит и меч» и журнала «Милиция» многократно выезжал в Чеченскую Республику и Дагестан, участвовал в боевых операциях Специальных отрядов быстрого реагирования МВД России. За бои в Грозном в марте 1996 года награждён орденом Мужества.

жению Церкви. Прежде чем подать рапорт, отправляется к архимандриту Кириллу (Павлову) в Троице-Сергиеву Лавру, где после беседы старец благословляет его принять священство.

18 марта 1994 года Анатолия рукоположили в сан диакона, а через два дня во священника. Перед хиротонией митрополит Гедеон спросил Анатолия: «А если пошлю туда, где беспокойно, где опасно, — пойдёшь?» Тот спокойно и твёрдо ответил: «Куда благословите, Владыка, туда и пойду. Никакие земные обстоятельства мне не страшны».

На следующий день после хиротонии владыка Гедеон направил отца Анатолия в распоряжение благочинного церквей Чечни, сказав ему на прощание: «Ты военный, вот тебе, значит, там и место».

В декабре 1994 года в Чечне начались широкомасштабные военные действия и храм Михаила Архангела оказался в эпицентре боёв. Вскоре после начала боевых действий отец Анатолий оказался единственным священником в Грозном, так как настоятель храма, он же и благочинный всех приходов в Чечне, протоиерей Петр Нецветаев покинул столь опасное место. Несмотря на просьбы митрополита, он отказывается вернуться к своей пастве в зону боевых действий.

В январе 1995 года, попав в центре Грозного под миномётный или артиллерийский огонь, чеченские боевики стремительно откатились к храму Михаила Архангела, так как надеялись, что русские не будут обстреливать православный храм. И действительно, в самые страшные обстрелы и перестрелки храм оставался невредимым, так как берёгся войсками, как впрочем и мусульманские мечети.

Стрельба в городе не прекращалась, и отец Анатолий, рискуя угодить под снаряд или пулю, шёл к солдатам и к жителям города, прятавшимся в подвалах домов. Он исповедовал их, причащал и крестил всех желающих, а таковых было немало. Подрясник бесстрашного священника в нескольких местах был прострелен, но его самого Господь хранил, и батюшка вновь и вновь шёл к тем, кто ждал его.

Среди ужаса войны Михайло-Архангельский храм первое время оставался единственным добрым и участливым местом, где каждый мог найти утешение, насытиться духовной пищей, водой и хлебом. Отец Анатолий был известен всем как светлый и чистый помощник страждущих мирных жителей — русских и чеченцев. У многих простых, безденежных тружеников была одна отрада — молитва. Люди часами пробирались через развалины, чтобы обрести в церкви покой и защиту.

Вскоре к отцу Анатолию прибыл на помощь священник Александр Смывин. Ранним утром, когда вновь прибывший священник шёл на службу, к нему возле храма подошли двое нетрезвых, обвешанных оружием чеченца. Один из них направил в лицо отца Александра пистолет. «Отстань!» — по-чеченски крикнул бандиту священник, и тот, засмеявшись, спрятал оружие.

Когда чеченцы пытались сломить героическое сопротивление наших солдат на железнодорожном вокзале, отца Анатолия пригнали туда под автоматами, требуя, чтобы он вместе с депутатом Госдумы Сергеем Ковалёвым уговаривал верных присяге бойцов сдать.

Правозащитник Ковалёв лез из кожи, чтобы помочь чеченским боевикам сломить сопротивление

десантников Майкопской бригады, героически защищавшей вокзал. Брызгая слюной, этот либеральный иуда кричал в мегафон, что, мол, русские солдаты пришли на чужую территорию, что это не их земля. Уговаривая русских десантников сдаться, он что-то обещал им и сулил.

Участник боевых действий в Грозном — офицер спецназа ВДВ вспоминает: «...Чеченские боевики, уже отчаявшись взять вокзал штурмом, стали пытаться психически сломить наших ребят. Главная роль была отведена в этом деле Сергею Ковалёву. При помощи громкоговорителя он призывал десантников сложить оружие, так как они являются преступниками и убийцами. Спецназовцы после этих слов не открыли огонь на поражение только потому, что они видели в группе боевиков рядом с Ковалёвым православного священника. Уже потом стало известно, что этим священником был отец Анатолий Чистоусов, насильно приведённый чеченскими бандитами для того, чтобы, подобно Ковалёву, призывать десантников сдаться. Но отец Анатолий отказался что-либо говорить и лишь молча перекрестил наших ребят».

Через год боевики припомнят православному священнику это благословение, когда, захватив его в плен, затеяв расследование, что якобы отец Анатолий водил на штурм чеченских позиций российских военнослужащих.

Весь январь 1995 года, спасаясь от пуль и осколков, прихожане молились в церковном подвале. Вместе с отцом Анатолием и отцом Александром находились верные люди, в основном старушки да семидесятилетний пономарь Николай Денисович Жученко.

Уходя из Грозного, боевики расстреляли церковные купола зажигательными пулями, бросили в храм гранату. Храм Михаила Архангела горел сорок минут. Но церковные люди и отец Анатолий спасли Антиминс, часть старинных икон.

15 марта 1995 года митрополит Гедеон назначил отца Анатолия настоятелем Михаило-Архангельского храма и благочинным церквей Чечни.

Пришедшие в город федеральные и милицейские силы оказали храму помощь продуктами. Российское МЧС выделило походную баню, электродвижок, вагончик, бак для питьевой воды. Многие солдаты и офицеры Объединённой группировки приняли в храме крещение, поставили поминальные свечи.

Охранялся храм Михаила Архангела только по большим праздникам. На Пасху 1995 года вокруг церкви несли службу бойцы первого полка ОДОНа.

Разрушенный храм Михаила Архангела в Грозном

Каждодневно с наступлением темноты в разных частях Грозного вспыхивали перестрелки, рвались гранаты, ухали танковые пушки. Чеченцы вели против «федералов» партизанскую войну.

Первой жертвой боевиков в ноябре 1995 года стал отец Александр Смывин. Он проживал в однокомнатной квартире на втором этаже. Ворвавшись к нему посреди ночи, бандиты несколько часов избивали священника. Потом облили его бензином, собираясь сжечь заживо. Отец Александр нашёл в себе силы выброситься с балкона. По сча-

*Священник Анатолий
Чистоусов*

стью, он упал на кучу опавшей листвы и скрылся от преследователей. После поправки здоровья отец Александр уже не вернулся в Грозный, и отец Анатолий опять остался один.

Отец Анатолий приложил немало усилий, чтобы за лето и осень 1995 года подправить архитектурный облик храма, отремонтировать часть церковных строений.

12 декабря 1995 года, когда отец Анатолий направлялся в Ставрополь для участия в престольном празднике Кафедрального собора св. Апостола Андрея Первозванного, его машина была остановлена вооружёнными чеченцами. Один из них сел за руль, однако двигатель внезапно заглох, и завести машину не получалось. Бандиты стали кричать, оскорблять священника и угрожать ему расправой. Неизвестно, что помешало им сделать это тогда. Дело кончилось тем, что боевики скрылись, отобрав у отца Анатолия сумку с деньгами, которые тот вёз для покупки церковной утвари во вновь восстанавливаемый храм.

13 декабря за Божественной литургией митрополит Гедеон возложил на Батюшку камилавку — награду за героическое служение в огнедышащем Грозном. Опасаясь, что боевики могут снова напасть на отца Анатолия, владыка принял решение о его переводе из Грозного в Ставрополь, где находилась его семья — жена и двое детей. Однако отец Анатолий сказал митрополиту, что не боится боевиков и отказался покинуть свою грозненскую паству, так нуждавшуюся в его поддержке в эти страшные дни.

Игумен Нектарий (Морозов), побывавший в Грозном в 1995 году, так описывает трогательную картину своей встречи с отцом Анатолием: «Русский священник с кротким, удивительно спокойным, мирным лицом и собравшаяся вокруг него община. Я не думаю, что это были только лишь постоянные прихожане, к нему прибились и просто те, кому было страшно и некуда больше идти. Мы говорили с отцом Анатолием, и он рассказывал, как загорелся храм, как вынес из него антиминос, как отпраздновали они Пасху. А народ потихонь-

ку собирався вокруг, обступая нас, а в большей степени — отца Анатолия. Я смотрел на это, и на глаза наворачивались слёзы. Мне кажется, я тогда впервые понял, что это такое — пастырь и его паства, потому что они и правда были рядом с ним, как овцы со своим пастухом, у них, кроме Бога и него, никого не осталось, кто мог бы их защитить и кому они были бы нужны. Здесь было очень трудно, очень страшно, но всё было (возможно, именно поэтому) предельно настоящим, ничего искусственного, а всё так, как оно и должно быть... Пастырь, готовый положить свою душу за овец, и паства...»¹

В двадцатых числах января 1996 года в Грозный прибыл сотрудник Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата протоиерей Сергей Жигулин, и вместе с отцом Анатолием Чистоусовым они направились в Урус-Мартан, чтобы выполнить поручение Святейшего Патриарха Алексия II, к которому мать одного солдата обратилась за помощью — выволить её сына из чеченского плена. На обратном пути обоих священников захватили чеченские боевики и поместили их в концлагерь так называемого «департамента государственной безопасности чеченской республики Ичкерия».

Через пять месяцев больного, измождённого, с неправильно сросшейся переломанной рукой отца Сергея сумели вернуть из плена с помощью международных организаций, иностранных послов, поисковой работы Русской Православной Церкви. От него-то и стало известно, как мужественно держался протоиерей Анатолий.

¹ Газета «Православная вера». № 19 (471), 2012.

Всего три дня их продержали вместе. Священников пытали: били кнутом, не давали пить, держали полураздетыми на морозе. Отцу Сергию Жигулину сломали правую руку, несколько рёбер. Со слов отца Сергия, иерея Анатолия подвергали особым издевательствам, из него пытались выбить признание, будто бы он сотрудничал с ФСБ. «Расследование» по отцу Анатолию контролировал сам Дудаев.

После очередного допроса отец Анатолий вдруг неожиданно сказал отцу Сергию: «Слушай, брат, ведь это счастье — пострадать за Христа, умереть с Его именем на устах».

Один из чеченских пленников, оставшийся в живых, вспоминает: «Когда нас привезли в какое-то новое место, нас разделили по камерам, его посадили туда, где было человек тридцать, потом мне его сокамерники рассказывали, что когда отец Анатолий зашёл в камеру, они ругались. Связаны были одной бедой, но ругались. Он вошёл в камеру и тихо произнёс: «Здравствуйте. Я отец Анатолий».

Все сразу забыли, что же они не поделили. Наступило умиротворение...»

14 февраля 1996 года священника Анатолия Чистоусова, истерзанного пытками, но не сломленного духом, чеченские боевики расстреляли. Останки мученика были эксгумированы лишь в июле 2003 года в горах, недалеко от Старого Ачхоя.

Новый кавказский мученик протоиерей Пётр Сухонос

(Для написания этой главы использован материал из книги журналиста Александра Горшкова¹: «Протоиерей Пётр Сухонос, Кавказский страстотерпец и праведник нашего времени»)

Протоиерей Пётр Сухонос стал вторым священномучеником новой Кавказской войны конца XX века после священника Анатолия Чистоусова.

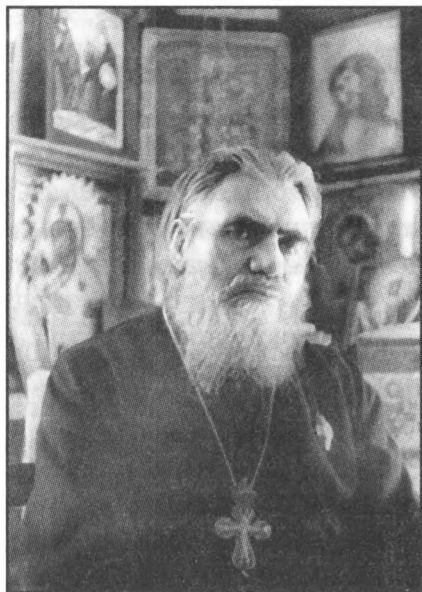
Родился Пётр Сухонос 7 июля 1929 года в селе Ипатово, на Ставрополье. В 1948 году он поступил в Ставропольскую духовную семинарию, а в 1952 году успешно окончил её. После рукоположения служил в Андреевском храме города Ставрополя. С 1954 по 1959 он служит в селе Малые Ягуры и одновременно в соседнем селе Камбулат. В 1959 году Сухоносова переводят служить в село Дивное, а затем в Рагули.

В 1960 году отец Пётр был назначен настоятелем в Покровскую церковь станицы Орджоникидзе-Зевская (ранее Слепцовская). Здесь он прослужил 40 лет до самой своей мученической кончины.

В трудные годы хрущёвских гонений священнику не только удалось сохранить храм от закрытия, но даже благоукрасить его и преумножить паству.

Жил отец Пётр при храме в скромном приходском доме и вёл строго-монашескую жизнь. Плодами этой благочестивой жизни явился дар необыкновенной самоотверженной любви к Богу и людям,

¹ Горшков Александр — журналист, писатель, фотохудожник и общественный деятель. <http://sunzha.narod.ru>

Протоиерей Пётр Сухонос

дар духовничества. «К пустому колодцу не ходят», — говорит русская народная поговорка. Благодатный дар пастырского попечения о душах людей в отце Петре не остался не замеченным в народе. Отец Пётр стал одним из самых известных и чтимых священников на Северном Кавказе. Многие священники и миряне приезжали к нему за благословениями и советами как к духоносному

старцу даже из отдалённых мест.

Много отец Пётр претерпел напастей, чинимых ему безбожной властью, но выстоял благодаря поддержке своих прихожан. Немало огорчения доставляла ему и зависть некоторых своих собратьев — священников. В этих скорбях и притеснениях закалялась душа подвижника, которому был уготован венец мученика.

В начале девяностых годов на Кавказе становится беспокойно. Ещё задолго до начала Первой чеченской войны начинается беспредел, когда русских людей безнаказанно грабят, убивают и насилуют.

Начался исход русского населения из республики. Многие духовные чада отца Петра стали просить у него благословение и святых молитв на

переезд в безопасные места. На заборах и воротах казачьих дворов сплошь и рядом можно было видеть лаконичную надпись: «Продаётся».

Тяжело было людям покидать родные места и родной храм, а батюшке было вдвойне тяжелее видеть всё это. «А на кого же вы оставляете нас?» — спрашивал он, больше для выражения своей скорби, нежели ожидая получить ответ. Отец Пётр прекрасно понимал, что люди спасают свои семьи, детей и родных от смерти. Некоторые предлагали батюшке покинуть этот взрывоопасный край и уехать с ними. Таким отец Пётр с грустью отвечал: «Мне нельзя! Капитан покидает своё тонущее судно последним. У меня ещё есть прихожане: на кого я их оставляю?» Благословляя на переезд других, он оставался сам в своём «соборике» на великий подвиг. Для тех, кто уезжал из станицы, батюшка находил тёплое слово утешения, обещая не забывать в своих молитвах.

Несмотря на начало военной операции и опасность передвижения по территории республики, ведь Ингушетия стала фактически прифронтовой зоной, десятки людей каждый месяц приезжали к своему духовнику и наставнику в гости.

Каждой такой встрече отец Пётр был рад несказанно. Наверное, он не терял надежды на то, что жизнь скоро войдёт в нормальное, прежнее русло и люди вернутся к родным очагам.

«Уже некоторые люди возвращаются, особенно к детям едут, — сообщает в письме батюшка. — Жаль, что Вы поторопились, теперь у нас в Назрани своё гостелевидение. Приезжали на Страстной Четверг, брали интервью, т.е. поздравление моё к людям. Говорил я за Вас директору, но забыл фамилию Вашу...»

«Да, скорбна и Ваша обстановка, — соболезнует батюшка своему духовному чаду, оказавшемуся в изгнании, — от одного горя ушли, другое встретили. Духовные скорби и разложение тоже ужасны. Вразуми и сохрани Вас, Господи... Приезжайте к нам, когда Господь управит, обратный путь оплатим. Говорят, что некоторые русские возвращаются, власти по-доброму относятся...»

«Собираетесь ли возвращаться? — обращается отец Пётр через интервью с корреспондентом одной из российских газет. — Я понимаю, мне легко говорить, никого родных не осталось, доживаю. Но вы, кто и на чужбине не прижился, долго скитаться будете? Три раза переехать — что раз сгореть. Вот недавно к нам старушка вернулась — нашли ей жильё. Может, и вам с Божией помощью и с заботой руководства и жильё, и работа найдутся. Скорбно, с большой болью вспоминаем о вас...»

Теперь трасса «Баку — Ростов» называется «Федеральной трассой». Она проходит в непосредственной близости от станицы Орджоникидзевской. С началом войны эта транспортная артерия стала единственной «дорогой жизни» для всех, кто стремился в «Слепцовку». Чтобы попасть в станицу, стоит лишь свернуть с шоссе и проехать несколько сот метров асфальтовой дороги.

Близость федеральной трассы в жизни станичников органично сплелась с близостью самой войны. Лязг гусениц тяжёлой бронетехники и гул крытых брезентом военных колонн отдавался дребезжанием оконных стёкол в домах. Днём и ночью нескончаемым потоком в сторону Грозного двигались маршевые подразделения российских войск. В обратную сторону армейские тягачи круглосу-

точно везли ту же бронетехнику, только теперь в виде бесформенной груды металла: искорёженную, изуродованную минами и снарядами, выстрелами гранатомётов, бутылками с зажигательной смесью. Этой же трассой шёл и страшный «груз 200» — цинковые ящики с останками ребят, сложивших свои головы в той страшной войне.

Не только земля, но и небо над «Слепцовкой» не знало покоя от рёва пронесившихся штурмовиков, тяжёлых бомбардировщиков, вертолётов. Всё ближе и ближе слышались нарастающие раскаты артиллерийских ударов и разрывы авиабомб. Совсем рядом, всего в нескольких километрах от станицы шли яростные бои за чеченское селение Бамут. Сохранившиеся шахты стоявшей здесь в прежние времена ракетной воинской части боевики теперь превратили в неприступный бастион. Приезжавшие в станицу гости не переставали вздрагивать всякий раз, когда слышали очередной залп артиллерийской батареи и установок «Град». «Этот «гром» у нас теперь и летом, и зимой», — спешил успокоить гостей отец Пётр.

За станичной околицей, на пустыре, выросли первые городки беженцев. В холодных дощатых вагончиках, домиках и брезентовых армейских палатках тут ютились тысячи людей разных национальностей, оставшихся без крова над головой. Отныне единственным их пропитанием была так называемая «гуманитарная помощь» в виде просроченных импортных «деликатесов» и кусок хлеба, которым делились с несчастными людьми местные жители. Обозлённые беженцы из Чечни вымещали свою злобу на оставшейся части русскоязычного населения, почему-то видя в них главную причину своих бед и страданий.

Доставалось не только живым: разъярённые националисты пришли на местное христианское кладбище и начали устраивать там погромы могил. Таблички с именами усопших и их фотографии превращались в мишени, по которым целились и стреляли из оружия вандалы. Памятники и кресты валялись на земле, а на них корявой рукой в адрес ещё живых было написано: «То же самое ждёт и вас».

По распоряжению Президента Ингушетии Руслана Аушева возле церкви выставили круглосуточную вооружённую милицейскую охрану. Пост значительно усиливался в дни больших христианских праздников.

Но даже эти меры предосторожности не гарантировали личной безопасности настоятеля и прихожан, провокации или диверсии можно было ждать в любой момент. Во время крестного хода на Пасху через соседние дворы прямо в головы верующих летели увесистые камни, слышались выстрелы. Вооружённые милиционеры-ингуши в бронежилетах плотным кольцом оцепляли Покровскую церковь, чтобы туда не проникли провокаторы и тщательно проверяли всех подозрительных лиц, среди которых могли оказаться и специально подготовленные диверсанты.

«У нас Пасха прошла относительно нормально, — пишет отец Пётр в письме 26 мая 1998 года, — но было происшествие. В Великую Субботу в два часа ночи мы слышали нападение на охранников. После Пасхи у нас дежурят три охранника. Обстановка в Ассиновке напряжённая, да и у нас также. Как вы слышали, в Ставрополе будет штаб для наведения порядка на Кавказе. Отзывается торговля рабами. В первый день

Пасхи прибыл и лично поздравил нас в 11 часов дня президент Аушев, подарив на храм 10 тысяч рублей, которые кстати пришлось вручить пострадавшим охранникам».

Так протоиерей Пётр Сухоносков не прекращал свою благотворительность даже в условиях реальной опасности для его жизни.

Отец Пётр тяжело переживал трагедию, пришедшую в край. Прожив тут много лет в большой и дружной многонациональной семье, он оплакивал страдания всех, кого война в одночасье сделала обездоленными, разорёнными, голодными и холодными, осиротевшими. Он силился понять причины, ожесточившие сердца людей, ещё вчера живших в мире и согласии, находивших общий язык, вместе растивших детей, питавшихся одним хлебом, дышавших одним воздухом. Батюшка мучительно пытался осмыслить логику новой кавказской войны. Он видел, как её пожар, начавшись с небольших локальных конфликтов в Закавказье, уже перекинулся через Большой Кавказский хребет и с каждым днём угрожал охватить весь кавказский регион. Станица Орджоникидзевская превратилась в транзитный пункт на пути следования не только российских войск, но и многочисленных миротворческих миссий, международных наблюдателей, представителей пацифистских организаций, журналистов, обозревателей, народных депутатов, политологов, а также посредников, занимавшихся обменом военнопленных. Не было дня, чтобы в «Слепцовке» не останавливались родители, приехавшие сюда в поисках своих пропавших без вести детей.

Осенью 1994 года, в начале боевых полномасштабных действий, официальные власти органи-

зовали на федеральной трассе вблизи поворота на станцию Орджоникидзевскую митинг-встречу с передовым армейским подразделениям. Мероприятию постарались придать характерную для того времени помпезность. Пригласили и протоиерея Петра Сухоносова, чтобы он сказал воинам напутственное слово и благословил их.

«Я шёл туда и не знал, что говорить и на что благословлять, — вспоминал потом батюшка. — Передо мной стояли совсем молодые солдаты и их командиры, и мне казалось, что никто из них не осознавал сути происходящего. Мне предоставили слово, но я лишь мог пожелать, чтобы Господь их всех сохранил от смерти. Помолившись так, я осенил их крестом».

Теперь, с началом боевых действий в Чечне, у отца Петра прибавились новые хлопоты. С весны 1994 года он был назначен благочинным православных церквей Ингушетии.

Чечня с её столицей городом Грозным полностью вышла из-под контроля центральных властей и стала настоящим бандитским логовом. Туда никто не решался ехать.

В «Слепцовку» зачастили военные: они обращались с просьбой приехать в расположение дислоцированных на границе с Чечнёй подразделений и блокпостов покрестить молодых солдат, прибывавших сюда со всей огромной России, отслужить молебен о спасении. Прямо к церкви подъезжали военные машины, и батюшка, собрав всё необходимое для священнодействия, уезжал часто на целый день. Люди, конечно, сильно волновались, плакали и молили Господа, чтобы Он уберёт дорогого им пастыря от всех бед и напастей. Обычно вместе с собой отец Пётр брал кого-нибудь из сво-

их церковных помощников. Кроме того, он никогда не ехал в гости к воинам с пустыми руками, а обязательно вёз им гостинцы и вообще всё, что приносили люди в храм на панихидный стол. Солдаты всему были рады.

Монахиня Анастасия поведала об одной из таких поездок. Она вспоминает, как однажды летом 1995 года, когда недолго гостила в Слепцовской, батюшка вдруг говорит, что завтра надо ехать на далёкую пограничную заставу крестить солдат.

«В это время у него было очень много разных дел, и отлучиться из храма просто не имел возможности. Всё, что можно перенести на другой срок, он переносил. Казалось, можно отложить и эту поездку. «Нет, — категорично сказал отец Пётр, — мы отложим всё остальное, но завтра поедem к пограничникам». Рано утром в храм приехал офицер. Батюшка взял всё необходимое для крещения. Нам же, как это бывало и раньше, когда он ехал к военным, наказал взять гостинцев: конфеты, варенье, сок, хлеб — всё, что принесли люди на панихиду.

Ехать было очень страшно, — рассказывает далее матушка Анастасия. — Казалось, что из-за каждого дерева, куста по нам вот-вот откроют огонь притаившиеся там боевики. Такое тут часто бывало. А в горах, где стояли пограничники, бандитов скрывалось ещё больше. Пограничников для того и поставили, чтобы они никого не пропускали».

Наконец подъехали к высокой изгороди и увидели часовых. Немного поодаль стояли вышки с вооружёнными солдатами. Всех собрали на площадке перед палатками, и батюшка обратился к пограничникам с пастырским словом. Он напомнил им про христианский долг перед Богом и людьми, рассказал о бессмертии христианской

души, необходимости верующего быть готовым в любую минуту предстать пред Господом. Говорил он и о традициях православного воинства, приводил много примеров стояния за веру и истину из жизни святых мучеников. Желающих принять святое крещение оказалось очень много.

«Нас, — говорит матушка, — это сильно удивило: столько ребят некрещёных!» Крестить решили прямо на берегу горной речки Ассы, в ущелье. Командир распорядился выставить дополнительные посты и усилить наблюдение, чтобы всем нам не оказаться под обстрелом чеченских снайперов, а солдаты тем временем установили на берегу небольшой деревянный настил, чтобы там смог стоять и молиться священник. Началась служба. Некрещёные ребята заходили прямо в бурлящую речку, и батюшка их всех крестил там. Совершив таинство святого крещения, он затем отслужил перед солдатским строем молебен о спасении с чтением акафиста святому мученику Иоанну Воину. А после, когда всё закончилось, пограничный отряд был приглашён за стол.

«Как ребята обрадовались нашим гостинцам, надо было видеть! — далее рассказала очевидица. — Ведь жили они там впроголодь, простой хлеб привозили раз в трое суток, да и того едва хватало. Кругом глухие, дикие горы, сюда не наездишься. Даже часовые, что стояли на вышках, не выдержали и прибежали, чтобы взять хоть кусок хлеба. Такие все радостные были! Только после обеда отец Пётр возвратился домой в станицу».

«Приехал он очень печальным, — ещё вспоминает монахиня Анастасия, — и почти всю дорогу молчал, был задумчив. По правде сказать, нам всем после этой поездки не хотелось много говорить: мы

увидели жуткую картину войны. А буквально через несколько дней нам стало известно, что вся эта пограничная застава погибла во время нападения чеченских боевиков. Видимо, батюшка всё знал, потому и спешил к ним». Так отец Пётр исполнил свой пастырский долг и подготовил православных воинов, «за веру и Отечество живот свой положивших», к встрече с вечностью.

На Пасху батюшка посещал армейский блокпост, расположенный на повороте с федеральной трассы в станицу Орджоникидзевскую. Отец Пётр поздравлял воинов с великим христианским праздником и оставлял им в подарок целую корзину всевозможных гостинцев. Среди чеченцев такие визиты вызывали недовольство: дескать, русский священник одобряет войну. Всё чаще и чаще стали появляться слухи о готовящейся расправе над протоиереем Петром Сухоносковым. Но батюшка по-прежнему открыто выходил в станицу, общался с людьми разных национальностей и вероисповеданий.

Случалось так, что отца Петра просили прийти причастить тяжелобольного. Батюшка выходил из храма со Святыми Дарами, когда на дворе была ещё непроглядная темень. Станица казалась абсолютно вымершей: даже милиция не всегда выезжала в такое время на патрулирование, опасаясь вооружённого нападения бандитов. А батюшка неспеша шёл тёмными улицами и проулками станицы, беря с собой кого-нибудь из близких. Он шёл и молился, и эта молитва хранила его от всех бед и несчастий, подстерегавших теперь любого в этом крае, наполненном злобой.

Летом 1997 года, как раз перед праздником Успения Пресвятой Богородицы, была соверше-

на первая попытка похищения отца Петра. Его спасла девушка, которая вцепилась в него обеими руками и закричала. Тут же прибежали два прихожанина и стали вытаскивать отца Петра из машины, куда его почти затолкали похитители. На крик из соседних дворов выручать из беды «русского муллу» выскочили женщины-ингушки. На этот раз отца Петра удалось отбить.

Об этом событии батюшка написал близким со свойственной ему скромностью: «Я думал, что Вы давно знаете о мне, грешном, что было перед Успением. Да, это было чудо Божие, так прямо сказал глава администрации. По милости Божией пока тихо».

Отец Пётр сильно заболел, и его положили в больницу в городе Пятигорске, где сделали две операции, удалили почку. За ним, как за родным отцом, неотступно ухаживал преданный священнику приходской диакон. В последние годы отца Петра было сложно увидеть из-за военных действий в Чечне, а потому в больницу к Старцу приезжало множество людей: священники, духовные чада, незнакомые богомольцы. Отец Пётр всех благословлял, давал краткие советы, дарил на память духовные книги, надписывая их.

Предчувствуя свою мученическую кончину, отец Пётр не раз говорил своим чадам: «Моя смерть будет мученическая». После операции отец Пётр сильно сгорбился и этим напоминал Серафима Саровского.

Выйдя из больницы, батюшка служил в Лазаревской церкви Пятигорска, и кто-то попросил его сфотографироваться на память. Отец Пётр неожиданно радостно согласился. Этот снимок в крестилке стал одной из последних фотографий

отца Петра. Теперь, размноженный в десятках и сотнях экземпляров, он висит у многих верующих на Кавказе рядом с иконами в святом углу.

28 марта 1999 года четыре вооружённых чеченских бандита на УАЗике подъехали к Покровскому храму. В это время только что закончилась Божественная Литургия. Свою последнюю службу отец Пётр отслужил на праздник Похвалы Пресвятой Богородицы, иначе называемый — Суббота Акафиста. Накануне на всенощной умирительно читался дивный Акафист Божией Матери.

Вооружённые чеченские боевики ворвались в храм с автоматами. В это время отец Пётр был ещё в алтаре. Батюшку схватили прямо в иерейском облачении. Немногие пожилые женщины в храме были бессильны перед боевиками. Диакона, который пытался защищать Старца, злодеи тут же жестоко избили. Самого же отца Петра с криками вывели на папёрть. Священник едва успел последний раз перекреститься на свой родной храм. Его поволокли к машине, жестоко избивая по дороге, затем затолкали в автомобиль и увезли.

Неподалёку от административной границы с Чечнёй около села Серноводского между преступниками и сотрудниками милиции завязалась перестрелка. Бандиты бросили машину и вместе с похищенным скрылись на территории Чечни.

О дальнейшей судьбе отца Петра известны лишь отрывочные сведения. Какие страдания пришлось испытать батюшке до его мученического конца, можно в какой-то мере судить по рассказам двух священников, тоже похищенных и переживших ужас чеченского плена.

За день до нападения на протоиерея Петра Сухоносова, в ночь с 26 на 27 марта 1999 года, чечен-

скими бандитами будет похищен протоиерей Пётр Макаров, настоятель храма в станице Троицкой. Прибывший ему на смену из Пятигорска священник Сергей Потапов также был похищен через два дня после своего прибытия к месту служения. Вот как он описывает события той ночи: «Брали меня сразу одиннадцать боевиков. Они нейтрализовали охрану, которую мне выделили местные власти, посадили насильно в машину и увезли. Морально я уже был готов к тому, что такое может случиться. Куда везли — сориентироваться было трудно, они часто меняли направление. И в дальнейшем меня перевозили с места на место. Глаза завязывали, и понятия не имеешь, где ты находишься. Однако переезды случались не очень часто: видимо, по необходимости, для соблюдения конспирации. Бывало и так, что привозили в тот же самый дом, покружив с полчаса по окрестностям».

Избивать отца Сергея бандиты начали сразу же после захвата. Правда, отца Петра Макарова, которому на тот момент исполнилось 72 года, всё же не били, а если и били, то не так жестоко. Объяснить этот факт традиционным на Востоке уважением к старикам никак нельзя, ибо само похищение и зверское обращение с жертвами уважением назвать невозможно.

Пленников содержали поодиночке и почти не давали возможности им встретиться. Священникам по несколько дней не давали пить и есть. По словам отца Сергея, хозяин мог просто уехать на несколько дней по своим делам, а по действующим в Чечне шариатским законам ни женщина, ни дети не имеют права накормить пленника. В таких случаях измождённые священники вынуждены были делить литровую бутылку воды и кукурузную ле-

пешку на несколько дней. Водой приходилось не утолять жажду, а лишь немного увлажнять пересохшее горло. Однако, если хозяин отсутствовал долго, организм почти обезвоживался. И тогда даже привыкшему к строгим постам священнику приходилось чрезвычайно тяжело. К чисто телесным страданиям добавлялись и моральные истязания, например, многодневное пребывание в абсолютной темноте.

«Мы с отцом Петром сбились в ощущении во времени, — вспоминает отец Сергей. — Я, например, ночью не мог спать, а днём, наоборот, клонило в сон. Кроме того, неприятное ощущение создавало частое нахождение под стволами. Допустим, тебя везут куда-то в машине, у чеченцев передёрнутые затворы, патрон дослан в ствол, палец на спусковом крючке, ствол упирается в бок. А вдруг машина дёрнется?..»

Преодолевать уныние, страх и отчаяние, по словам священников, помогала молитва. Даже в плену они не переставали молиться.

«Если мы не на службе, — говорит отец Пётр, — то должны постоянно читать Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». И тогда к человеку не идут мысли отчаянья. Я всё думал, что, если будут мучить, нужно стараться не потерять связь с Богом, просить Его дать силы переносить страдания. Ведь сказано, что не нужно бояться, когда убивают тело. Главное — не допустить, чтобы убили душу».

Когда отца Сергия после его освобождения из чеченского плена спросили, как он оценивает произошедшее с ним: как чистую случайность или Промысел Божий, батюшка ответил: «Господь каждого из нас к чему-то готовит. Ведь всё, что ни

делается, совершается по попущению Божию. Думаю, что Господь испытывал мою веру, твёрд я в вере или нет, достойно буду нести звание православного священника или смалодушничая».

Отец Пётр Макаров и отец Сергей Поталов пробыли в чеченском плену два месяца и были освобождены в результате совместной контртеррористической операции российских спецслужб.

31 мая 1999 года, в Духов День, освобождённые священники впервые в своей жизни участвовали в Патриаршем богослужении в Успенском соборе Кремля, где их тепло приветствовал Святейший Патриарх Алексий. Первосвятитель Русской Православной Церкви назвал подвигом перенесённые священниками страдания.

Только через полгода после похищения отца Петра Сухоносова 23 октября в вечернем информационном выпуске «Вестей» был показан фрагмент видеозаписи, сделанной, судя по всему, самими похитителями. На нём было снято бездыханное тело отца Петра. Батюшка лежал на спине с полуоткрытыми глазами. Тело священника было сильно измождено, а на его лице застыла печать предсмертных страданий. Палачи, заморившие священника пытками и голодом, сорвали с него всю одежду и бросили на дно холодного, сырого подполья, лишённого какого бы то ни было источника света и притока свежего воздуха. Правая нога замученного узника была прикована стальной цепью к полу. То, что это был протоиерей Пётр Сухонос, сомнений не вызывало. Трудно судить, сколько времени пролежал мученик: неделю, месяц или больше. Среди сырости, грязи и мерзости тело страстотерпца лежало абсолютно нетленным. Так лежат лишь святые.

Тело святого страдальца так и не нашли, несмотря на все усилия, потому в конце 2000 года по благословению митрополита Ставропольского и Владикавказского Гедеона был совершён чин отпевания и символического погребения протоиерея Петра Сухоносова в церкви села Рагули. В гроб были положены лишь некоторые личные вещи отца Петра Сухоносова и его священнические ризы.

Так и сбылись пророчества прозорливого старца. Рассказывают ещё, что за несколько дней до похищения, во время отпевания одной из своих стареньких прихожанок, отец Пётр неожиданно печально обронил: «Счастливые люди, что их отпевают. А мои косточки птицы разнесут...»

Послесловие

Дописывая книгу, постоянно ловил себя на мысли: а мне вот так, под пули, слабо? Ведь я тоже священник. Не знаю, если серьёзно говорить, то страшно. Понимаю, конечно, что смелый человек не тот, кто не имеет страха, таких людей вообще нет, смелый — это тот, кто может преодолеть в себе страх и пойти на верную гибель во имя чего-то очень высокого, очень дорогого. Дай-то Господи, не дрогнуть. Хотя о чём я говорю, такое надо ещё заслужить.

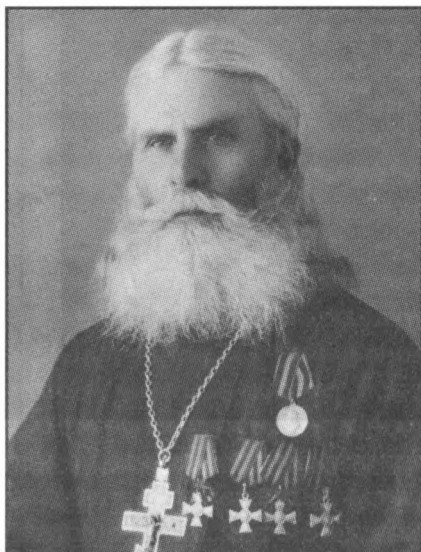
Составляя книгу о героях в рясах, радовался каждой найденной фотографии, любым дополнительным сведениям о полковых священниках. Вглядываясь в судьбы этих священников-героев прошлого, я мысленно сопоставлял их с современным духовенством. И только когда стал знакомиться с героической жизнью и подвигами моих современников, мучеников чеченской войны конца

двадцатого века, то понял, что подвиги подобного рода принадлежат не только истории прошлого. Герои живут среди нас, и мы этого пока не видим. Они обычно скромны и даже порой застенчивы, а потом диву даёшься откуда что берётся?

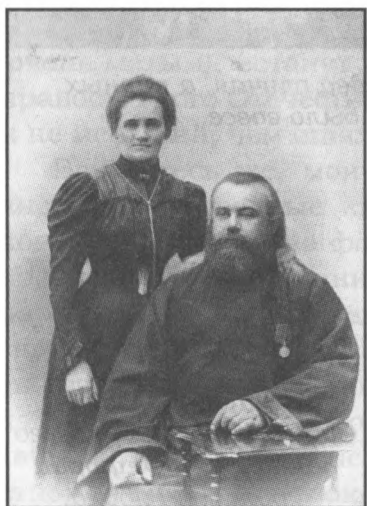
Я много ездил по стране, встречался со многими священниками и вижу, что в большинстве своём это люди скромные, умные, с глубокими убеждениями и высокими стремлениями. Я повторяю: в большинстве своём, потому что есть и «плевелы». Это всегда сложно разглядеть сейчас, а потому, захоти мы пропалывать «плевелы», то обязательно подёргаем и «пшеницу». Не будем же судить поспешно: у каждого из священников есть свои недостатки, как впрочем и достоинства. Но твёрдо верю в одно, да просто убеждён: «если завтра война, если завтра в поход», то наши православные священники, за малым исключением (очень малым), встанут на защиту своего родного православного Отечества и вновь проявят героизм и не меньший, чем описан в этой книге.

Вглядитесь же, мои дорогие читатели, в эти чистые, благородные лица полковых священников. Не все имена на фотографиях мне известны, но, может быть, эта книга подвигнет кого-нибудь на серьёзные исследования этой темы. Нам надо знать как можно больше, не просто имена героев-священников, но подробности их жизни, их дальнейшую судьбу. Это надо, чтобы самим не ослабнуть духом. Чтобы не погрязнуть в мелком и суетном, а сохранить свою душу для высокого и благого, для Церкви и Отечества, а в конечном итоге для Царствия Небесного.

Григорий Пухнов
родом из города
Уржума. Полный
Георгиевский
Кавалер с медалью
«За доблестный
труд в Великой
Отечественной
войне 1941-1945
годов». Георгиевские
кресты священник
получил, скорее
всего, до принятия
сана, так как
история награждения
полковых священников
солдатскими
Георгиевскими
крестами имеет всего два случая, а полных
Кавалеров не было вовсе

Священник 55-го
Сибирского стрелкового
полка отец Онуфрий
Фролович Рябуха.
На груди у священника
Золотой наперсный
крест на Георгиевской
ленте. Фото 1916 года

*Священник со своим
пономарём-чтецом*

*Полковой священник с
женой и детьми*

*Семья протоиерея Владимира Дагаева (сидит),
на заднем плане сын, протоиерей Александр Дагаев
(священномученик 1920 г.), фото около 1895 года*

*Архимандрит
(имя неизвестно).*

Награды-Ордена:

*Св. Владимира 3 и 4 ст.,
Св. Анны 3 ст. Медаль в
память царствования*

императора

Александра II.

*Если проследить,
за тонкой*

Владимирской лентой

можно догадаться,

что из-под самого

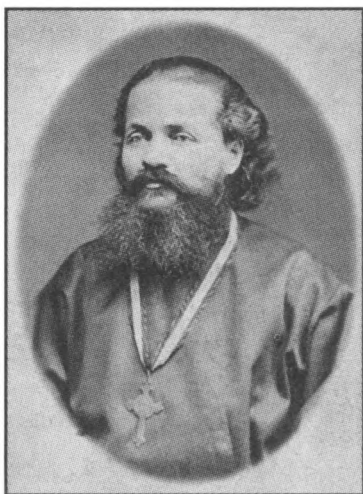
большого наперсного

креста выглядывает

крест «В память

Восточной войны

1853-1856 гг.»

Священник

Никандр Слозцов.

30 января 1878 г.

*Крест для духовенства
в память Восточной
войны 1853-1856 гг.*

*Полковой священник,
г. Львов*

*Ветеран Восточной
войны протоиерей
Дамиан Аверосиевич
Борщ*

В 1853 году отца Дамиана из 47-го пехотного Украинского полка перевели старшим священником в 45-й Азовский. С этим полком во время русско-турецкой войны он совершил поход через Молдавию и Валахию к Дунаю, а оттуда, по высадке англо-французских войск в Крыму, прибыл с полком на севастиопольские высоты. 13 октября 1854 года о. Дамиан участвовал во взятии редутов под Балаклавой, 24 октября воевал у Инкермана, 5 февраля 1855 года — под Евпаторией. С 20 апреля состоял в гарнизоне Севастополя на 4 бастионе, на батарее Петрова и редуте Шварца. 7 и 8 мая участвовал вместе с

полком в двукратном отражении неприятельских колонн между 4 и 5 бастионами. С 24 июля по 2 августа о. Дамиан воюет на Федюхиных высотах у реки Чёрной, 27 августа отражает штурм Севастополя.

Запасшись перевязочными средствами, о. Дамиан в каждом сражении, где действовал Азовский полк, всегда находился в зоне огня, под градом пуль и артиллерийских снарядов, и тут же, на поле битвы, перевязывал раненых, даже и тогда, когда и сам был ранен и контужен. После боя, когда полк возвращался на бивак, о. Дамиан оставался помогать раненым и умирающим. Когда заканчивались материалы, священник рвал для перевязки раненых бойцов свою одежду.

За Восточную войну отец Дамиан был награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте и орденом Св. Анны 3 степени с мечами. Позднее священник заслужил ордена Св. Анны 2 степени, Св. Владимира 4 и 3 степени, четыре наперсных креста, палицу и даже митру.

Фото священника 319-го пехотного Бугульминского полка Тарасова Василия

Чаепитие на фронте

*Архиерей
с наградным крестом*

*Иеромонах
Троице-Сергиевой Лавры*

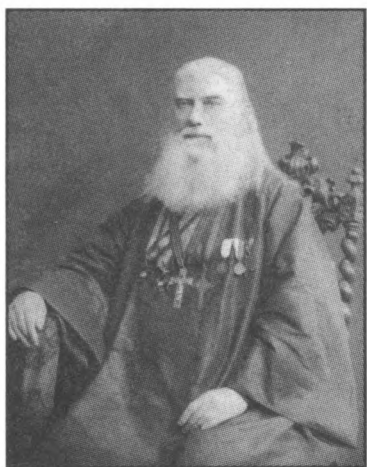
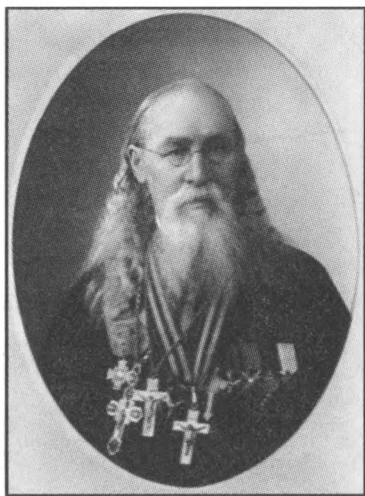

*Полковой священник
с офицерами своего
полка*

*Полковой священник
прот. Митрофан
Сребрянский 1906 г.*

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ, СТАВШИЕ СВЯЩЕННИКАМИ И МОНАХАМИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

**Архимандрит Алипий
(в миру Иван Михайлович Воронов)
(1914-1975)**

Учился в вечерней студии при Московском Союзе советских художников в бывшей мастерской Сурикова. С 1942 года на фронтах Великой Отечественной войны. Прошёл боевой путь от Москвы до Берлина в составе Четвёртой танковой армии. Уча-

ствовал во многих операциях на Центральном, Западном, Брянском, 1-м Украинском фронтах. Орден Красной звезды, медаль «За отвагу», несколько медалей «За боевые заслуги».

С 12 марта 1950 года — послушник Троице-Сергиевой лавры (Загорск). С 1959 года наместник Псково-Печерского монастыря. Вернул из Германии монастырские ценности. Вёл колоссальную реставрационную и иконописную работу в монастыре.

Протоиерей Николай Колосов (1915-2011)

Сын священника, за это был исключён из школы. Воевал в Тульской области, в 1943 году воевал на ли-

нии Болохово-Мценск. Повсюду тела убитых и раненых. В воздухе — сплошной стон. Стонут люди, стонут лошади. Николай Колосов подумал тогда: «А ещё говорят, что ада нет. Вот он, ад». Стояли на реке Сож в Смоленской области. В августе 1944 года ранен под Белостоком. После войны поступил в семинарию.

Накануне Петрова дня 1948 года рукоположен во священный сан. Прошёл через хрущёвские гонения.

Архимандрит Нифонт (в миру Николай Глазов) (1918-2004)

Получал педагогическое образование, преподавал в школе. В 1939 году призван служить в Забайкалье. Когда началась Великая Отечественная война, Николай Глазов первоначально продолжал нести службу в Забайкалье, а затем был направлен на учёбу в одно из военных училищ.

После окончания училища артиллерист-зенитчик лейтенант Глазов начал воевать на Курской дуге. Вскоре он был назначен командиром зенитной

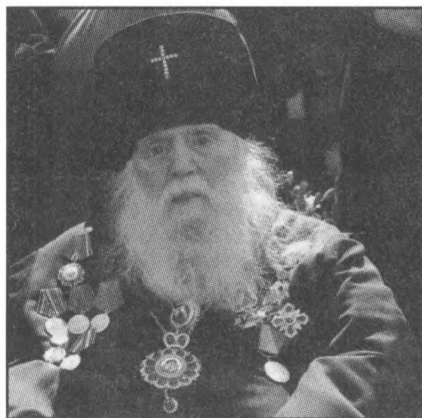
батареи. Последний бой старшему лейтенанту Глазову пришлось вести в Венгрии у озера Балатон в марте 1945 года. Николай Дмитриевич был ранен. Старшему лейтенанту Глазову перебило коленные суставы. Ему пришлось пережить несколько операций сначала в полевом, а затем в эвакогоспитале в грузинском городе Боржоми. Старания хирургов не смогли спасти ему ног, коленные чашечки пришлось удалить, и на всю жизнь он остался инвалидом. В конце 1945 года в Кемерово вернулся ещё очень молодой старший лейтенант, на кителе которого были ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медали: «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией». Он стал псаломщиком в Знаменской церкви Кемерово.

В 1947 году Николай Дмитриевич Глазов приехал в Киево-Печерскую Лавру и стал её послушником. 13 апреля 1949 года он был пострижен в монаше-

ство с именем Нифонт, в честь святителя Нифонта Печерского и Новгородского. Вскоре после пострига он был рукоположен сначала во иеродиакона, а затем в иеромонаха.

После окончания Московской духовной академии направлен в Новосибирскую епархию.

Архиепископ Михей (в миру Александр Александрович Хархаров) (1921-2005)

Родился в Петрограде в семье верующего рабочего. Принимал участие в Великой Отечественной войне, имел воинские награды. В 1939 году переехал в Ташкент, где в 1940 году по благословению своего духовного отца архимандрита Гурия (Егорова) поступил в медицинский институт.

В 1942-1946 служил радиотелеграфистом в Красной армии. Участвовал в снятии блокады Ленинграда, воевал в Эстонии, Чехословакии, дошёл до Берлина. За боевые заслуги был награждён медалями.

С мая 1946 года — послушник Троице-Сергеевой Лавры и один из первых постриженников Лавры после её открытия. В июне 1951 года окончил Московскую Духовную семинарию. 17 декабря 1993 года архимандрит Михей (Хархаров) хиротонисан во епископа Ярославского и Ростовского в Феодоровском кафедральном соборе города Ярославля. В 1995 году возведён в сан архиепископа.

Профессор, протоиерей Глеб Каледа (1921-1994)

В начале Великой Отечественной войны был призван в армию. С декабря 1941 года и до конца войны он находился в действующих частях и в качестве радиста дивизиона гвардейских миномётов «катюш» участвовал в битвах под Волховом, Сталинградом, Курском, в Белоруссии и под Кенигсбергом. Был награждён орденами Красного Знамени и Отечественной войны.

В 1945 г. поступил в Московский геологоразведочный институт и окончил его в 1951 г. с отличием; в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1981 г. — докторскую в области геолого-минералогических наук. Список его научных публикаций включает свыше 170 названий.

С 1972 года тайный священник. В 1990 году выходит на открытое служение. Служил в храме Илии Обыденного, затем — во вновь открывшихся храмах Высоко-Петровского монастыря; был духовником общины трапезного монастырского храма во имя

преп. Сергия Радонежского. Заведовал сектором в Отделе религиозного образования и катехизации; был одним из основателей Катехизаторских курсов, преобразованных затем в Свято-Тихоновский Православный богословский институт.

**Монахиня Адриана
(в миру Наталья Владимировна
Малышева) (1921-2012)**

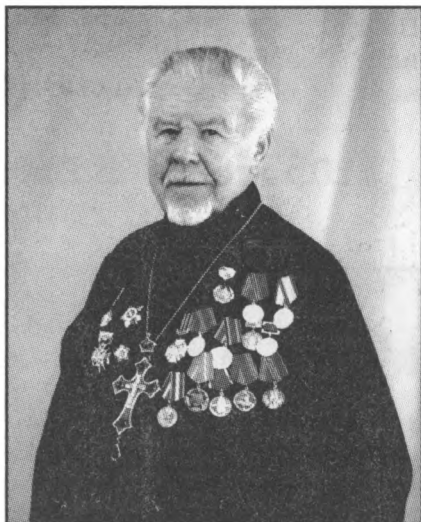

Ушла на фронт с третьего курса МАИ, была направлена в разведку. Принимала участие в обороне Москвы, вынесла раненого из-под обстрела. Была направлена в штаб К. Рокоссовского. Принимала участие в боях на Курской дуге и под Сталинградом. В Сталинграде вела переговоры с фашистами, призывая их сдаться. Дошла до Берлина. После войны окончила МАИ, работала в конструкторском бюро С.П. Королёва. Чтобы принять самое активное участие в восстановлении Пюхтицкого подворья в Мо-

ске, ушла на пенсию, в 2000 году приняла монашеский постриг с именем Адриана.

Протоиерей Ариан Пневский (1924 г.р.)

Великая Отечественная война застала о. Ариана на территории современной Польши. Работал на железной дороге помощником машиниста. В войну передавал партизанам сведения о продвижении поездов с немецкими солдатами и бронетехникой, а также поездов с советскими военнопленными и угоняемыми на работу в Германию мирными жителями.

Когда в списках отправляемых в Германию оказался сам Ариан Пневский, партизаны забрали его в отряд. Этот отряд входил в соединение под командованием легендарного партизанского генерала Сидора Артемьевича Ковпака.

Молодому партизану Ариану Пневскому довелось участвовать в рейдах по фашистским тылам и диверсиях, надолго сковывающих действия армии противника. После первого ранения семье отца Ариана по ошибке была отправлена «похоронка». Выписавшись из госпиталя, отец Ариан был направлен в танковые войска. Во время боя в результате прямого попадания в танк вражеского снаряда сдетонировал боекомплект. Как правило, в таких случаях никто из

членов экипажа в живых не остаётся, и родственники получили уже вторую похоронку. Но, к счастью, опять преждевременную. Вернуться домой отец Ариан смог уже после войны, лишь в конце 45-го года.

В 1945 году он поступил в Одесскую Духовную семинарию, которую в 1949 году с отличием окончил. Основной период пастырского служения отца Ариана пришёлся на годы хрущёвских гонений на Церковь. Об этом страшном времени издевательств над Православием о. Ариан всегда говорит: «Не дай вам Бог пережить что-то подобное».

Протоиерей Василий Брылев (1924-2011)

В 1942 году ушёл на фронт добровольцем. Был подо Ржевом. На Курской дуге работал связистом. Однажды под бомбардировкой восстанавливал разорванную связь. Получил медаль «За отвагу». Был ранен и демобилизован.

После войны окончил Московскую Духовную семинарию в 1950 году, рукоположен во священники. Был настоятелем многих храмов, добивался, чтобы храмы не закрывали. В последние

годы жизни был настоятелем Спасского храма села Большой Свинорь, Наро-Фоминского района Московской области.

Протоиерей Алексей Осипов (1924-2004)

Родился в Саратовской губернии, в 1942 заканчивает среднюю школу. Направлен в дивизион тяжёлых миномётов Резерва Ставки Верховного Главнокомандующего. Этот дивизион был придан 57 армии, отражающей немецкое наступление южнее Сталинграда. С началом нашего контрнаступления корректировщику огня рядовому Осипову пришлось пройти с тяжёлыми боями через Калмыцкие степи к Ростову-на-Дону. Здесь 3 февраля 1943 года в одном бою Алексей Павлович получил два ранения. Сначала осколочное в предплечье и в грудь, но поля боя не покинул, а вечером ему раздробило ступню.

Ступню и часть голени сохранить не удалось, они были ампутированы. После лечения молодой солдат-инвалид, награждённый медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда» вернулся в родные места на Волгу. В 1945 году за очень короткий срок

он окончил Сталинградский учительский институт с отличием и сдал экстерном экзамены за курс Воронежского педагогического института. Был исключён за то, что читал на клиросе.

Оканчивает Одесскую Духовную семинарию, Московскую Духовную академию. Направлен в Новосибирскую епархию, в октябре 1952 года Алексей Осипов был рукоположен митрополитом Варфоломеем во диакона и во священника.

Протоиерей Борис Бартов (1926 г.р.)

Призван в армию с третьего курса Машиностроительного техникума в 1942. Прошёл Северо-Западный, Украинский, Белорусский фронт техником. Он служил на военных аэродромах, готовил штурмовики к боевым вылетам и... молился. «Был такой курьёзный случай в Белоруссии, под Минском. Я стоял часовым на посту у штаба. Сдал пост и пошёл на аэродром за 12 километров, а на пути храм. Ну как не

зайти? Захожу, батюшка посмотрел на меня и остановил чтение враз. Певчие тоже замолчали. А ведь я прямо с боевого поста, с карабином. Они и подумали, что я батюшку арестовывать пришёл...»

После окончания войны Борис Бартов ещё пять лет служил в армии. Награждён орденом Отечественной войны II степени, десятью медалями. В 1950 году Борис Степанович был рукоположен в сан диакона, ныне — почётный настоятель Спасо-Преображенского храма города Кунгура.

Протоиерей Александр Смолкин (1926-2002)

Александр Петрович Смолкин родился 6 июля 1926 года на Алтае в крестьянской семье.

В 17 лет, в 1943 году, Александр Смолкин ушёл на фронт, воевал на 1-м Прибалтийском фронте. В начале 1944 года Александр Смолкин получил тяжёлое ранение, был направлен в госпиталь в Горький, где

пробыл несколько месяцев. После выздоровления Александр вернулся в строй и продолжал воевать. Войну он закончил в Германии. Старший сержант Александр Смолкин был награждён медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией», польской медалью.

После войны Александр Смолкин ещё несколько лет служил в армии и демобилизовался в 1951 году. И уже на следующий год он поёт на клиросе, а затем становится псаломщиком в Вознесенском кафедральном соборе города Новосибирска, через год его рукополагают в диаконы, через три — во священники.

Протоиерей Валентин Бирюков (1922 г.р.)

После школы был призван на фронт и направлен в Ленинград. Пережил блокаду. «Вы даже представить себе не можете, что такое блокада. Это такое состояние, когда есть все условия для смерти, но никаких — для жизни. Никаких — кроме веры в Бога. Нам приходилось копать траншеи для пушек и блиндажи в пять накатов из брёвен и камней. А питались при этом травой. Запасали её на зиму».

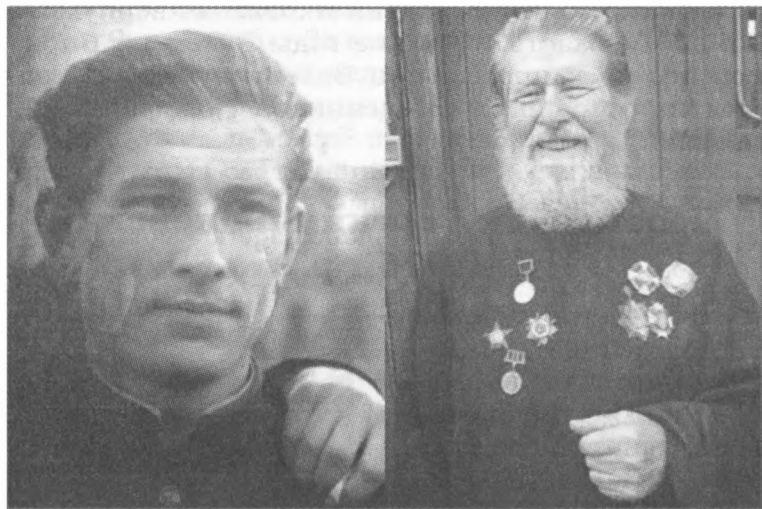
Защищал «Дорогу жизни», обеспечивающую связь блокадного Ленинграда с внешним миром, в 1944 году получил пулевые и осколочные ранения. После войны Валентин Яковлевич вернулся в Томскую область. В 1960-е годы Валентин Бирюков пел на клиросе. Отец Валентин является одним из старейших священников Новосибирской епархии.

Протоиерей Сергей Вишневский (1926 г.р.)

В 1941 году учился в ремесленном училище на автозаводе имени Молотова в Горьком, попал под первую бомбёжку. В армию призван в 1943 г. Служил в пехоте, охранял склады с боеприпасами. При росте 149 см весил 36 кг. После войны отец Сергей окончил духовные семинарию и Академию, в 1952 году принял священство. Настоятель храма святых Флора и Лавра в селе Флоровское Ярославской области.

Протоиерей Николай Попович (1926 г.р.)

В 1943 году, имея бронь на Московском авиационном заводе, Николай Попович ушёл добровольцем на фронт. Окончив сержантскую школу, стал командиром пулемётного расчёта «Максим». В 1944 году после тяжёлой битвы на реке Неман и отражения немецкой контратаки был награждён орденом Красной Звезды. Пройдя с боями Белоруссию, Литву и Польшу, был тяжело ранен осколком в голову на подступах к Восточной Пруссии, направлен на излечение в госпиталь в г. Чкалов и впоследствии демобилизован. После войны получил два высших образования — юридическое и экономическое. Работал в Госплане Российской Федерации, занимал ответственные посты в системе Госкомитета по труду и заработной плате при Совете Министров СССР.

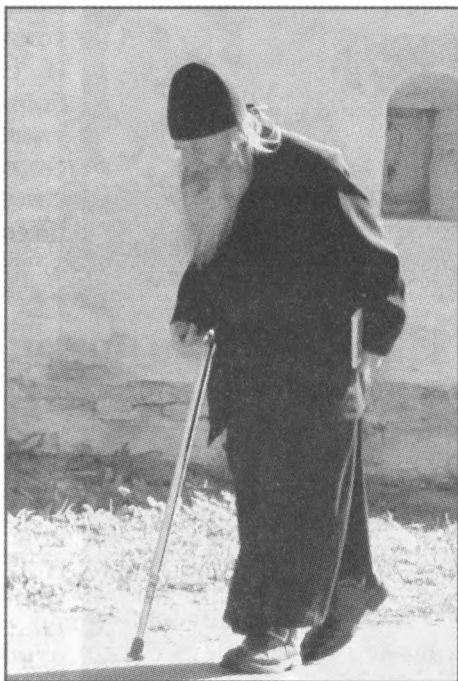
Узнав о вводе советских войск в Чехословакию — к тому времени он был уже верующим, —

решительно положил свой партбилет на стол перед онемевшим секретарем райкома партии и, по благословению духовника, ушёл в церковные сторожа.

Монах Самуил (в миру Мальков Алексей Иванович) (1924 г.р.)

Н а с е л ь н и к
Саввино-Сторожевского монастыря.

До ухода на фронт учился во 2-м Московском пулемётном училище. Призван на фронт, сражался на Курской дуге в пехоте — был автоматчиком. На Курской дуге был ранен, после ранения направлен в сталинградскую школу по подготовке младших командиров, окончил её успешно, остался преподавать, затем направлен в Киев-

ское танковое училище. Работал в НИИХИММАШ (Научно-исследовательский институт химического машиностроения) старшим инженером-конструктором. Ушёл на пенсию в 1974 году. В 2001 году принял монашеский постриг.

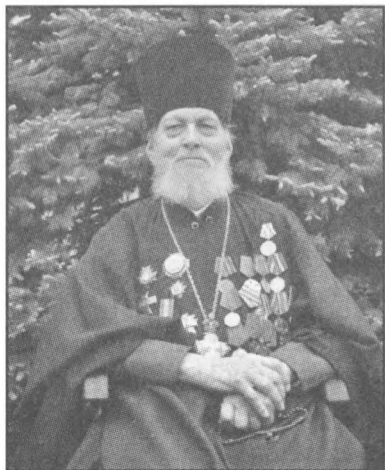
Монахиня Елисавета (в миру Вера Дмитриева) (1923-2011)

Родилась в Ставрополе. Прошла Великую Отечественную войну медсестрой, вынесла множество раненых бойцов с поля боя. «Я читала молитву, и страх как-то током в землю уходит. И слышно, как сердце бьётся. И не боишься уже». Укрывала раненых солдат от фашистов.

Одна из первых монахинь Хабаровска.

Протоиерей Роман Косовский (85 лет)

Родился Роман Косовский в селе Пустоха на Виннитчине в крепкой крестьянской семье. В 37-м отца расстреляли. Всё хозяйство отобрали. Мама умерла с голоду: всё, что удавалось добыть, отдавала четверым детям. После смерти матери их распределили по детдомам. 15-летнего Романа отправили в Луганск. Уже в 16 он пошёл на шахту. А в 17 — в

41-м — на войну. Победа застала его в Праге.

Матушка София (Екатерина Михайловна Ошарина)

Ныне цветовод-озеленитель Раифского монастыря. От Москвы до Берлина прошла она, сражаясь за родную землю. Участвовала во взятии Кенигсберга (Калининграда).

Существует множество воспоминаний о молебне русских священников у стен Кенигсберга во время его штурма в апреле 1945 года. Видела его и матушка София (Екатерина Михайловна Ошарина). От Москвы до Берлина прошла она, сражаясь за родную землю.

«...Помню Кенигсберг. Мы относились ко 2-му Белорусскому фронту, которым командовал маршал Константин Константинович Рокоссовский. Но наше подразделение — 13-й РАБ (район авиационного базирования) — находилось вместе с войсками Прибалтийского фронта, недалеко от места боёв за Кенигсберг.

Очень трудно он давался. Мощные укрепления, связанные подземкой, большие силы немцев, каждый дом — крепость. Сколько наших солдат погибло!

Взяли Кенигсберг с Божией помощью. Я сама видела, хотя наблюдала с некоторого отдаления. Собрались монахи, батюшки, человек сто или больше. Встали в облачениях с хоругвями и иконами. Вынес-

ли икону Казанской Божией Матери... А вокруг бой идёт, солдаты посмеиваются: «Ну, батюшки пошли, теперь дело будет!»

И только монахи запели — стихло всё. Стрельбу как отрезало.

Наши опомнились, за какие-то четверть часа прорвались... Когда у пленного немца спросили, почему они бросили стрелять, он ответил: «Оружие отказало».

Один знакомый офицер сказал мне тогда, что до молебна перед войсками священники молились и постились неделю».

Источник: pravmir.ru

СПИСОК ВОЕННЫХ СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, НАГРАЖДЁННЫХ ЗОЛОТЫМИ НАПЕРСНЫМИ КРЕСТАМИ НА ГЕОРГИЕВСКОЙ ЛЕНТЕ

В годы Великой войны, или второй Отечественной, русское духовенство разделило с войсками все тяготы военного времени, проявив при этом доблесть и христианскую нравственность, жертвенность и подвижничество. За годы войны полковые священники были награждены:

Орденом Св. Георгия 4-й степени — 13 человек.

Золотым наперсным крестом — 224 человека.

Орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами — 85 человек.

Орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами — 203 человека.

Орденом Св. Анны 2-й степени с мечами — 304 человека.

Орденом Св. Анны 3-й степени с мечами — 239 человек.

Наперсный крест на Георгиевской ленте являлся высокой наградой для лиц духовного звания. Ею отмечали священнослужителей, совершивших подвиги при непосредственной опасности для собственной жизни. Крестом награждали только за отличие под огнём неприятеля, и поэтому его мог получить любой священнослужитель, вне зависимости от полученных ранее духовных или светских наград. Крест на Георгиевской

ленте невозможно было выслужить, и он не входил в список очередных наград даже в военное время. Он жаловался Государем Императором, по согласованию со Святейшим Синодом, и выдавался из Кабинета Его Величества. Так как военные священники, в силу своего положения, чаще епархиальных подвергали свою жизнь опасности, то их было больше и награждено.

КУЦИНСКИЙ Трофим Георгиевич, Полоцкий мушкетёрский полк. Русско-турецкая война 1787-1791 гг.
ЯКУБОВИЧ Симеон, Московский гренадёрский полк, 1807 г.
АЛЕКСЕЕВ Стефан, Таганрогский драгунский полк, 1810 г.
СУЩИНСКИЙ Лаврентий, 6-й егерский полк, 1810 г.
ЛУКАШЕВИЧ Кондрат, Шлиссельбургский пехотный полк, 1813 г.
ЯЩУРИНСКИЙ Иоанн, Олонецкий пехотный полк. 1813 г.

Поход в Персию 1827-1828 гг.

ФЕДОТОВ Иоанн, Крымский пехотный полк.
ЛЕЩИНСКИЙ Симеон, Нижегородский драгунский полк.
МИХАЙЛОВСКИЙ Иоанн, Чугуевский уланский полк.
РЖЕВСКИЙ Василий, Севастопольский морской госпиталь. 1830 г., за подвиги при чумной эпидемии.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг.

БУЙНИЦКИЙ Марк, 16-й егерский полк.
ДАЦКЕВИЧ (?)
ЕВЛАНОВ Пётр Андреевич, 31-й егерский полк.
ЕЛЕНЕВ Никита, Лифляндский пехотный полк.
ИВАНОВ Николай, Невский пехотный полк.
КОНДРАЦКИЙ Павел, Иркутский пехотный полк.
КОШИЧ Корнилий, Киевский военный госпиталь.
КУЧИНСКИЙ Стефан, Его Императ. Высоч. Вел. кн. Владимира Александровича пехотный полк.
ЛЕВКАВСКИЙ Симеон, Томский пехотный полк.
МАТКОВСКИЙ Василий, Охотский пехотный полк.
МОКРИЦКИЙ Тимофей Андреевич, Севастопольский пехотный полк.
САМЧЕВСКИЙ Николай, 11-й егерский полк.
ТРОФИМОВСКИЙ Николай, Азовский пехотный полк.

ХОЦЕВИЧ Николай, 10-й егерский полк.
ЛУЦКЕВИЧ Даниил, штаб Браиловского корпуса.

Усмирение польского мятежа 1831 г. и поход в Венгрию 1849 г.

УСПЕНСКИЙ Николай, Елисаветградский гусарский полк,
кампания против польских мятежников 1831 г.
ЛЕВИТСКИЙ Евфимий, лейб-гвардии Гренадёрский полк,
кампания против польских мятежников 1831 г.
НЕМИРОВСКИЙ Никифор, Саратовский пехотный полк,
кампания против польских мятежников 1831 г.
ПАРАДОВСКИЙ Иоанн, Олонецкий пехотный полк, кампа-
ния против польских мятежников 1831 г.
АНТОНОВИЧ Симеон, Шлиссельбургский пехотный полк,
кампания против польских мятежников 1831 г.
СИОМАЦКИЙ Марк, Елецкий пехотный полк, кампания
против польских мятежников 1831 г.
ПЕРЕВЕРЗЕВ Стефан, Вологодский пехотный полк, кам-
пания против польских мятежников 1831 г.
КАШИНСКИЙ Симеон, 3-й морской полк, кампания про-
тив польских мятежников 1831 г.
МЕНЧИЦ Платон, пехотный графа Дибича-Забалканского
полк, кампания против венгерских мятежников.

Покорение Кавказа 1840-1863 гг.

ИВАНОВ Александр, 1-й Черноморский линейный бата-
льон, кампания на Кавказе 1840 г.
ПОПРУЖЕНКО Даниил, Апшеронский пехотный полк,
кампания на Кавказе 1843 г.
ОСТАШКИН Стефан, пехотный графа Паскевича-Эриван-
ского полк, кампания на Кавказе 1846 г.
СМОЛЯНСКИЙ Михаил, Егерский князя Черногорского
полк, кампания на Кавказе 1848 г.
БОРИСОВ Захария, кампания на Кавказе 1845 г.
БОГОМОЛОВ Никита Никифорович, 12-й Черноморский
линейный батальон, кампания на Кавказе 1852 г.
(против Шамиля).
ПУТИНЦЕВ Иаков, Ставропольский пехотный полк, за
подвиги на Кавказе 1854-1862 гг.
ЛЕОНТОВСКИЙ Александр, 76-й пехотный Кубанский
полк, кампания на Кавказе 1861-1863 гг.

КОСТЯНСКИЙ Иоанн, 76-й пехотный Кубанский полк,
кампания на Кавказе 1862 г.

СКИТСКИЙ Василий, кампания на Кавказе 1862-1863 гг.

Крымская война 1853-1856 гг.

БАКУЛИН Николай (?)

БЕЛИН Иоанн, Кольванский егерский полк.

БОРЩ Дамиан, Азовский пехотный полк.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Василий, Белевский егерский полк.

ГАЛАБУТСКИЙ Андрей, Замосцкий егерский полк.

ГЕОРГИЕВСКИЙ Николай, Белевский пехотный полк.

ГРЕКОВ Иоанн, Рязский пехотный полк.

ДОРОГУНЦЕВ Никанор, Тульский егерский полк.

ДОРОШКЕВИЧ Владимир, Владимирский пехотный полк.

ИОЗИФОВИЧ Николай, Мингрельский егерский полк.

КРОПОТОВ Василий, Тобольский пехотный полк.

КУЛЕВСКИЙ Александр, Аландская полковая церковь¹.

МАЦКЕВИЧ Пётр, Владимирский пехотный полк.

ОХРОМЕЕВ Иоанн, 4-й Грузинский линейный батальон.

ПОКРОВСКИЙ Емилиан Алексиевич, Тифлисский егер-
ский полк.

ПРОКОПИЕВ Александр, 10-й Финляндский линейный ба-
тальон.

ПУЗАНОВ Павел, драгунский Его Императорского Высо-
чества Вел. Князя Николая Николаевича полк.

ПУТИЛОВСКИЙ Иоанн, лейб-егерский Бородинский полк.

РОМАНОВСКИЙ Михаил, Бородинский егерский полк.

САНЖАРЕВСКИЙ Иоанн, егерский генерал-адъютанта
князя Чернышева полк.

СОКОЛОВ Михаил, Московский пехотный полк.

СОЛОВЬЁВ Адриан, Суздальский пехотный полк.

СОФРОНОВ Гервасий, 3-я рота греческих волонтёров.

СУДКОВСКИЙ Гавриил Дионисиевич, Очаковский кре-
постной военный собор.

СУДКОВСКИЙ Григорий, Брестский пехотный полк.

ФЕДЮШИН Евгений, Камчатский егерский полк.

¹ В «Столетиях...» не имеется сведений о награждении священ-
ника Александра Кулевского, находившегося на Аландских
островах в Крымскую кампанию.

ПОКОРЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

1872-1885 гг.

МАЛОВ Андрей Евграфович, 4-й Туркестанский линейный батальон.

БЕКАРЕВИЧ Василий, 84-й пехотный Ширванский полк.

ВАРАШКЕВИЧ Андрей, 82-й пехотный Дагестанский полк.

ЖИГУНОВ Михаил, Буртунайская местная команда.

ГАЧЕЧИЛАДЗЕ Димитрий Иоаннович, 6-й Закаспийский стрелковый батальон.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг.

БЕЛЯВСКИЙ Симеон, 1-й уланский Санкт-Петербургский полк.

БРИЛЛИАНТОВ Феодор Александрович, 36-й пехотный Орловский полк.

ВАЛИЧИНСКИЙ Владимир Петрович, лазарет 39-й пехотной дивизии.

ГЕОРГИЕВСКИЙ Александр, 8-й уланский Вознесенский полк.

ГЕОРГИЕВСКИЙ Михаил Матвеевич, 48-й пехотный Одесский полк.

ГОЛУБИНСКИЙ Александр Андреевич, 74-й пехотный Ставропольский полк.

ДОБРОНРАВОВ Александр Адрианович, лейб-гвардии Гренадёрский полк.

ДОРОДНИЦЫН Александр Леонтьевич, 129-й пехотный Бессарабский полк.

ЗВЕРЕВ Виктор Павлович, лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества батальон.

ЗИНОВЬЕВСКИЙ Пётр Алексиевич, лазарет 1-й Гвардейской пехотной дивизии.

ИВАНОВ Пётр, 47-й пехотный Украинский полк.

КРАМАРЕВ Георгий, 8-й гусарский Лубенский полк.

ЛЕБЕДЕВ Василий Иоаннович, лейб-гвардии Павловский полк.

МЕРЦАЛОВ Василий, 6-й гренадёрский Таврический полк.

МЕЩЕРСКИЙ Александр, 130-й пехотный Херсонский полк.

МИХАЙЛОВ Феодор, 160-й пехотный Абхазский полк.

МОЛЧАНОВ Митрофан, 151-й пехотный Пятигорский полк.

НОВОСЁЛОВ Илия, 12-й гусарский Ахтырский полк.

НОСОВИЧ Иоанн, Главный Священник Действующей армии.

ОРЛОВ Иоанн Владимирович, 153-й пехотный Бакинский полк.
ПАРАДИЕВ Николай Михайлович, 75-й пехотный Севастопольский полк.
ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ Иоанн, Московский военный госпиталь.
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Николай, 155-й пехотный Кубинский полк.
ПЯТИБОКОВ Пётр, 125-й пехотный Курский полк.
РАДУГИН Николай Александрович, 73-й пехотный Крымский полк.
РОМАНОВ Феофилакт Дмитриевич, 77-й пехотный Тенгинский полк.
САХАРОВ Николай Петрович, 3-й гренадёрский Перновский полк.
СКОРОДУМОВ Павел, 8-й драгунский Астраханский полк.
СЛУПСКИЙ Иоанн, 12-й драгунский Стародубский полк.
СМЕЛОВ Фёдор Иоаннович, лейб-гвардии Уланский полк.
ТВЁРДЫЙ Доримедонт Георгиевич, 54-й пехотный Минский полк.
ТОПОЛЕВ Михаил, 15-й гренадёрский Тифлисский полк.
ФИЛАРЕТОВ Александр Григорьевич, лейб-гвардии Измайловский полк.
ФИЛОСОФОВ Иоанн Антониевич, 6-й гренадёрский Таврический полк.
ЦИТОВИЧ Александр, 56-й пехотный Житомирский полк.
ЯНОВСКИЙ Моисей, 4-й драгунский Екатеринославский полк.

Поход в Китай 1900-1901 гг.

СЧЕНСНОВИЧ Стефан Григорьевич, управление 4-й стрелковой бригады.
ЖУРАВСКИЙ Александр Петрович, охранная стража Восточной Китайской железной дороги.
ИВАНОВСКИЙ Арсений Алексиевич, 16-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
САРЧИНСКИЙ Константин Несторович, управление 3-й стрелковой бригады.
АКТОВ Владимир Павлович, 6-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

Русско-японская война 1904-1905 гг.

- АЛЕКСИЙ** (ОКОНЕЧНИКОВ), иеромонах, крейсер «Рюрик».
- АНТОНИЙ**, иеромонах, 87-й пехотный Нейшлотский полк.
- АРХАНГЕЛЬСКИЙ** Николай Васильевич, штаб Забайкальской казачьей дивизии.
- БАПТИДАНОВ** Павел Филиппович, 19-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
- БАРНАБОВ** Гавриил, 18-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
- БОГОЛЕПОВ** Сергей Ильич, 137-й пехотный Нежинский полк.
- БОГОСЛОВСКИЙ** Андрей Александрович, 22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
- ВОСКРЕСЕНСКИЙ** Константин Александрович, 121-й пехотный Пензенский полк.
- ГАВРИИЛ**, иеромонах, крейсер «Диана».
- ГАПАНОВИЧ** Константин Павлович, 33-й пехотный Елецкий полк.
- ГЕОРГИЙ**, иеромонах, крейсер «Аврора».
- ГЕРАСИМ**, иеромонах, эскадренный броненосец «Сисой Великий».
- ГЛАГОЛЕВ** Николай Иоаннович, церковь при штабе войск Квантунской области.
- ГОЛУБЕВ** Иоанн Авксентьевич, церковь при штабе Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии.
- ГОЛУБЕВ** Сергей Алексиевич, Полевой Главный Священник при управлении 1-й Маньчжурской армии.
- ГРИФЦОВ** Василий Николаевич, 17-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
- ДОВРОВОЛЬСКИЙ** Пётр Никитич, крейсер «Димитрий Донской».
- ДОБРОТВОРСКИЙ** Стефан Стефанович, 28-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
- ДУБНИЦКИЙ** Василий Гервасиевич, 24-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
- ДЬЯКОВ** Николай Александрович, 4-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
- ЖЕЛОБОВСКИЙ** Алексей Иоаннович, 86-й пехотный Вильманstrandский полк.
- ЖУРАВСКИЙ** Корнилий Петрович, штаб Забайкальской казачьей дивизии.

ЗВЕЗДИН Николай Константинович, 5-й пехотный Сибирский Иркутский полк.
ИЗВЕКОВ Павел Петрович, 11-й пехотный Сибирский Семипалатинский полк.
ИЗМАЙЛОВ Николай Иоаннович, 138-й пехотный Волховский полк.
ИМЕРЛИШВИЛИ Соломон Павлович, 26-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
ИОНА, иеромонах, броненосец «Адмирал Ушаков».
ИСИДОРОВ Николай Иоаннович, крейсер «Паллада».
КАЛЛИСТОВ Иоанн, 9-й полевой подвижный госпиталь.
КАСАТКИН Александр Алексиевич, 97-й пехотный Лифляндский полк.
КОНСТАНТИН (СЕМЕРНИКОВ), иеросхимонах (?)
КОРН Василий Григорьевич, для командировок при управлении Полевого Главного Священника 1-й Маньчжурской армии.
КОСТРОВ Александр Николаевич, 1-й пехотный Сибирский Стретенский полк.
КРАХМАЛЕВ Павел Иаковлевич, 34-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКИЙ Николай Алексиевич, 147-й пехотный Самарский полк.
КРОПОТОВ Павел Александрович, 9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
КУЗНЕЦОВ Пётр Иоаннович, 9-й пехотный Сибирский Тобольский полк.
ЛАВРЕНТИЙ, иеромонах, 10-й пехотный Сибирский Омский полк.
ЛАСКАРЕВ Александр Петрович, 146-й пехотный Царицынский полк.
ЛОПАРЕВ Андрей, 18-й полевой подвижный госпиталь при 3-й Сибирской местной дивизии.
МАКАРЕВСКИЙ Николай Васильевич, 21-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
МАЛЯВИНСКИЙ Михаил Фёдорович, 58-й пехотный Прагский полк.
МОДИН Николай Стефанович, штаб Урало-Забайкальской казачьей дивизии.
МОЛОТКОВ Арсений Феодорович, 35-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
МУХАЧЕВ Виталий, 4-й полевой подвижный госпиталь.
МШАНЕЦКИЙ Антоний Иоаннович, 27-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

НЕЩЕРЕТОВ Дмитрий Евфимович, Квантунский флотский экипаж.
НИКОДИМ, иеромонах, броненосец «Победа».
НИФОНТ, иеромонах, 242-й пехотный Белебеевский полк.
НОВИКОВ Дмитрий Андреевич, 57-й пехотный Модлинский полк.
ОРЛОВ Александр Александрович, 55-й пехотный Подольский полк.
ОРЛОВ Федор Леонтьевич, 20-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
ПАИСИЙ, иеромонах (?)
ПОКРОВСКИЙ Иоанн Алексиевич, 12-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
ПОРФИРИЙ, иеромонах, крейсер «Олег».
ПОСЛАВСКИЙ Александр Захариевич, 12-й пехотный Великолуцкий полк.
ПРОСКУРЯКОВ Иоанн Митрофанович, 161-й пехотный Александропольский полк.
РАФАИЛ, иеромонах, броненосец «Цесаревич».
РЕМИЗОВ Иоанн Сергиевич, 10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
РУБАНОВСКИЙ Федор Федорович, 23-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
РУБЛЕВСКИЙ Иоанн Михайлович, 1-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
РУДНЕВ Михаил Иоаннович, крейсер «Варяг».
РЫБЧИНСКИЙ Александр Васильевич, 13-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
СВЕТЛОВ Платон Александрович, 139-й пехотный Моршанский полк.
СЕРГИЕВСКИЙ Иоанн Васильевич, 215-й пехотный Бузулукский полк.
СЛОБОДСКОЙ Николай, 12-й пехотный Сибирский Барнаульский полк.
СЛОВЦОВ Василий Федорович, 36-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
СЛЮНИН Василий Васильевич, 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
СОКОЛОВ Иаков Васильевич, для командировок при управлении Полевого Главного Священника 2-й Маньчжурской армии.
СОКОЛОВ Константин Косьмич, 145-й пехотный Новочеркасский полк.

СРЕБРЯНСКИЙ Митрофан Васильевич, 51-й драгунский Черниговский полк.
СТАНКЕВИЧ Феодосий Филиппович, крейсер «Россия».
ТИХОН, иеромонах, 244-й пехотный Борисовский полк.
ТРЕСВЯТСКИЙ Димитрий Иоаннович, 25-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
ХИТРОВ Георгий Андреевич, 214-й пехотный Мокшанский полк.
ФЕЛИКСОВ Михаил Григорьевич, 124-й пехотный Воронежский полк.
ФЕЛИЦИН Павел Иоаннович, 85-й пехотный Выборгский полк.
ФОМА, иеромонах (?)
ШАВЕЛЬСКИЙ Георгий Иоаннович, 33-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.
ЩЕРБАКОВСКИЙ Стефан Васильевич, 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

Первая мировая война 1914-1918 гг.

АГНИЕВ Георгий Алексиевич, 81-й пехотный Апшеронский полк.
АДАМОВИЧ Олег Антониевич, 64-й пехотный Казанский полк.
АЛЕКСЕЕВ Александр Иоаннович, лейб-гвардии Семёновский полк.
АЛИТОВСКИЙ Николай Павлович, лейб-гвардии 4-й стрелковый Императорской Фамилии полк.
АЛЯКРИНСКИЙ Аркадий Андреевич, 11-й Сибирский стрелковый полк.
АМВРОСИЙ, иеромонах, лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества полк, посмертно.
АНТОНИЙ, иеромонах, передовой отряд РОКК Российского общества дворянства и земства Волынской губернии.
АНТОНЬЕВ Валентин Андреевич, 4-й Сибирский стрелковый полк.
АРБУЗОВ Феодор Максимович, 12-й Финляндский стрелковый полк.
АРЕФА (СЛАБЫЙ), иеромонах, 256-й пехотный Елисаветградский полк.
АРКАДОВ Андрей Петрович, 99-й пехотный Ивангородский полк.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Василий Васильевич, 46-й Сибирский стрелковый полк.
АРХАНГЕЛЬСКИЙ Николай Андреевич, 10-й Финляндский стрелковый полк.
БАРСОВ Дмитрий Дмитриевич, 181-й пехотный Остроленский полк.
БЕЛОЗЕРСКИЙ Сергей Павлович, 72-й пехотный Тульский полк.
БЛАЖЕВИЧ Митрофан Викторович, лейб-гвардии гусарский Его Величества полк.
БОГОРОДИЦКИЙ Федор Иоаннович, 9-й гренадёрский Сибирский полк.
БОГОСЛОВСКИЙ Алексей Виталиевич, 26-й пехотный Могилевский полк.
БОГОСЛОВСКИЙ Сергей Дмитриевич, 56-й пехотный запасной полк¹.
БОГОЯВЛЕНСКИЙ Николай Стефанович, 5-й уланский Литовский полк.
БОЧЕНИН Захарий Симеонович, 278-й пехотный Кромский полк.
БРЕНЕВ Василий Дмитриевич, 50-й пехотный Белостокский полк.
ВАЛЕДИНСКИЙ Сергей Иеронимович, 23-й пехотный Низовский полк.
ВАСИЛЬКОВСКИЙ Иустин Павлович, 166-й пехотный Ровненский полк.
ВЕСЕЛОВСКИЙ Александр Иоаннович, лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Величества полк.
ВИНОГРАДОВ Павел Евграфович, 52-й пехотный Виленский полк.
ВИШНЯКОВ Александр, 83-й пехотный Самурский полк.
ВЛАДИМИР (КОЛОБОВНИКОВ), иеромонах, 53-й Донской казачий полк.
ВОЕЦКИЙ Рафаил Петрович, 40-й Сибирский стрелковый полк.
ВОЗНЕСЕНСКИЙ Александр Павлович, 149-й пехотный Черноморский полк, посмертно.
ВОЛКОВ Федор Владимирович, 100-й пехотный Островский полк.

¹ Сведений о нахождении священника Богословского на театре военных действий не обнаружено. Информация о награждении его золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте взята из наградного листа.

ВОЛКОВИЧ Анатолий Васильевич, 13-й гусарский Нарвский полк.

ВОРОНОВ Павел, линейный корабль «Евстафий».

ВОРОНОВСКИЙ Павел Григорьевич, 17-й драгунский Нижегородский полк.

ВОСКРЕСЕНСКИЙ Иоанн Сергиевич, 70-й пехотный Рязский полк.

ГАВРИИЛ, иеромонах, походный храм при собственном Ея Имп. Вел. Госуд. Импер. Александры Феодоровны подвижном складе.

ГАВРИИЛ, иеромонах, 2-й лазарет 9-й пехотной дивизии.

ГАЛИЦЕВ Феодот Косьмич, 19-й Сибирский стрелковый полк.

ГЕНКИН Григорий Павлович, 25-й пехотный Смоленский полк.

ГЛАГОЛЕВ Александр Васильевич, 5-й драгунский Кагопольский полк.

ГЛАГОЛЕВ Петр Васильевич, 9-й стрелковый полк.

ГОРБАНЕВСКИЙ Филипп Петрович, 192-й пехотный Рымникский полк, посмертно.

ДАМАСКИН Александр Николаевич, 11-й Финляндский стрелковый полк.

ДАНИИЛ, иеромонах, 306-й пехотный Мокшанский полк.

ДАНКОВ Вячеслав Васильевич, 15-й уланский Татарский полк.

ДАТАДЗЕ Константин Александрович, 79-й пехотный Куринский полк.

ДЖАДЖАНИДЗЕ Герман Виссарионович, 202-й пехотный Горийский полк.

ДИМОВ Димитрий, 106-й пехотный Уфимский полк.

ДУБНЯКОВ Николай Павлович, 159-й пехотный Гурийский полк.

ЕГОРОВ Иоанн, 13-я артиллерийская бригада.

ЕКАТЕРИНСКИЙ Клавдий Николаевич, 138-й пехотный Волховский полк.

ЕМЕЛЬЯНОВ Константин Петрович, 83-й пехотный Самурский полк.

ЕНДАСОВ Захарий Николаевич, 42-й пехотный Якутский полк.

ЗАБЕЛИН Федор Федорович, 24-я артиллерийская бригада.

ЗАКХЕЕВ Василий Федорович, 218-й пехотный Горбатовский полк.

ЗВЕРЕВ Диодор Александрович, 3-й Кавказский стрелковый полк.
ЗЛАТОВЕРХОВНИКОВ Сергей Иоаннович, 41-й пехотный Селенгинский полк.
ИВАНИЦКИЙ Тарасий Александрович, 14-й гренадёрский Грузинский полк.
ИЗВЕКОВ Павел Федорович, 17-й пехотный Архангелогородский полк.
ИЗОТОВ Константин Петрович, 8-й Кавказский стрелковый полк.
ИЗУМРУДОВ Вячеслав Васильевич, 3-й Финляндский стрелковый полк.
ИЛЛАРИОНОВ Алексей Феодорович, 1-я гренадёрская артиллерийская бригада.
ИННОКЕНТИЙ, иеромонах, 294-й пехотный Березинский полк.
ИОАКИМ, иеромонах, 274-й пехотный Изюмский полк.
КАЗАНСКИЙ Владимир Андреевич, 6-й пехотный Либавский полк, посмертно.
КАРАТЫГИН Феодор Павлович, 191-й пехотный Ларго-Кагульский полк.
КАРМАЗИН Григорий Иаковлевич, 152-й пехотный Владикавказский полк.
КАРПЕНКО Иосиф Лукич, 167-й пехотный Острожский полк.
КАСТОРСКИЙ Геннадий Петрович, 45-й пехотный Азовский полк.
КЛЮЧАЕВ Михаил Епенетович, 11-й гренадёрский Фангорийский полк.
КОВАЛЕВСКИЙ Иустин Григорьевич, 17-й Туркестанский стрелковый полк, посмертно.
КОЗЛИНСКИЙ Лука Васильевич, 12-й Сибирский стрелковый полк.
КОЛОМАЦКИЙ Иаков Иаковлевич, 125-й пехотный Курский полк.
КОЛТУНОВСКИЙ Василий Арсениевич, 260-й пехотный Брацлавский полк.
КОМАРЕЦКИЙ Николай Ананиевич, лейб-гвардии Конный полк.
КОНЦЕВИЧ Владимир Иоаннович, лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк.
КОПЕЦКИЙ Василий Иаковлевич, 10-й гусарский Ингерманландский полк.

КОРДЮКОВ Сергей Сергиевич, 12-й драгунский Стародубовский полк.
КОРОВКЕВИЧ Иоанн Аполлонович, 7-й Сибирский стрелковый полк.
КОШУБСКИЙ Виктор Михайлович, 42-я артиллерийская бригада.
КРАВЧЕНКО Василий, 4-й Донская казачья дивизия.
КРЕМЕНЕЦКИЙ Леонид Александрович, 334-й пехотный Ирбитский полк.
КРЕЩАНОВСКИЙ Иоанн, 283-й пехотный Павлоградский полк.
КРИНИЦКИЙ Василий Николаевич, 85-й пехотный Выборгский полк.
КРЫЛОВ Александр Стефанович, 5-й Финляндский стрелковый полк.
КУЗЬМИНСКИЙ Владимир Михайлович, лейб-гвардии 1-й стрелковый Его Императорского Величества полк.
КУКЛИН Владимир Александрович, линейный корабль «Слава».
КУЛЬЧИЦКИЙ Николай Саввич, 70-й пехотный Рязский полк, посмертно.
КУМИНСКИЙ Александр Сергиевич, 65-й пехотный Московский полк.
КУТЕПОВ Аркадий, 23-й Сибирский стрелковый полк.
ЛАПШИН Григорий Петрович, полк офицерской стрелковой школы.
ЛАШХИ Илий Парсаданович, 13-й лейб-гренадёрский Эриванский полк.
ЛЕБЕДЕВ Анатолий Иоаннович, 6-й Кубанский пластунский батальон.
ЛЕБЕДЕВ Сергей Алексиевич, 128-й пехотный Староскольский полк.
ЛЕВАГИН Григорий, 5-й Заамурский пограничный пехотный полк.
ЛЕВИТСКИЙ Василий Иоаннович, 40-й пехотный Колыванский полк.
ЛЕПАРСКИЙ Аркадий Павлович, 14-й Финляндский стрелковый полк.
ЛЕПОРСКИЙ Алексей Григорьевич, 10-й гренадёрский Малороссийский полк.
ЛЕЩИНСКИЙ Иоаким Иоаннович, 237-й пехотный Грайворонский полк.
ЛИВАНСКИЙ Алексей Никитич, лейб-гвардии 2-й стрелковый Царскосельский полк.

ЛУПАНОВ Леонид Григорьевич, 14-я артиллерийская бригада.

ЛЮБАВСКИЙ Димитрий Иоаннович, 102-й пехотный Вятский полк.

ЛЮБИМЦЕВ Александр Петрович, 15-й Финляндский стрелковый полк.

МАДЮДЯ Потапий Иосифович, 335-й пехотный Анапский полк.

МАКСИМОВИЧ Константин Иоаннович, 43-й пехотный Охотский полк.

МАЛАХОВСКИЙ Виктор Космич, лейб-гвардии Конно-Гренадёрский полк.

МАЛЮШКЕВИЧ Ипполит, 403-й пехотный Вольский полк.

МАМИТОВ Стефан Борисович, 204-й пехотный Ардаганно-Михайловский полк.

МАРТЫШЕВСКИЙ Рафаил Захарович, 1-й Сунженско-Владикавказский полк Терского казачьего войска.

МАТВИЕВИЧ Павел, 293-й пехотный Ижорский полк.

МАТИКОВ Илия Кириллович, 16-й Сибирский стрелковый полк.

МИЗЕРОВ Пётр Иоаннович, 2-й Финляндский стрелковый полк.

МИНЕИН Василий Васильевич, 118-й пехотный Шуйский полк.

МИСЕВИЧ Алексей Алексиевич, 136-й пехотный Таганрогский полк, посмертно.

МИТЕРЕВ Димитрий Петрович, 97-й пехотный Лифляндский полк.

МОШНЯГ Николай, 6-й Донской казачий полк.

НЕСТОР (АНИСИМОВ), игумен, лейб-гвардии Драгунский полк.

НИКОНОВИЧ Владимир Антониевич, 109-й пехотный Волжский полк.

НЯГА Михаил, 267-й пехотный Духовщинский полк.

ОБРАЗЦОВ Павел Иоаннович, 148-й пехотный Каспийский полк.

ОДЕЛЕВСКИЙ Александр Николаевич, штаб 5-й стрелковой бригады.

ОКУНЕВ Николай Васильевич, 8-й Финляндский стрелковый полк.

ОРЛОВ Иоанн Васильевич, 93-й пехотный Иркутский полк.

ОРФИНСКИЙ Михаил Иоаннович, 4-й Финляндский стрелковый полк.

ОСИПОВ Елпидий Михайлович, 15-й гренадёрский Тифлисский полк, посмертно.

ПАЕВСКИЙ Александр Григорьевич, 9-й Сибирский стрелковый полк.

ПАНТЕЛЕЙМОН, иеромонах, 221-й пехотный Рославльский полк.

ПАРЕСОВ Константин Заалович, 5-й Кубанский пластунский батальон.

ПАШИН Андрей Дмитриевич, 119-й пехотный Коломенский полк.

ПЁТР, иеромонах, 325-й пехотный Царевский полк.

ПЕТРОВ Лев Дмитриевич, 134-й пехотный Феодосийский полк.

ПЕТРОВ Сергей Феодорович, 80-й пехотный Кабардинский полк.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ Сергей Феодорович, лейб-гвардии Вольнский полк.

ПИСАРЕВСКИЙ Савва Саввич, 73-й пехотный Крымский полк.

ПОКРОВСКИЙ Валентин Алексиевич, 94-й пехотный Енисейский полк.

ПОКРОВСКИЙ Иоанн, полк офицерской кавалерийской школы.

ПОКРОВСКИЙ Михаил Николаевич, 54-й пехотный Минский полк.

ПОЛИКОСТРИЦКИЙ Вениамин Васильевич, 31-й пехотный Алексеевский полк, посмертно.

ПОЛЯНСКИЙ Дмитрий Иоаннович, 170-й пехотный Молодечненский полк.

ПОПОВ Константин Николаевич, 203-й пехотный Сухумский полк.

ПОПОВ Тихон Павлович, 17-й уланский Новомиргородский полк.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Николай, 322-й пехотный Солигаличский полк.

ПТИЦЫН Михаил Васильевич, 9-й пехотный Ингерманландский полк.

ПЫЛАЕВ Михаил Владимирович, 37-й пехотный Екатеринбургский полк.

РАБЧИНСКИЙ Иоанн Прокопиевич, 15-й Сибирский стрелковый полк.

РАДУГИН Михаил Иоаннович, 101-й пехотный Пермский полк.

РАКОВСКИЙ Димитрий Иосифович, 20-й Сибирский стрелковый полк.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Николай Феодорович, 164-й пехотный Закатальский полк.

РОЗОВ Даниил Алексеевич, 117-й пехотный Ярославский полк.

РЫЖКОВСКИЙ Мелетий Николаевич, 6-й Заамурский пограничный конный полк.

РЯБУХА Онуфрий Фролович, 55-й Сибирский стрелковый полк.

САУЛЬСКИЙ Александр Иерофеевич, 87-й пехотный Нейшлотский полк.

САХАРОВ Николай Васильевич, лейб-гвардии Измайловский полк.

СЕВЕРОВ Николай Петрович, 11-й пехотный Псковский полк.

СЕДЛЕЦКИЙ Иакинф Евгениевич, 2-й лейб-уланский Курляндский полк, посмертно.

СКВОРЦОВ Николай Васильевич, 183-й пехотный Пултуский полк.

СКРИПКА Георгий, 36-й пехотный Орловский полк.

СМИРНОВ Владимир Петрович, штаб 1-й стрелковой бригады.

СМИРНОВ Константин Александрович, 53-й пехотный Волынский полк.

СОБОЛЕВ Иоанн Иоаннович, 14-й пехотный Олонецкий полк.

СОКОЛОВ Василий Михайлович, 201-й пехотный Потийский полк.

СОКОЛОВ Иоанн Андреевич, 29-й пехотный Черниговский полк.

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Михайлович, 7-й Финляндский стрелковый полк.

СОЛОВЬЁВ Владимир Константинович, 155-й пехотный Кубинский полк.

СОЛОДОВНИКОВ Григорий Павлович, 60-й пехотный Замосцкий полк.

СТРАТАНОВИЧ Иоанн Николаевич, лейб-гвардии Кирасирский Её Величества полк.

СТРАТАНОВСКИЙ Василий Владимирович, 7-й стрелковый полк.

СУКАЧЕВ Василий Николаевич, 123-й пехотный Козловский полк.

ТАРАСОВ Василий, 319-й пехотный Бугульминский полк.
ТЕРЛЕЦКИЙ Иоанн Александрович, 240-й пехотный Вав-
рский полк.
ТИХОМИРОВ Иоанн Алексиевич, 200-й пехотный Крон-
шлотский полк.
ТИХОМИРОВ Михаил Владимирович, лейб-гвардии Преоб-
раженский полк.
ТИХОМИРОВ Сергей, 8-й Кубанский пластунский бата-
льон.
ТРАВИНСКИЙ Вячеслав Александрович, 188-й пехотный
Карсский полк.
ТРЕМБОВЕЛЬСКИЙ Никанор Никандрович, 197-й пехот-
ный Лесной полк.
ТРИНИТАТОВ Александр Стефанович, 114-й пехотный
Новоторжский полк.
ТРИФОН, епископ, 168-й пехотный Миргородский полк,
панагия на Георгиевской ленте.
ТРОИЦКИЙ Михаил, 241-й пехотный Седлецкий полк.
ТРОИЦКИЙ Сергей Павлович, 9-й Финляндский стрелко-
вый полк.
ТУМАНОВ Георгий, 2-й Кавказский стрелковый полк.
ТУРУНДАЕВСКИЙ Афанасий Васильевич, 1-й Кавказский
стрелковый полк.
ТЮКИН Василий Климентьевич, 211-й пехотный Николь-
ский полк.
УСПЕНСКИЙ Александр Иаковлевич, 198-й пехотный
Александро-Невский полк, посмертно.
ФЛОРИНСКИЙ Сергей Феодорович, 151-й пехотный Пяти-
горский полк.
ХОЛОДНЫЙ Парфений Михайлович, 58-й пехотный Праг-
ский полк.
ЦВЕТАЕВ Николай, 270-й пехотный Гатчинский полк.
ЦВЕТКОВ Александр Васильевич, 180-й пехотный Вин-
давский полк.
ЦИТОВИЧ Григорий Александрович, 84-й пехотный
Ширванский полк.
ЧИКИЛЕВСКИЙ Михаил Иоаннович, 18-й пехотный Воло-
годский полк.
ШАБАШЕВ Александр Феодорович, 233-й пехотный Ста-
робельский полк.
ШЕПЕЛЕВ Стефан Симеонович, 17-й Донской казачий
полк.
ШИМКОВИЧ Димитрий, 9-й передовой перевязочно-пита-

тельный отряд Красного Креста.
ЩЕГЛОВ Александр Мефодиевич, Главный Священник Балтийского флота.
ЩЕКИН Евлампий Иоаннович, 96-й пехотный Омский полк.
ЩЕРБАКОВ Михаил Платонович, 146-й пехотный Царицынский полк.
ЮРКЕВСКИЙ Владимир Владимирович, 24-й Сибирский стрелковый полк.
ЮСУПОВ Павел, 51-й пехотный Литовский полк.
ЯЗЛОВСКИЙ Александр Алексиевич, 9-й Кубанский пластунский батальон, посмертно.
ЯНИЦКИЙ Виктор Иоаннович, 4-й пехотный Копорский полк.
ЯРОЦКИЙ Иоанн Стефанович, 168-й пехотный Миргородский полк.
ЯСКЕВИЧ Эмилиан Эмилианович, 15-й гусарский Украинский полк.
ЯСТРЕМСКИЙ Георгий Иоаннович, 10-й драгунский Новгородский полк.
ЯСТРУБЕЦКИЙ Игнатий Васильевич, 76-й пехотный Кубанский полк.
ЯХОНТОВ Николай Николаевич, 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк.

Ист.: ФАО, РГВИА: Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920: библиографический справочник / Отв. сост. В.М. Шабанов. — М.: Русский Мир, 2004.

<http://www.history-ryazan.ru/node/1003>

СПИСОК священнослужителей, убитых, раненых, умерших от ран и награжденных в Русско-японскую войну 1904-1905 гг.

*Этот список опубликован как приложение
к краткой записке священника В. Слюнина*

Священнослужители, убитые в минувшую войну

- Судовой священник крейсера I ранга «Светлана» Феодор Хондалев.
Священник эскадренного броненосца «Александр III» Александр Недригайлов.
Священник эскадренного броненосца «Петропавловск» иеромонах Алексей.

Умерли от ран и контузий

- Священник 122-го пехотного Тамбовского полка Александр Любомудров.
Священник 162-го Ахалцигского полка Алексей Цветков.
Священник для командировок при 1-й армии Алексей Агарев.

Раненые

- Священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Стефан Щербаковский.
Священник для командировок при 2-й армии Иаков Соколов.

Контужены в голову

- Священник 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Василий Слюнин.
Священник 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Георгий Шавельский.

Священник 58-го Прагского полка Михаил Малявинский¹.

Душевно заболел священник 123-го пех. Тамбовского полка Александр Самойлович.

I. Священнослужители, удостоенные награды ордена св. Георгия 4 степени

1. Священник 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Стефан Щербаковский во внимание к доблестному подвигу мужества и неустрашимости, совершенному им в Тюренченском бою.

II. Священнослужители, удостоенные наград — наперсного золотого креста из Кабинета Его Императорского Величества на георгиевской ленте и орденов св. Владимира с мечами и св. Анны с мечами

2. Священник 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Василий Слюнин по выписке из наградного листа. Во время боёв на западном фронте Порт-Артура, проникнутый желанием послужить родине, посещал окопы, где напутствовал умирающих, перевязывал раненых, ободрял их, внушая им терпение в перенесении страданий, здоровым наспоминал про долг и присягу сражаться с врагом за веру, Царя и отечество. Не обращая внимания на рвущиеся кругом снаряды, на рой жужжащих пуль, совершал обряды погребения убитых. Зная священника Василия Слюнина в течение 7 месяцев пребывания на передовых позициях, я имел возможность убедиться в его высоких нравственных качествах и сверх того в его храбрости, мужестве... С 13-23 ноября свящ. В. Слюнин совершал погребения под артиллерийским и ружейным огнём неприятеля, а также удовлетворял религиозные потребности раненых всех родов оружия, посещая 1-й и 2-й перевя-

¹ О других священниках, раненых и контуженных, пока точных сведений не имеется.

зочные пункты. 19 ноября на Плоской горе во время сильной бомбардировки и ружейной стрельбы отслужил молебен, сказал пламенную речь, а затем от центра окопов Плоской горы к Высокой обошёл все окопы, давая целовать крест, кропил св. водою и ободрял усталых стрелков речью. 22 ноября во время самой сильной атаки неприятелем отправился к Высокой горе, где совершал религиозные требы и, кроме того, за недостатком фельдшеров, перевязывал раненых, в числе которых был генерал-майор Церпицкий.

3. Протоиерей в распоряжении командовавшего армией Иоанн Голубев — награждён орд. св. Владимира 4-й ст. с мечами и наперсным крестом из кабинета Его Императорского Величества на георгиевской ленте за совершение треб во время боя, за высокий пример мужества и самоотвержения.
4. Священник 33-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Георгий Шавельский — награждён орд. св. Анны 2-й и 3-й ст. с мечами, наперсным золотым крестом из кабинета Е.И. Величества на георгиевской ленте. Выписка из наградного листа (17, 18 августа 1904 года у о. Фанзятунь под огнём неприятеля свящ. Г. Шавельский исполнял пастырские обязанности и, будучи контужен, не оставил рядов полка).
5. Священник 21-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Николай Макаревский — орд. св. Анны 3-й и 2-й ст. с мечами из Кабинета Е.И. Величества на георгиевской ленте, за выход в бой со Св. Дарами 14 июня на Далинском перевале и за самоотверженные труды.

III. Священнослужители, удостоенные награждения орд. св. Анны с мечами и наперсным крестом из Кабинета Е.И. Величества на георгиевской ленте

6. Священник 12-го пех. сиб. Барнаульского полка Николай Слободский — за то, что во время боёв под градом пуль и снарядов напуганным раненых и хоронил убитых.
7. Священник 17-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Василий Грифцов — за совершение духовных треб под огнём неприятеля, за мужество и самоотверженные труды.

8. Священник 20-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Феодор Орлов — за то, что при атаке Путиловской сопки с 3-4 октября 1904 г. под огнём неприятеля утешал, напутствовал раненых, хоронил умерших и шёл с полком в бой.
9. Священник 5-го пех. сиб. Иркутского полка Николай Звездин — за то, что совершал пастырские обязанности под выстрелами неприятеля; на перевязочном пункте своими беседами поддерживал дух и веру отряда, следил за снабжением раненых чаем.
10. Священник 11-го пех. сиб. Семипалатинского полка Павел Извеков — за то, что исполнял духовные требы, помогал раненым в то время, когда готовился обход нашего правого фланга.
11. Исполнивший пастырские обязанности при 10-м пех. сиб. Омском полку иеромонах Лаврентий — за то, что в боях с 28 сентября по 5 октября 1904 г. утешал [1] раненых, воодушевлял робких, предавал упокоению умерших.
12. Священник 12-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Иоанн Покровский — 13, 14 и 17 августа 1904 г. находился в передовой линии, воодушевлял нижних чинов. Под огнём неприятельской шрапнели хоронил умирающих.
13. Священник 139-го пех. Моршанского полка Платон Светлов — в боях 20, 21 и 22 февраля 1905 г. всё время находился на перевязочных пунктах, предавал земле убитых, утешал раненых нижних чинов.
14. Священник 54-го драгунск. Черниговского полка Митрофан Сребрянский — находясь неотлучно при полку, вошедшем в конный отряд г.-м. Грекова, неоднократно подвергаясь ружейному и артиллерийскому огню неприятеля, своим спокойствием и неустрашимостью служил примером для всего полка.
15. Священник 9-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Павел Кропотов — в боях с 13-23 февраля 1905 г. на Далинском перевале и на Тюренченской позиции на перевязочном пункте под артиллерийским и ружейным огнём напутствовал раненых и хоронил убитых.
16. Священник 138-го Волховского полка Николай Измайлов — в боях с 20-25 февраля 1905 г. под сильным огнём неприятеля предавал погребению убитых и напутствовал умирающих. Во время отступления,

находясь на перевязочном пункте и будучи окружён неприятелем, пробился с другими частями и присоединился к частям полка.

17. Священник 27-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Антоний Мшанецкий — 19 ноября 1904 г. в Порт-Артуре под артиллерийским огнём и ружейным служил молебен, обходил окопы, кропил свят. водою нижних чинов, утешал, ободрял, чем способствовал поднятию духа усталых в борьбе нижних чинов.
18. Священник 23-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Феодор Рубановский — за мужество в боях 28-29 сентября 1904 г., под артиллерийским и ружейным огнём напутствовал раненых.
19. Священник при штабе Урало-Забайкальской дивизии Николай Модин — участвуя в набеге конного отряда на Инкоу 26 декабря 1904 г. и 2 января 1905 г., 11 и 16 января — в боях, в боях 1 и 2 февраля, исполнял пастырские обязанности, словом и примером укреплял дух воинов, в сфере неприятельского огня напутствовал раненых и хоронил умирающих.

IV. Священнослужители, награждённые наперсными крестами из Кабинета

Е.И. Величества на георгиевских лентах

20. Священник 36-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Василий Словцов — с 3 на 4 октября пошёл с полком на Путиловскую сопку, довёл таким образом до штыкового удара, ободрял крестных знаменем, подавал помощь раненым.
21. Священник 147-го пех. Самарского полка Николай Крестовоздвиженский — с 29 сентября по 1 октября 1904 г. безотлучно находился на перевязочном пункте у д. Тупелисе, и, когда деревня стала обстреливаться, он самоотверженно исполнял пастырские обязанности.
22. Священник 145-го пех. Новочеркасского полка Константин Соколов — во время боя 28-29 сентября 1905 г. у д. Танхайен находился на передовом перевязочном пункте, исполнял пастырские обязанности под выстрелами неприятеля и помогал врачам.
23. Священник 9-го пех. сиб. Тобольского полка Пётр Кузнецов — исполнял пастырские обязанности под огнём

- неприятеля у д. Лиухецзы с риском попасть в плен.
24. Священник 18-го полевого госпиталя 3-й сибирск. дивизии Андрей Лопарев — во время боя на Шахе с 28 сентября по 5 октября 1905 г., помимо своих пастырских обязанностей, исполнял обязанности санитаря, фельдшера и писаря.
 25. Священник 121-го пех. Пензенского полка Константин Воскресенский — в боях с 28 августа по 3 сентября 1904 г. под огнём противника исполнял духовные требы с храбростью, чем способствовал поднятию духа чинов.
 26. Священник полевого подвижн. госпиталя № 4 Виталий Мухачев — за исполнение пастырских обязанностей и самоотверженные труды в госпитале и на перевязочных пунктах под огнём неприятеля.
 27. Священник штаба Забайкальской дивизии Николай Архангельский — в бою под Мадзяданом с 12 по 23 февраля 1905 г. всегда находился на передовой позиции. Под сильным орудийным и ружейным огнём причастил не менее 500 человек и совершил погребения более чем над 100 чел. 17 февраля явился с крестом на передовую позицию и воодушевлял нижних чинов против атакующих японцев. Благодаря этому поднялся дух, и все грозные атаки отбиты, а позиции остались за нами.
 28. Иеромонах при 242 пех. Белебеевском полку Нифонт — в течение 5-тидневного обстреливания — с 15-19 февраля 1905 г. у д. Дашаньтунь и Безыманная совершал церковные службы и обходил окопы, внушая людям святость присяги и ободряя личным примером самоотвержения.
 29. Иеромонах при 244 пех. Борисовском полку Тихон — неоднократно посещал позиции, совершая христианские требы. Не останавливаясь перед опасностью, он выказал безупречную преданность долгу, отвагу, храбрость и примерную заботливость о поддержании религиозного духа.
 30. Священник 4-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Николай Дьяков — неустрашимо исполнял христианские требы на поле брани, ухаживал за ранеными и делал перевязки.
 31. Священник 35-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Арсений Молотков — в боях с 27 по 30 сентября и с 5 по 14 сентя-

- бря 1904 г. у Туманлинского перевала подвергал свою жизнь опасности, напутствуя раненых под сильным артиллерийским огнём; перевязывал раненых.
32. Священник крейсера I ранга «Варяг» Михаил Руднев — за бой под Чемульпо 23 февраля 1904 г.
 33. Священник 58-го пех. Прагского полка Михаил Малявинский — всегда находясь при полку, служил примером не только для нижних чинов, но и для офицеров. Не страшась огня противника, перед боем служил молебен и благословлял Царским благословением — иконой. На передовых позициях напутствовал умирающих, ободряя раненых и делая им перевязку. В бою под Мукденом 25 февраля, когда произошло смятение, он — контуженный — по воле судьбы оказался среди артиллерии и своим пастырским словом привел к сознательному исполнению долга.
 34. Священник для командировок при главном полевом священнике Василий Корнь — объезжал части отряда, расположенные на позициях в непосредственной близости от противника, и совершал христианские требы под огнём неприятеля.
 35. Иеромонах при 87-м Нейшлотском полку Антоний — 17 февраля во время усиленной бомбардировки Новгородской сопки обходил редуты, служил молебен, давая целовать крест. Богослужение мужественного священника сильно подняло дух нижних чинов.
 36. Священник при управлении полевого главн. священника 2-й армии Иаков Соколов — ревностно исполнял пастырские обязанности; при напутствии чинов 28-й артиллерийской бригады около станции Фашетунь был тяжело ранен.
 37. Протоиерей 55-го пех. Подольского полка Александр Орлов — самоотверженно исполнял пастырские обязанности на поле сражения и на перевязочных пунктах 12, 13, 14 января 1905 г. у д. Сандепу.
 38. Священник 33-го пех. Елецкого полка Константин Гапонович — напутствовал и утешал раненых в боях 20-25 февраля, на перевязочных пунктах, хоронил убитых, производил перевязки своим и японцам.
 39. Священник 34-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Павел Крахмалев — во время боя под Вафангоу — 2 июля под огнём неприятеля самоотверженно исполнял пастырские обязанности и содействовал перевязке раненых.

V. Священнослужители, награждённые орденами св. Владимира и св. Анны — с мечами

40. Священник 15-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Александр Холмогоров (ордена — св. Анны 3 ст. и 2 ст. с мечами, Владимира 4 ст. с мечами) — служил молебны в обстреливаемых местах Порт-Артура, с крестом обходил стрелков в укреплениях, благословляя их, напутствовал умирающих в госпиталях и на перевязочных пунктах.
41. Иеромонах 9-го запасного госпиталя (в Порт-Артуре) Нил (орденами — св. Владимира 4 ст. с мечами, св. Анны 3 ст. с мечами и Синодальным наперсным крестом). Под градом осколков от рвущихся снарядов неустрашимо исполнял духовные требы с полной верой и желанием добра ближнему. Своею деятельностью способствовал подъёму духа в командах.
42. Священник 7-го пех. сиб. Красноярского полка Василий Тюшняков (орденом св. Анны 3-й ст. с мечами и Синодальным наперсным крестом) — на перевязочных пунктах, пренебрегая личной опасностью, доходил до боевой линии, чтобы во время совершить таинство Св. Причащения и утешить больных.
43. Священник 10-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Иоанн Ремизов (орденами св. Анны 3 и 2 ст. с мечами) — при обороне Бейдалинского перевала 13, 16, 17 и 21 февраля 1905 г. совершал духовные требы под огнём неприятеля, хороня умирающих, напутствуя и утешая раненых.
44. Священник 137-го пех. Нежинского полка Сергей Боголепов (орденами св. Анны 3 и 2 ст. с мечами) — во время боёв 19–20 августа 1904 г. в сфере артиллерийского и ружейного огня с полным самообладанием [2] и мужеством исполнял свои обязанности и помогал врачам.
45. Священник крейсера I ранга «Баян» Анатолий Куньев (орденами св. Владимира 4 ст. с мечами и св. Анны 3 ст. с мечами) — погребал умерших под огнём неприятеля, оказывал помощь на перевязочных пунктах, обходил окопы со свят. крестом и кропил свят. водой нижних чинов. 18 ноября 1904 г. в Порт-Артуре.
46. Священник 5-го подвижн. полевого госпиталя Георгий Георгиевский (орденами св. Анны 3 и 2 ст. с ме-

чами) — самоотверженно и с отеческою любовью исполнял свои пастырские обязанности, исключительно среди тифозных и цинготных больных в Порт-Артуре до капитуляции крепости.

47. Иеромонах 5-го подвижн. запасного госпиталя Симон (орденами св. Анны 2 и 3 ст. с мечами) — за особые труды и усердие в госпитале в тяжёлое время осады Порт-Артурса.
48. Священник запасного № 7 госпиталя Павел Лебедев (орденами св. Анны 3 и 2 ст. с мечами) — во время обстреливания госпиталей (в Порт-Артуре) спешил сюда и оставался здесь, утешая больных и раненых. Несколько раз приходилось ему отпевать умерших под градом осколков рвущихся снарядов, но он с неустрашимостью доводил своё дело до конца.

VI. Священнослужители, награждённые орденом св. Анны с мечами

49. Священник Порт-Артурского сводного госпиталя Феодор Скальский (3 ст.) — за самоотверженное исполнение пастырских обязанностей под огнём неприятеля.
50. Священник крейсера I ранга «Россия» Феодосий Станкевич (2 ст.).
51. Священник крейсера I ранга «Громобой» Георгий Феодоров (2 ст.) — за мужество и самоотверженное поведение.
52. Священник 3-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Евстафий Левицкий (3 ст.) — за самоотверженные труды под огнём неприятеля и за перевязку раненых 2 июля 1904 г.
53. Священник 14-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Алексей Семов (2 ст.) — за участие в отбитии штурмов против Порт-Артурса с 7 по 19 ноября 1904 г.
54. Священник 1-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Иоанн Рублевский (2 ст.) — за мужественное исполнение пастырских обязанностей под Мукденом с 17 по 22.
55. Священник 18-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Гавриил Барнабов (3 ст.) — во время артиллерийского боя был на позиции, служил молебен и оставался до конца боя.
56. Священник 9-го сиб. Тобольского полка Петр Кузнецов (3 ст.) — за исполнение пастырских обязанностей у д. Лиухедзы с риском быть взятым в плен.

57. Священник 86-го пех. Вильманstrandского полка Алексей Желобовский (3 ст.) — за исполнение христианских треб 1, 2, 3 октября 1904 г. под огнём неприятеля.
58. Диакон при управлении главного полевого священника Николай Алмазов (3 ст.) — за ревностное исполнение своих обязанностей.
59. Священник 87-го пех. Нейшлотского полка Валентин Покровский (3 ст.).
60. Священник 146-го пех. Царицынского полка Александр Ласкарев (3 ст.) — за исполнение пастырских обязанностей на передовом перевязочном пункте с 28 сентября — 1 октября 1904 г.
61. Священник 9-го пех. Ингерманландского полка Михаил Птицын (3 ст.) — за энергию и мужество у д. Тадзыху 21 января и Янтай — 23 августа 1905 г., когда ободрял чинов отряда.
62. Священник 10-го пех. Новоингерманландского полка Дмитрий Митерев (3 ст.) — 18, 19 августа 1904 г. ободрял чинов полка, а на перевязочном пункте помогал врачам.
63. Священник 52-го драг. Нежинского полка Владимир Колосов (3 ст.) — за похвальное усердие в исполнении пастырских обязанностей 8 сентября 1904 г.
64. Священник полевого подвижного госпиталя № 25 Константин Казанский (3 ст.) — за усердное исполнение христианских треб и утешение раненых.
65. Священник 216-го пех. Инсарского полка Стефан Белинский (2 ст. и крест от Святейшего Синода) — в бою у д. Чанчжулинцы под огнём неприятеля хоронил убитых и утешал раненых.
66. Священник 15-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Иоанн Добросердов (3 ст.) — за самоотверженное исполнение пастырских обязанностей при обороне Порт-Артура.
67. Священник 25-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Дмитрий Тресвятский (3 ст.) — за самоотверженное исполнение духовных треб для полка при обороне Порт-Артура.
68. Священник 26-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Соломон Имерешвили (3 ст.) — за ревностное исполнение пастырских обязанностей при обороне Порт-Артура.
69. Священник запасного госпиталя № 6 Николай Рождественский (3 ст.) — за исполнение христианских треб под выстрелами неприятеля при обороне Порт-Артура.

70. Священник штаба Квантунской области Николай Глаголев (3 ст.) — за самоотверженное исполнение обязанностей пастыря при тяжёлой обороне Порт-Артура.
71. Иеромонах эскадренного броненосца «Победа» Никодим (3 ст.) — за служение молебна во время бомбардировки позиции и ободрение нижних чинов 18 ноября.
72. Иеромонах полевого подвижного № 6 госпиталя Игнатий (3 ст.) — за ревностное исполнение христианских треб и утешение раненых в Порт-Артуре.
73. Священник 11-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Пётр Курдюмов (3 ст.).
74. Священник 22-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Андрей Богославский (3 ст.).
75. Священник 24-го Вост.-Сиб. стрел. полка Василий Дубницкий (3 ст.).
76. Иеромонах подвижного полевого госпиталя № 15 Максим (3 ст.).
77. Священник подвижного полевого госпиталя № 16 Порфирий Попов (3 ст.).
78. Священник при транспорте Е.А. Вороновой Михаил Раевский (3 ст.).
79. Священник 214-го пех. Мокшанского полка Георгий Хитров (3 ст.) — у д. Бенсиху, невзирая на опасность быть убитым (25-29 марта 1904 г.), обходил позиции, напутствуя раненых.
80. Священник 215-го пех. Бузулукского полка Иоанн Сергиевской (3 ст.) — за исполнение христианских треб и ободрение солдат в бою 30 октября 1904 г.
81. Священник 285-го пех. Мценского полка Вячеслав Милонидов (3 ст.) — в бою 29 сентября 1904 г, невзирая на опасность, утешал раненых и напутствовал умирающих. д. Сехетунь.
82. Священник 219-го пех. Южновского полка Димитрий Любавский (3 ст.) — в боях 29 сентября и 1 октября 1904 г. напутствовал раненых и помогал перевязывать раны. Д. Куллингу.
83. Священник (в отставке) Енисейского полка Виктор Иванов (3 ст.) — за мужество и напутствование умирающих на перевязочных пунктах под огнём неприятеля — 20 августа 1904 г.
84. Священник полевого подвижного госпиталя № 22 Анатолий Белановский (3 ст.) — за исполнение пастыр-

- ских обязанностей и утешение раненых в боях 13, 23 августа 1904 г. Д. Даяньчунь.
85. Священник полевого подвижного госпиталя № 23 Георгий Уманцев (3 ст.) — за исполнение христианских треб, утешение раненых в боях 20-26 февраля 1905 г., за поддержание духа у солдат.
 86. Священник 282-го пех. Черноярского полка Александр Милицын (3 ст.) — под сильным огнём японцев напутствовал раненых в бою у д. Бенсиху.
 87. Иеромонах полевого подвижного госпиталя № 14 Рафаил (3 ст.) — за ревностное исполнение пастырских обязанностей и утешение раненых 5 января 1905 г.
 88. Священник 12-го пех. Великолуцкого полка Александр Пославский (3 ст.) — за исполнение пастырских обязанностей на поле боёв и на перевязочных пунктах.
 89. Священник 11-го пех. Смоленского полка Николай Северов (3 ст.) — за мужество и самоотверженное исполнение пастырских обязанностей. 30 января 1905 г. Д. Сахетунь.
 90. Священник 19-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Павел Баптиданов (3 ст.) — за участие в боях под Ляояном — 19, 20, 21 августа 1904 г.
 91. Священник Тарусского пех. полка Виктор Познанский (3 ст.) — ободрял людей во время боя и своим примером способствовал уверенности людям.

VII. Священнослужители, награждённые за самоотверженные труды во время войны наперсными крестами, выдаваемыми от Святейшего Синода

92. Священник 35-го пех. Брянского полка Евгений Шереметев.
93. Священник 8-го Вост.-Сиб. стрелк. полка Пётр Поваринский.
94. Иеромонах сводного Харбинского госпиталя Амвросий.
95. Иеромонах 26-го полевого госпиталя Виссарион.
96. Иеромонах 13-го подвижного госпиталя Владимир.

Главный полевой священник, протоиерей Сергей Голубев — за выдающуюся пастырскую деятельность и

попечительство о религиозно-нравственных нуждах Маньчжурских войск, действующих против Японии — 19 сентября 1904 г. награждён митрою. За участие в общем составе войск в боях под Ляояном с 13 по 23 августа и на реке Шахэ с 24 сентября по 3 октября награждён орденом св. Владимира 4 ст. с мечами.

Полевой священник 2-й армии Александр Журавский — за примерное исполнение пастырских обязанностей, за труды и лишения походной жизни — орденом св. Владимира 3 ст. [3]

Список военных священнослужителей Русской Православной Церкви, награждённых золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте за Русско-Японскую войну (опубликован в Приложении № 2) <http://www.history-ryazan.ru/node/10034>

Капков, Г.К. Памятная книга российского военного и морского духовенства XIX — начала XX веков: Справочные материалы. — М., 2008. — С. 508.

Шабанов, В.М. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920: Биобиблиографический справочник. — М., 2004. — С. 380, 914.

Голохвастов, К. Матрос 30-го черноморского экипажа Пётр Кошка и другие доблестные защитники Севастополя. — СПб, 1895.

Шавельский, Г., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. — М., 1996. — Т. 1.

Содержание

От автора..... 5

Часть первая.

Духовенство с оружием в руках за святую Православную веру и Русскую землю

Святые братья Пересвет и Ослябя	9
Брянские бояре	9
Троицкие иноки.....	14
Благословение преподобным Сергием монахов-воинов — Пересвета и Ослябяти.....	16
Куликово поле.....	21
Ратные подвиги Пересвета и Ослябяти.....	27
Эпилог.....	33
Ливонская война	36
Смутное время	47
Неустршимый протопоп Углицкий Афанасий.....	51
Героическая оборона Троице-Сергиевой Лавры	53
Славный Новгородец — протопоп Амос.....	60

Часть вторая.

Подвиги полковых священников

Орден воинской доблести.....	71
Вторая Турецкая кампания.....	73
Священник Трофим Куцинский — герой взятия Измаила.....	73
Штурм Измаила	75
Награда	78
Жизнь и подвиг священника Василия Васильковского	80
Путь к священству.....	80
Сражение под Витебском.....	83
Бородино	89
Под Малоярославцем	90
Эпилог.....	92
Подвиг священника Иова Каминского	95
Героическая судьба протоиерея Иоанна Пятибокова	98
Герой севастопольской обороны — иеромонах Иоанникий (Савинов).....	105
Иеромонах Иоанникий (Добротворский) — герой Крымской войны	108

Военный священник протоиерей Андрей Евграфович Малов (1815-1899)	111
Храбрый священник — Фёдор Михайлов	113

Часть третья.

Священники – герои русско-японской войны

Герой двух войн и мученик за веру — протоиерей Стефан Щербаковский	117
Священник 122-го тамбовского полка — Александр Любомудров	127
Героизм судовых священников в русско-японскую войну	128
Священник Михаил Руднев — крейсер «Варяг»	129
Иеромонах Алексей (Оконешников) — корабельный священник крейсера «Рюрик»	131
Крейсер «Олег»	134

Часть четвёртая.

Героизм духовенства в Первую мировую войну

Жизнь иеромонаха Антония (Смирнова) как непрестанный подвиг во имя Церкви и Отечества	146
Победил врагов словом	158
«Легендарный священник» — протоиерей Сергей Соколовский	159
О подвиге священника 9-го Драгунского полка Василия Шпичек	162
Отважный старец — иеромонах Евтихий (Тулупов) ...	162
Иеромонах-герой	168
Иеромонах Амвросий — полковой священник 3-го Гренадёрского Перновского полка	170
Храбрый батюшка Михаил Семёнов	172
Спасение полкового знамени.	174
Иеромонах Филофей (Антипычев), священник 209-го пехотного Богородского полка	174
Священник Иоанн Соколов	176
Игумен Нестор (Анисимов)	177
Священник 42-й артиллерийской бригады Виктор Кашубский	178

Владимир Праницкий — священник 217-го Ковровского полка	180
Протоиерей Андрей Богословский, священник 6-го Финляндского стрелкового полка	182
Протоиерей 154-го пехотного Дербентского полка Павел Смирнов	185
Священник 439-го пехотного Илецкого полка Михаил Дудицкий	188
Священник Черныярского пехотного полка Александр Тарноуцкий	189
«Красный поп» — Василий Островидов.....	190
Отец Феодор Скальский	194
Знаменский Сергей Иванович (1879-1937), священномученик, протоиерей	195

Часть пятая

Героический патриотизм русского духовенства в Великую Отечественную войну

Вступление	199
Голгофа архимандрита Александра Вишнякова.....	202
Священники — герои партизанского движения.....	221
Партизанский разведчик — священник Фёдор Пузанов	222
Партизанский связной и политинформатор — священник Василий Копычко	227
Отважный священник — Александр Романушко.....	229
Отец Кузьма	231
Другие священники.....	234
Отец Иоанн Рожанович.....	239
Священники, казнённые фашистами за помощь партизанам	242
Священники, с оружием в руках воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны....	247
Из воспоминаний протоиерея Бориса Пономарёва .	249
Протодиакон Маркиан Пасторов	252
Протоиерей Фёдор Забелин — герой двух войн	254

Часть шестая.

Героическое служение священников в наши дни

Пастырь, положивший душу свою за други своя	260
Новый кавказский мученик протоиерей Пётр Сухоносос	269
Послесловие	285

Герои Великой Отечественной, ставшие священниками и монахами после войны

Архимандрит Алипий (в миру Иван Михайлович Воронов) (1914-1975).....	297	
Протоиерей Николай Колосов (1915-2011).....	298	
Архимандрит Нифонт (в миру Николай Глазов) (1918-2004)	299	
Архиепископ Михей (в миру Александр Александрович Хархаров) (1921-2005).....	300	
Профессор, протоиерей Глеб Каледа (1921-1994)	301	
Монахиня Адриана (в миру Наталия Владимировна Малышева) (1921-2012).....	302	
Протоиерей Ариан Пневский (1924 г.р.)	303	
Протоиерей Василий Брылев (1924-2011).....	304	
Протоиерей Алексей Осипов (1924-2004)	305	
Протоиерей Борис Бартов (1926 г.р.).....	306	
Протоиерей Александр Смолкин (1926-2002)	307	
Протоиерей Валентин Бирюков (1922 г.р.)	308	
Протоиерей Сергей Вишневецкий (1926 г.р.)	309	
Протодиакон Николай Попович (1926 г.р.)	310	
Монах Самуил (в миру Мальков Алексей Иванович) (1924 г.р.).....	311	
Монахиня Елисавета (в миру Вера Дмитриева) (1923-2011)	312	
Протоиерей Роман Косовский (85 лет)	312	
Матушка София (Екатерина Михайловна Ошарина)	313	
Список военных священнослужителей Русской Православной Церкви, награждённых золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте		315

Поход в Персию 1827-1828 гг.	316
Русско-турецкая война 1828-1829 гг.	316
Усмирение польского мятежа 1831 г. и поход в Венгрию 1849 г.	317
Покорение Кавказа 1840-1863 гг.	318
Крымская война 1853-1856 гг.	318
Покорение Средней Азии 1872-1885 гг.	319
Русско-турецкая война 1877-1878 гг.	319
Поход в Китай 1900-1901 гг.	321
Русско-японская война 1904-1905 гг.	322
Первая мировая война 1914-1918 гг.	325
Список священнослужителей, убитых, раненых, умерших от ран и награжденных в Русско- японскую войну 1904-1905 гг.	336
Священнослужители, убитые в минувшую войну ...	336
Умерли от ран и контузий	336
Раненые	336
Контужены в голову	337
Священнослужители, удостоенные награды ордена св. Георгия 4 степени	337
Священнослужители, удостоенные наград — наперсного золотого креста из Кабинета Его Императорского Величества на георгиевской ленте и орденов св. Владимира с мечами и св. Анны с мечами	337
Священнослужители, удостоенные награждения орд. св. Анны с мечами и наперсным крестом из Кабинета Е.И. Величества на георгиевской ленте	339
Священнослужители, награждённые наперсными крестами из Кабинета Е.И. Величества на георгиевских лентах	341
Священнослужители, награждённые орденами св. Владимира и св. Анны — с мечами	344
Священнослужители, награждённые орденом св. Анны с мечами	345
Священнослужители, награждённые за самоотверженные труды во время войны наперсными крестами, выдаваемыми от Святейшего Синода	349

Дорогие читатели!
Просим простить за возможные допущенные опечатки.
Издательство «Благовест» с благодарностью
примет Ваши отзывы и указания
на замеченные ошибки

Протоиерей Николай Агафонов

**РАТНЫЕ ПОДВИГИ
ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА**

Технический редактор: Ивашкова В. Ю.
Корректор: Сыромятников А. А.
Верстка: Громов А. В.
Дизайн обложки: Зимихин А. А.

Подписано в печать 13.08.2013. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Bookman Old Style».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
П. л. 11. Тираж 10 000 экз. Заказ С-1930.

Издательство «Благовест»
Адрес: 123182, г. Москва, ул. Авиационная, дом 13.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

**ПОСЕТИТЕ ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
издательства «БЛАГОВЕСТ»**

WWW.BLAGOVEST-MOSKVA.RU

**много православных книг и икон, акции и скидки
для ОПТОВЫХ И РОЗНИЧНЫХ покупателей**

Протоиерей Николай Агафонов – известный русский писатель, автор книг «Неприкаянное юродство простых историй», «Иоанн Дамаскин», «Жены-мироносицы», «Свет золотой луны», «Преодоление земного притяжения» и других. Лауреат всероссийских литературных премий имени Александра Невского, Виктора Розова. Член Союза писателей России.

Восемнадцать полковых священников стали кавалерами ордена великомученика Георгия Победоносца. Более двухсот награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте. Это были заслуженные кровью награды.

Но книга рассказывает не только о полковых священниках 18–20 веков. История героизма православного духовенства уход в глубь веков и самый яркий тому пример – это участие в Куликовской битве монахов Пересвета и Осляби. Подвигом этих двух русских богатырей и начинается повествование, а заканчивается книга героическим подвигом самоотверженного служения священников в Чеченскую войну нашего времени.

